

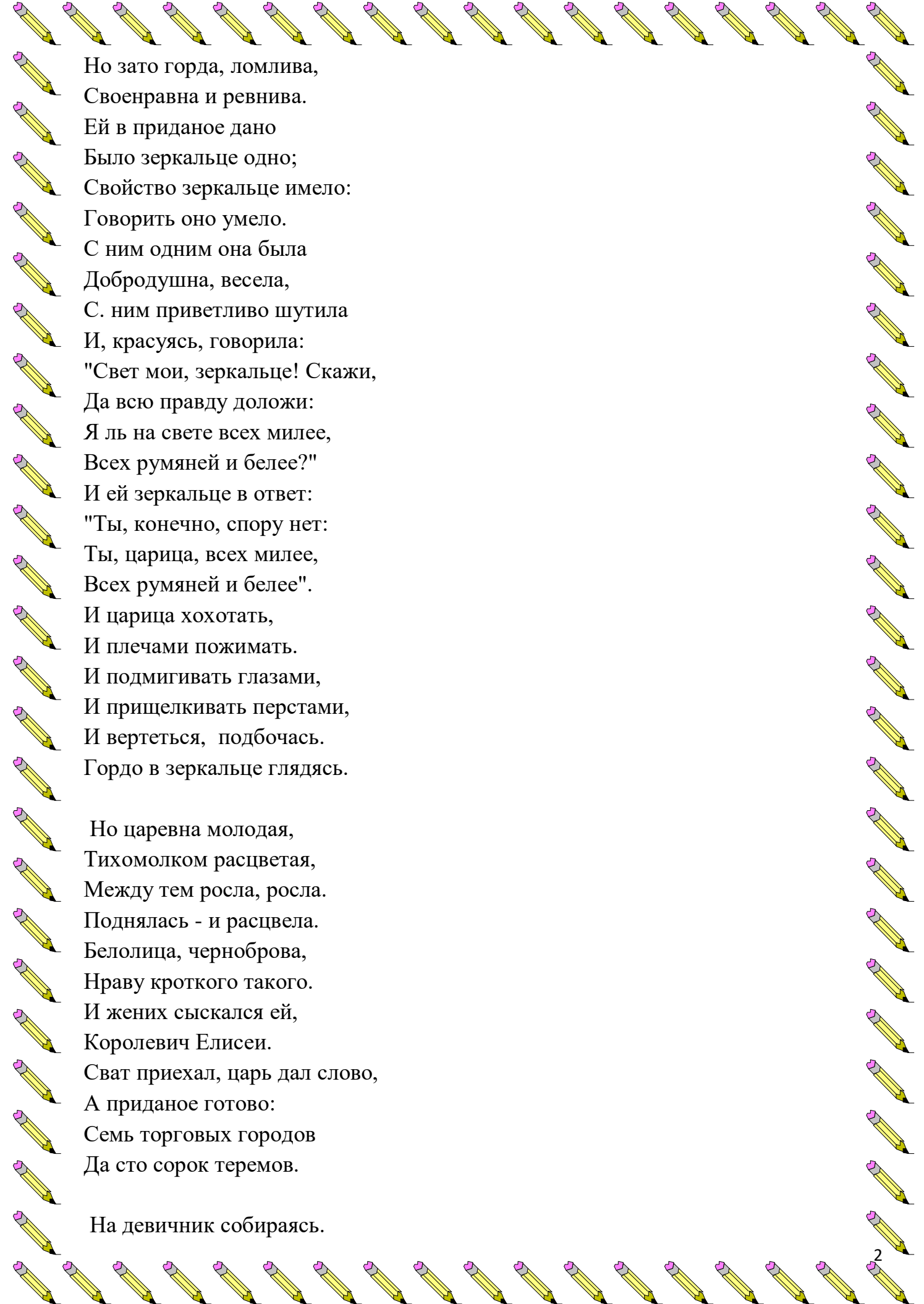
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СКАЗКИ

А. Пушкин. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись, глядячи
С белой зори до ночи.
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.

Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь,
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издавеча, наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

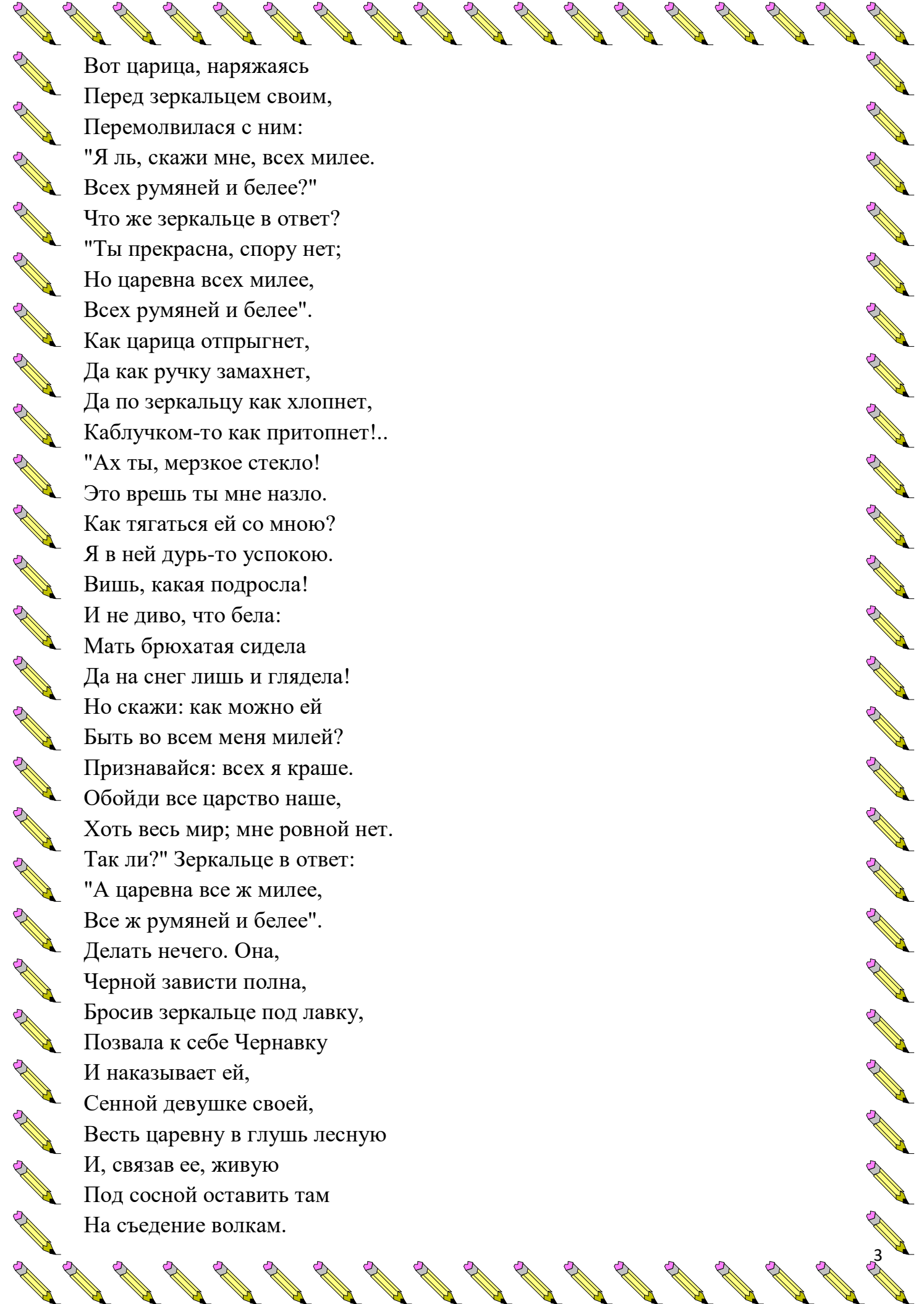
Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел, как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;

Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С. ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
"Свет мой, зеркальце! Скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?"
И ей зеркальце в ответ:
"Ты, конечно, спору нет:
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее".
И царица хохотать,
И плечами пожимать.
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться, подбочась.
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла.
Поднялась - и расцвела.
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисеи.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь.

Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
"Я ль, скажи мне, всех милее.
Всех румяней и белее?"
Что же зеркальце в ответ?
"Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее".
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
"Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне назло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь, какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?" Зеркальце в ответ:
"А царевна все ж милее,
Все ж румяней и белее".
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Черт ли сладит с бабой гневной?

Спорить нечего. С царевной

Вот Чернавка в лес пошла

И в такую даль свела,

Что царевна догадалась,

И до смерти испугалась,

И взмолилась: "Жизнь моя!

В чем, скажи, виновна я?

Не губи меня, девица!

А как буду я царица,

Я пожалую тебя".

Та, в душе ее любя,

Не убила, не связала,

Отпустила и сказала:

"Не кручинься, бог с тобой".

А сама пришла домой.

"Что? - сказала ей царица,-

Где красавица-девица?"

"Там, в лесу, стоит одна,-

Отвечает ей она,-

Крепко связаны ей локти;

Попадется зверю в когти,

Меньше будет ей терпеть,

Легче будет умереть".

И молва трезвонить стала:

Дочка царская пропала!

Тужит бедный царь по ней.

Королевич Елисей,

Помолясь усердно богу,

Отправляется в дорогу

За красавицей-душой,

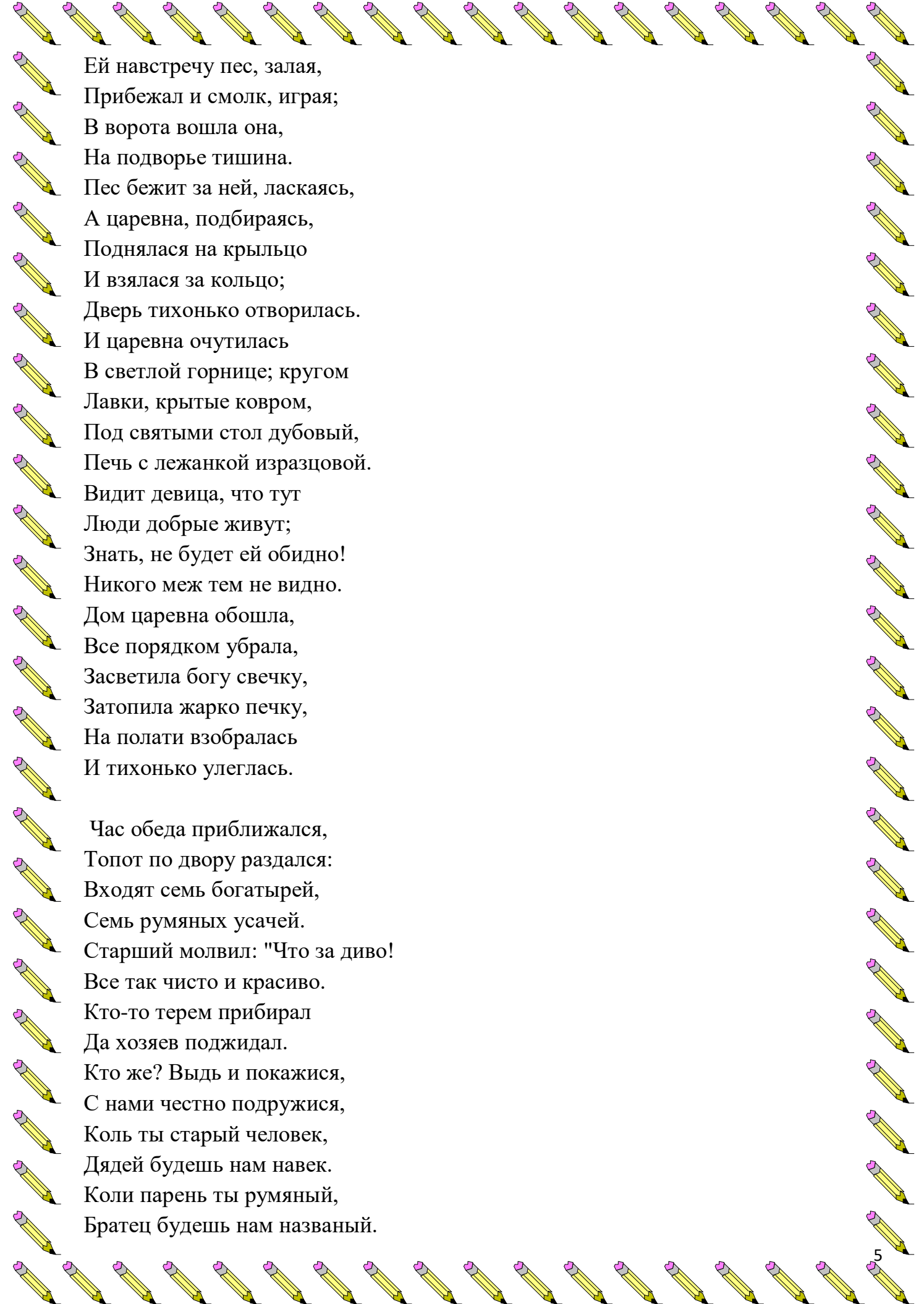
За невестой молодой.

Но невеста молодая,

До зари в лесу блуждая,

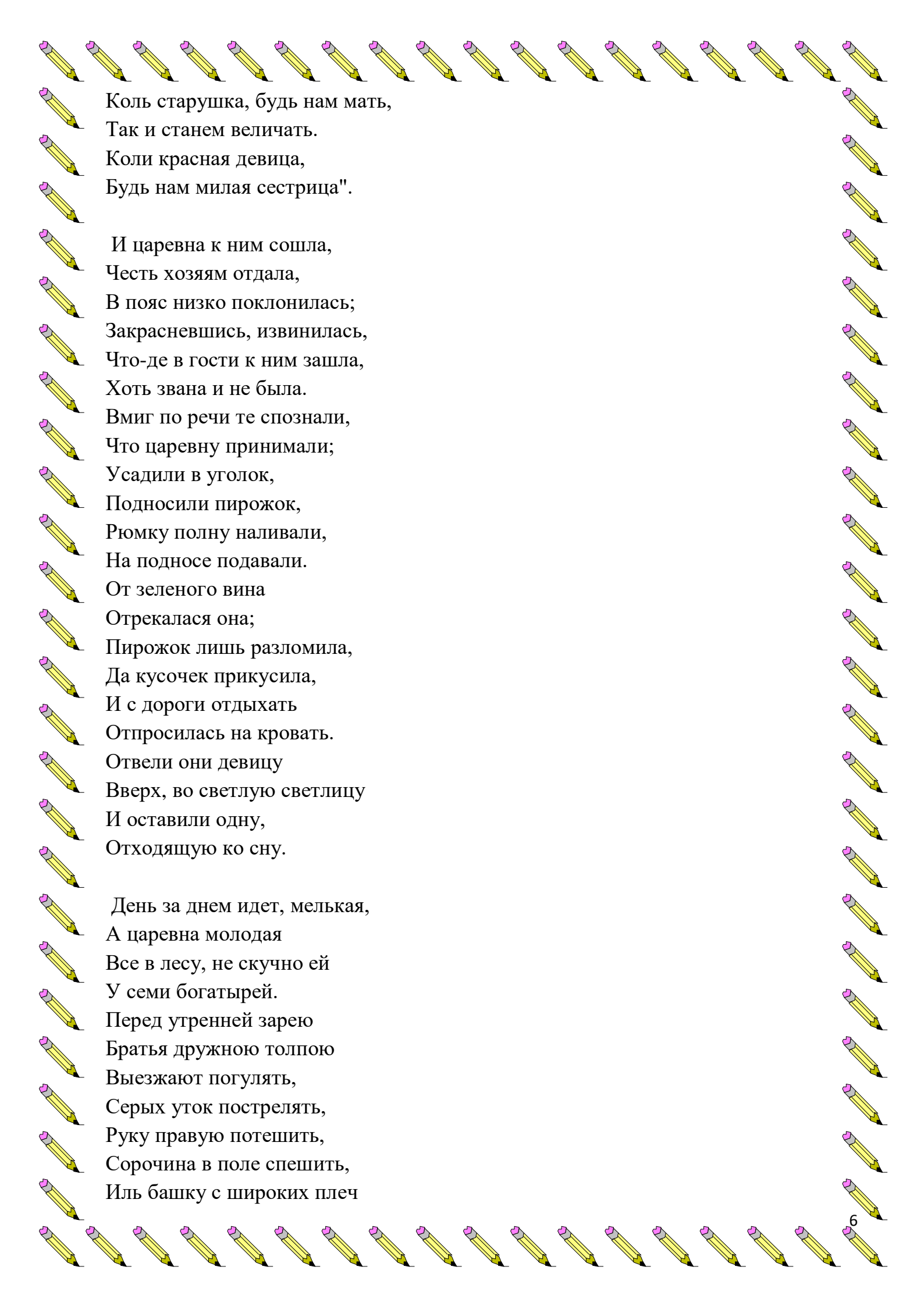
Между тем все шла да шла

И на терем набрела.

Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась.
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно!
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Все порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

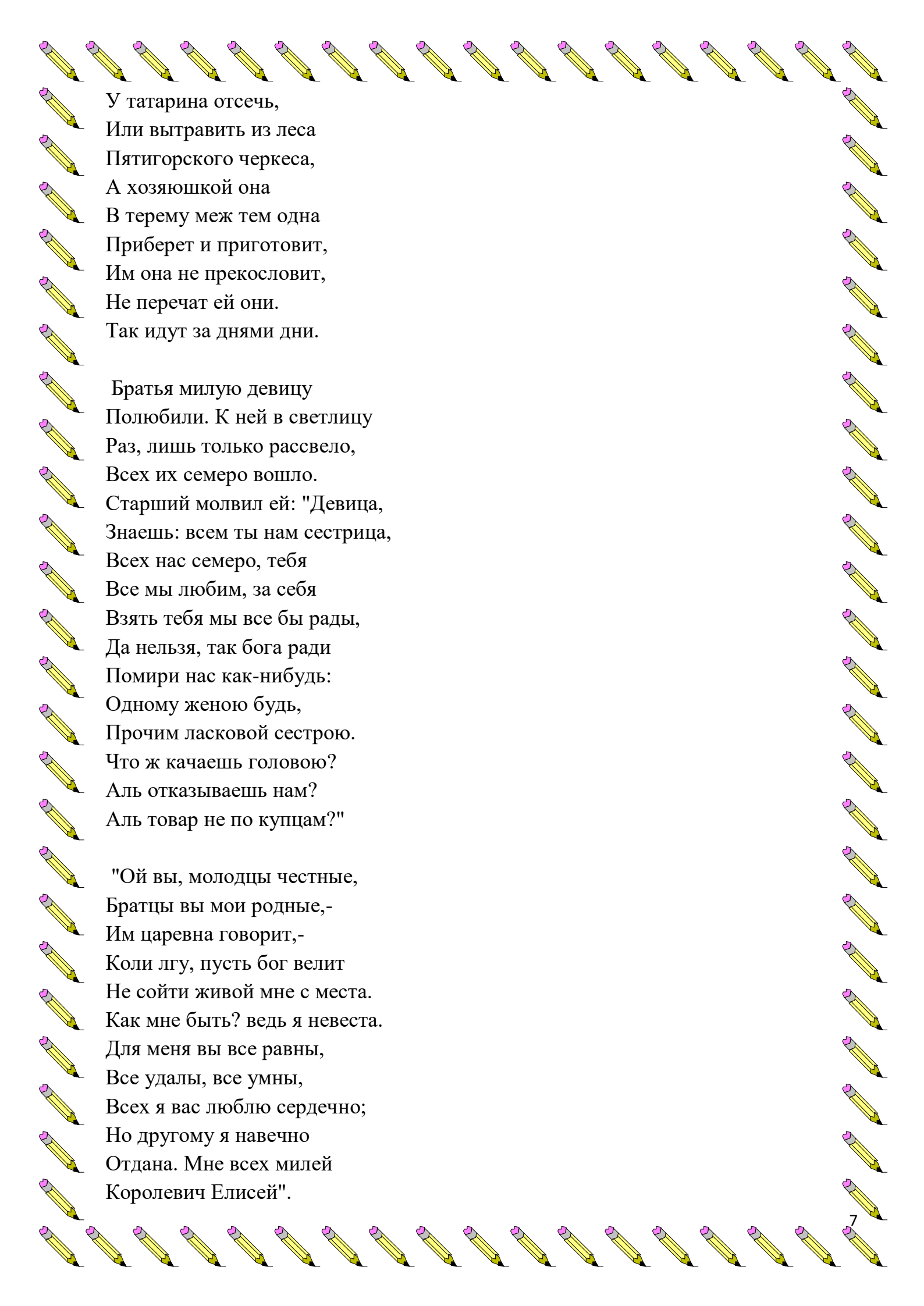
Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: "Что за диво!
Все так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися,
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.

Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица".

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломилла,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдохнуть
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх, во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Все в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч

У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса,
А хозяйюшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит,
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

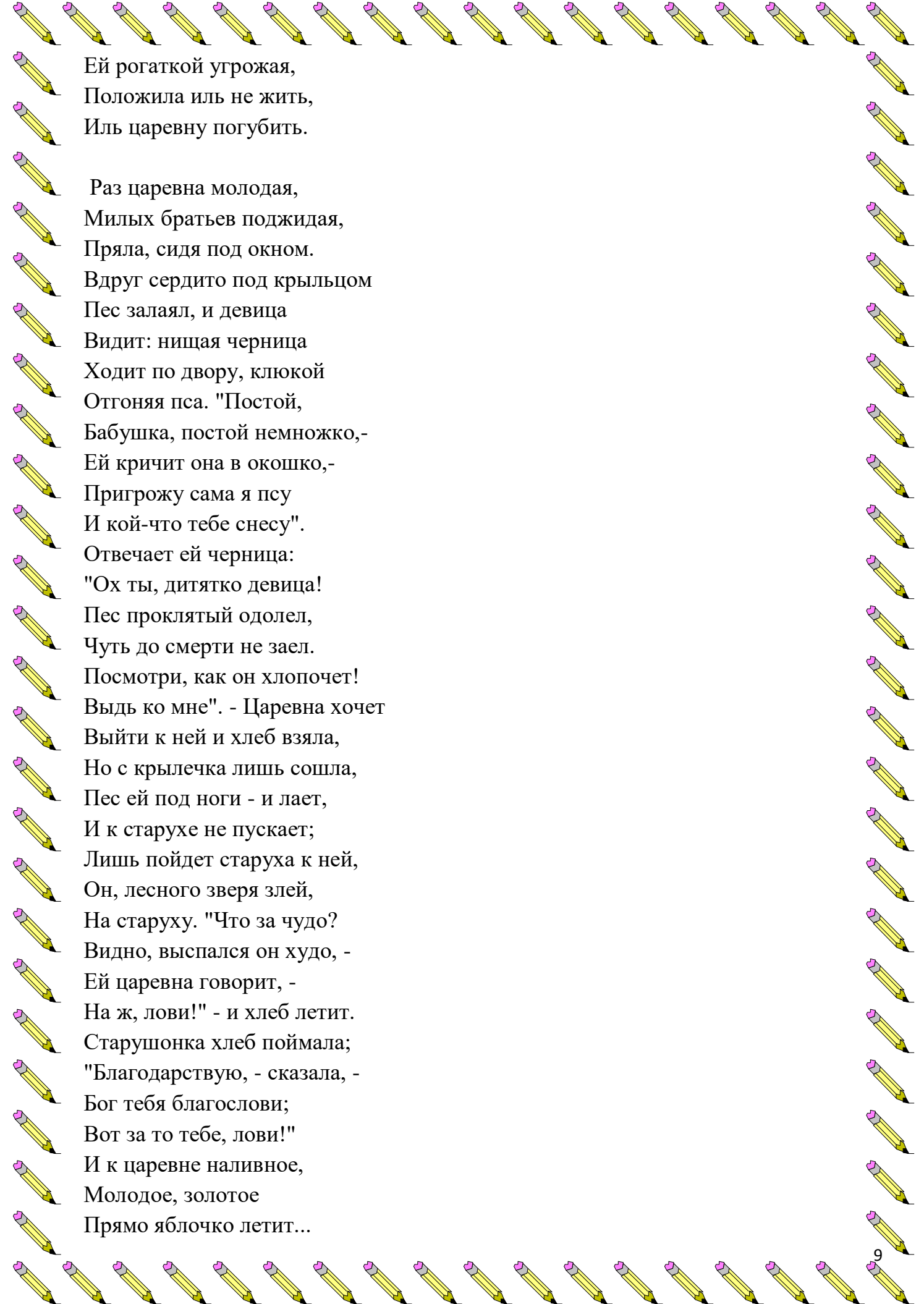
Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: "Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы рады,
Да нельзя, так бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сestroю.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?"

"Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,-
Им царевна говорит,-
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей".

Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
"Спрос не грех. Прости ты нас,-
Старший молвил поклонись,-
Коли так, не заикнуса
Уж о том".- "Я не сержуся,-
Тихо молвила она,-
И отказ мой не вина".
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
"Здравствуй, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?"
И ей зеркальце в ответ:
"Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все ж тебя милей".
И царица налетела
На Чернавку: "Как ты смела
Обмануть меня? и в чем!.."
Та призналася во всем:
Так и так. Царица злая,

Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. "Постой,
Бабушка, постой немножко,-
Ей кричит она в окошко,-
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу".
Отвечает ей черница:
"Ох ты, дитяtko девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне". - Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги - и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. "Что за чудо?
Видно, выпался он худо, -
Ей царевна говорит, -
На ж, лови!" - и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
"Благодарствую, - сказала, -
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!"
И к царевне наливное,
Молодое, золотое
Прямо яблочко летит...

Пес как прыгнет, завизжит...

Но царевна в обе руки

Хватать - поймала. "Ради скуки,

Кушай яблочко, мой свет.

Благодарствуй за обед..." -

Старушоночка сказала,

Поклонилась и пропала...

И с царевной на крыльцо

Пес бежит и ей в лицо

Жалко смотрит, грозно воет,

Словно сердце песье ноет,

Словно хочет ей сказать:

Брось! - Она его ласкать,

Треплет нежною рукою;

"Что, Соколко, что с тобою?

Ляг!" - и в комнату вошла,

Дверь тихонько заперла,

Под окно за пряжу села

Ждать хозяев, а глядела

Все на яблоко. Оно

Соку спелого полно,

Так свежо и так душисто,

Так румяно-золотисто,

Будто медом налилось!

Видны семечки насквозь...

Подождать она хотела

До обеда, не стерпела,

В руки яблочко взяла,

К алым губкам поднесла,

Потихоньку прокусила

И кусочек проглотила...

Вдруг она, моя душа,

Пошатнулась не дыша,

Белы руки опустила,

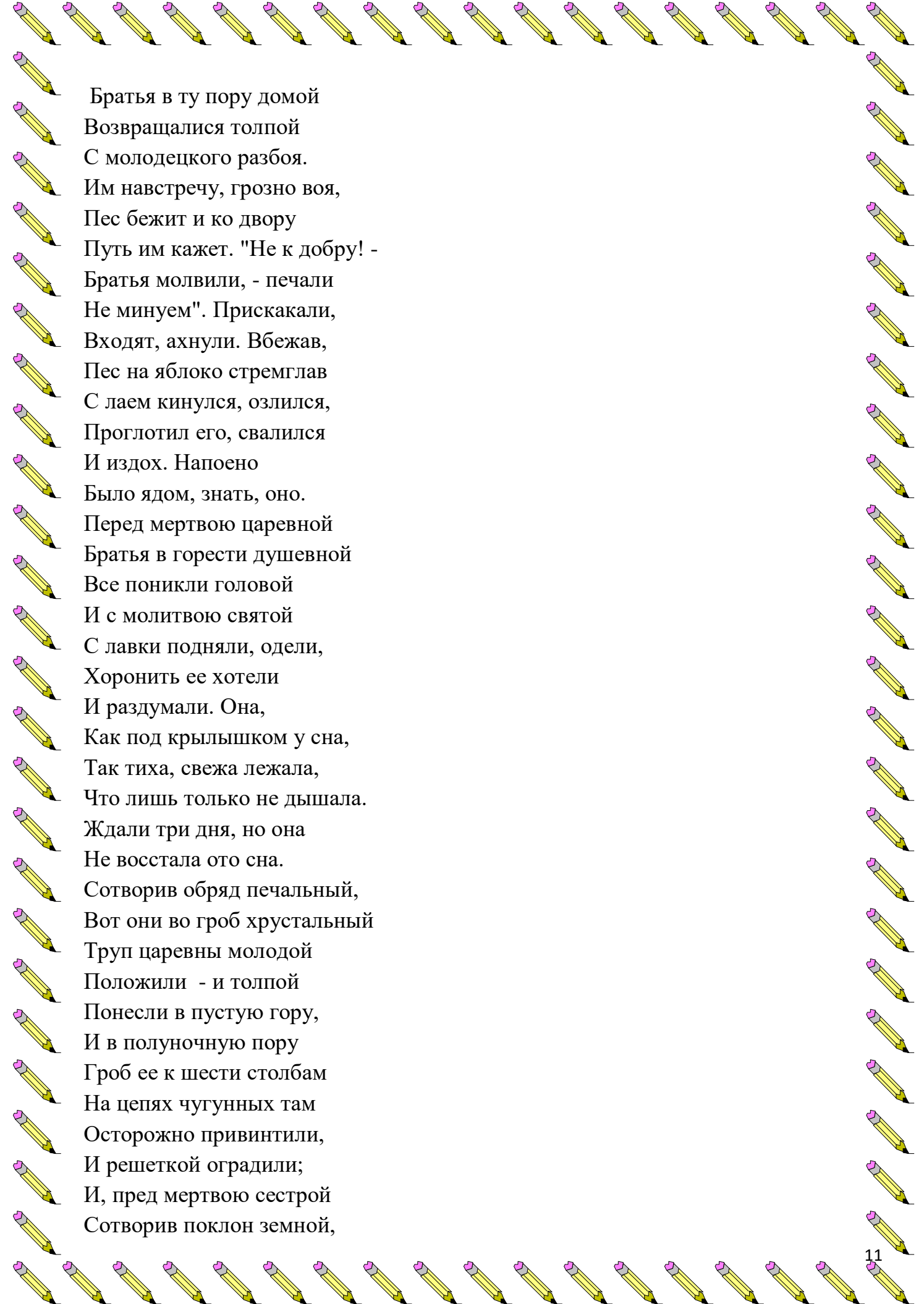
Плод румяный уронила,

Закатились глаза,

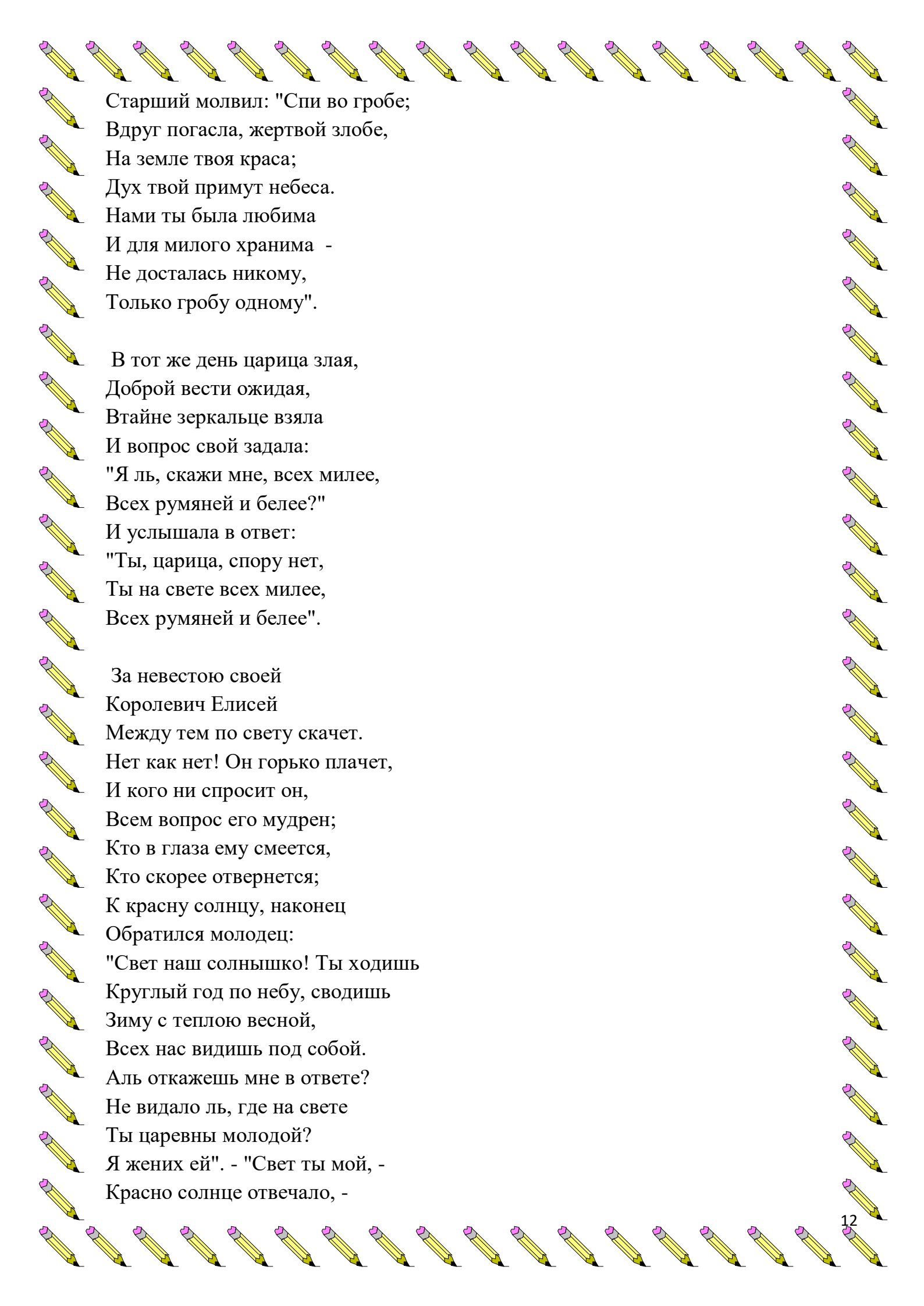
И она под образа

Головой на лавку пала

И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, грозно воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. "Не к добру! -
Братья молвили, - печали
Не минуем". Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили - и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили,
И решеткой оградили;
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,

Старший молвил: "Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима -
Не досталась никому,
Только гробу одному".

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
"Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?"
И услышала в ответ:
"Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее".

За невестою своей
Корольевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу, наконец
Обратился молодец:
"Свет наш солнышко! Ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль, где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей". - "Свет ты мой, -
Красно солнце отвечало, -

Я царевны не видало.

Знать, ее в живых уж нет.

Разве месяц, мой сосед,

Где-нибудь ее да встретил

Или след ее заметил".

Темной ночи Елисей

Дождался в тоске своей.

Только месяц показался,

Он за ним с мольбой погнался.

"Месяц, месяц, мой дружок,

Позолоченный рожок!

Ты встаешь во тьме глубокой,

Круглолицый, светлоокий,

И, обычай твой любя,

Звезды смотрят на тебя.

Аль откажешь мне в ответе?

Не видал ли где на свете

Ты царевны молодой?

Я жених ей". - "Братец мой, -

Отвечает месяц ясный, -

«Не видал я девы красной.

На стороже я стою

Только в очередь мою.

Без меня царевна видно

Пробежала". - "Как обидно!" -

Королевич отвечал.

Ясный месяц продолжал:

"Погоди; об ней, быть может,

Ветер знает. Он поможет.

Ты к нему теперь ступай,

Не печалься же, прощай".

Елисей, не унывая,

К ветру кинулся, взывая:

"Ветер, ветер! Ты могуч,

Ты гоняешь стаи туч,

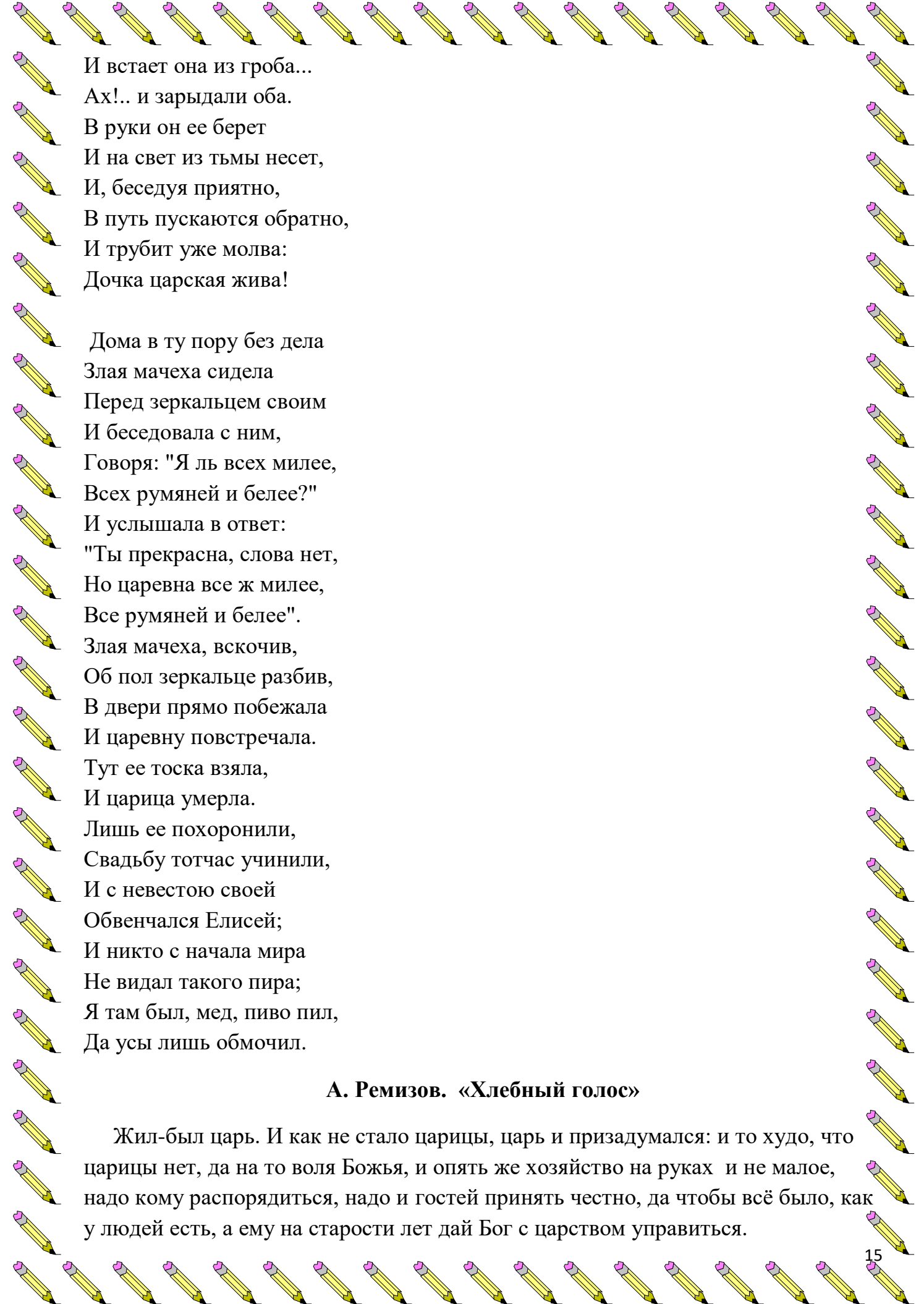
Ты волнуешь сине море,

Всюду веешь на просторе.

Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее". - "Постой, -
Отвечает ветер буйный, -
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ной глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста".

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошел к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет, и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
"Как же долго я спала!"

И встает она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубят уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: "Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?"
И услышала в ответ:
"Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна все ж милее,
Все румяней и белее".
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

А. Ремизов. «Хлебный голос»

Жил-был царь. И как не стало царицы, царь и призадумался: и то худо, что царицы нет, да на то воля Божья, и опять же хозяйство на руках и не малое, надо кому распорядиться, надо и гостей принять честно, да чтобы всё было, как у людей есть, а ему на старости лет дай Бог с царством управиться.

А было у царя три сына, все трое женаты, при отце жили. Вот царь призвал к себе снох, и старшую, и среднюю, и младшую - и решил испытать, кому из них большухой быть.

- Какой,- говорит,- голос дальше слышен?

Старшая думала, думала, - какой голос?

- Да вот,- говорит, - батюшка, наемднн бычок за Москвой-рекой рычал, так у Андроньева на обедне слышно было.

- Эка дурёха! - отставил царь старшую сноху и к средней.- Какой голос дальше слышно?

- Петух у нас, батюшка, седни пел поутру, а в Соколинках у мамушки слышали, Софоровна сказывала.

Царь только бороду погладил: ну, чего с такой спросить? - и к младшей:

- Какой голос дальше слышно?

- Не смею, батюшка, сказать, сами знаете.

- Как так, говори, не бойсь.

- Хлебный голос дальше слышно.

- Какой такой хлебный?

- А такой, батюшка, если кто хорошо кормит, а голодного не забывает, накормит, согреет, утешит, про того далеко слышно.

- Ну, - говорит царь, - умница ты, Поля, по-русски сказала, так и будь ты большухой.

И пошло с этих пор на Руси - хлебный голос всех дальше слышен

А. Ремизов. «Гуси-лебеди»

Еще до рассвета, когда черти бились на кулачки и собиралась заря в восход взойти и вскидывал ветер шелковой плеткой, вышел из леса волк в поле погулять.

Канули черти в овраг, занялась заря, выкатилось в зорьке солнце.

А под солнцем рай - дерево распустило свой сиреневый медовый цвет.

Гуси проснулись. Попросились гуси у матери в поле полетать. Не перечила мать, отпустила гусей в поле, сама осталась на озере, села яйцо нести. Несла яйцо, не заметила, как уж день подошел к вечеру.

Забеспокоилась мать, зовет детей:

- Гуси-лебеди, домой! Кричат гуси:

- Волк под горой.

- Что он делает?

- Утку щиплет.

- Какую?

- Серую да белую.

- Летите, не бойтесь...

Побежали гуси с поля. А волк тут-как-тут. Перенял все стадо, потащил гусей под горку. Ему, серому, только того и надо.

- Готовьтесь, - объявил волк гусям, - я сейчас вас есть буду.

Взмолились гуси:

- Не губи нас, серый волк, мы тебе по лапочке отдадим по гусиной!

- Ничего не могу поделать: я - серый волк.

Пощипали гуси травки, сели в кучку, а уж солнышко заходит, домой хочется.

Волк в те поры точил себе зубы: иступил с утками,

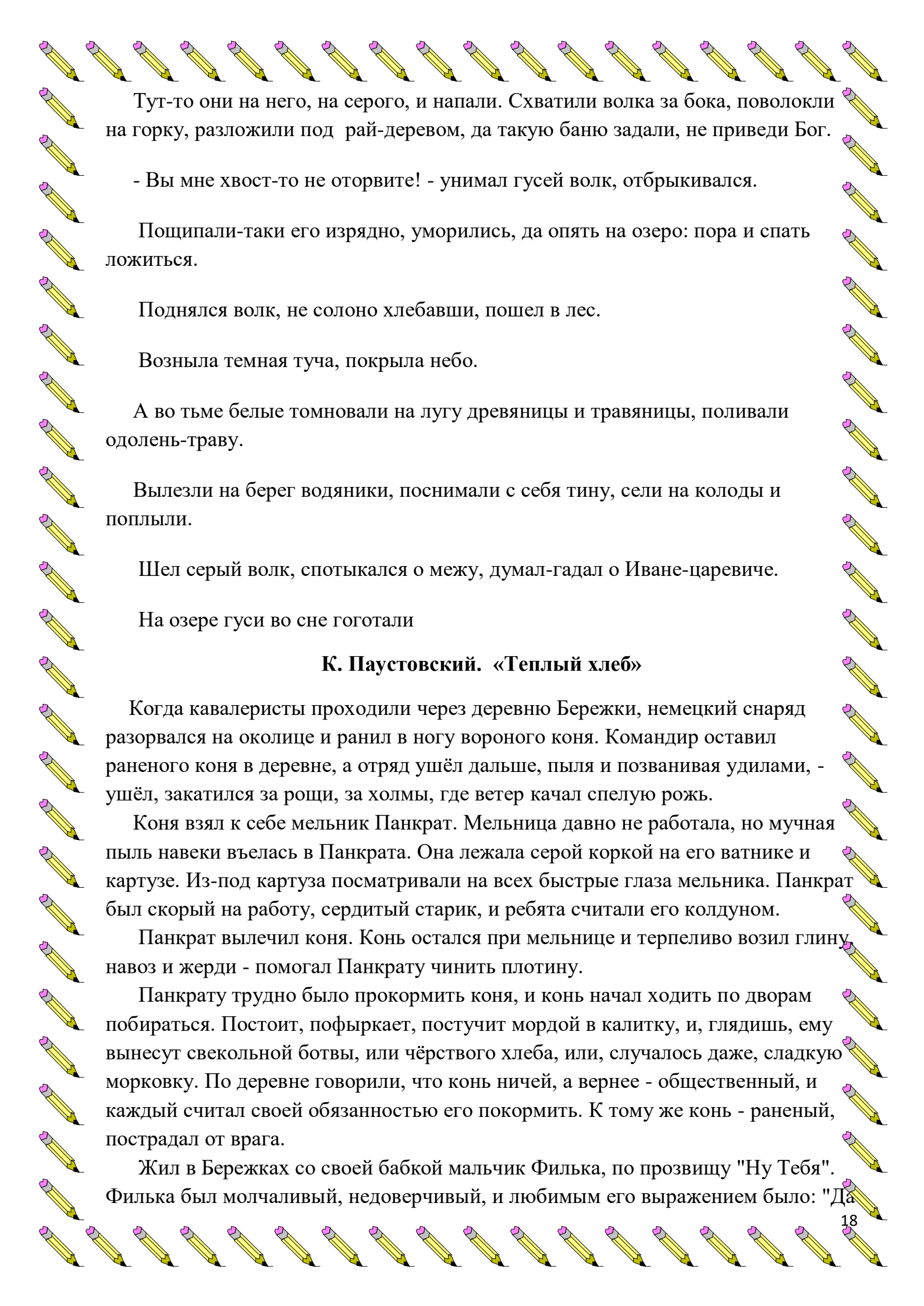
А мать, как почувала, что неладное случилось с детьми, снялась с озера да в поле. Полетала по полю, покликала, видит - перышки валяются, да следом прямо и пришла к горке.

Стала она думать, как ей своих найти - у волка были там и другие гуси - думала, думала и придумала: пошла ходить по гусям да тихонько за ушко дергать. Который гусь пикнет, тот ее - матернин, а который закукарекает, не ее волков.

Так всех своих и нашла.

Уж и обрадовались гуси, содом подняли.

Бросил волк зубы точить, побежал посмотреть, в чем дело.

Тут-то они на него, на серого, и напали. Схватили волка за бока, поволокли на горку, разложили под рай-деревом, да такую баню задали, не приведи Бог.

- Вы мне хвост-то не оторвите! - унимал гусей волк, отбрыкивался.

Пощипали-таки его изрядно, уморились, да опять на озеро: пора и спать ложиться.

Поднялся волк, не солоно хлебавши, пошел в лес.

Возныла темная туча, покрыла небо.

А во тьме белые томновали на лугу древяницы и травяницы, поливали одолень-траву.

Вылезли на берег водяники, снимали с себя тину, сели на колоды и поплыли.

Шел серый волк, спотыкался о межу, думал-гадал о Иване-царевиче.

На озере гуся во сне гоготали

К. Паустовский. «Теплый хлеб»

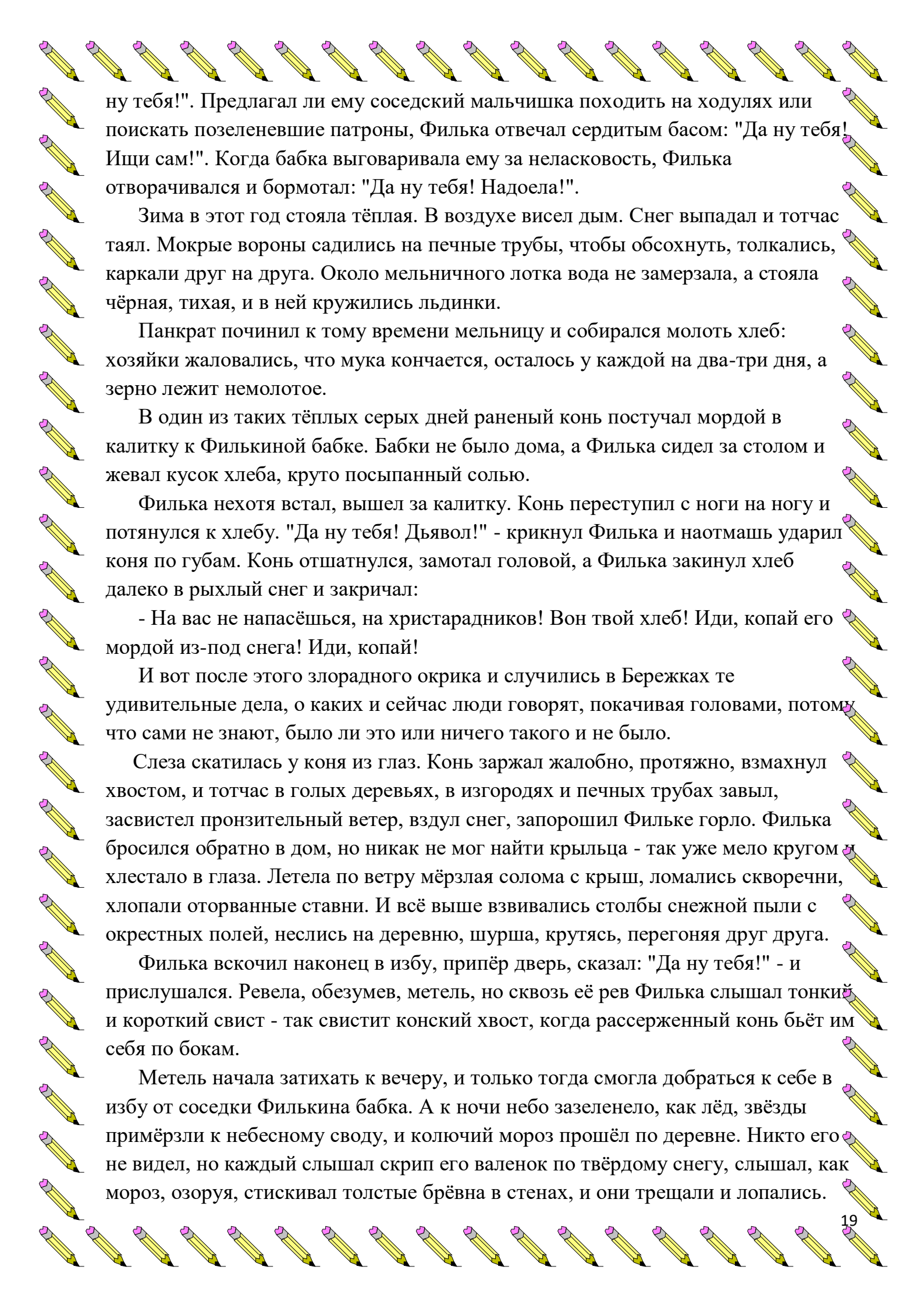
Когда кавалеристы проходили через деревню Бережки, немецкий снаряд разорвался на окраине и ранил в ногу вороного коня. Командир оставил раненого коня в деревне, а отряд ушёл дальше, пыля и позванивая удилами, - ушёл, закатился за рощи, за холмы, где ветер качал спелую рожь.

Коня взял к себе мельник Панкрат. Мельница давно не работала, но мучная пыль навеки въелась в Панкрата. Она лежала серой коркой на его ватнике и картузе. Из-под картуза посматривали на всех быстрые глаза мельника. Панкрат был скорый на работу, сердитый старик, и ребята считали его колдуном.

Панкрат вылечил коня. Конь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди - помогал Панкрату чинить плотину.

Панкрату трудно было прокормить коня, и конь начал ходить по дворам побираться. Постоит, пофыркает, постучит мордой в калитку, и, глядишь, ему вынесут свекольной ботвы, или чёрствого хлеба, или, случалось даже, сладкую морковку. По деревне говорили, что конь ничей, а вернее - общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. К тому же конь - раненый, пострадал от врага.

Жил в Бережках со своей бабкой мальчик Филька, по прозвищу "Ну Тебя". Филька был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: "Да

ну тебя!". Предлагал ли ему соседский мальчишка походить на ходулях или поискать позеленевшие патроны, Филька отвечал сердитым басом: "Да ну тебя! Ищи сам!". Когда бабка выговаривала ему за неласковость, Филька отворачивался и бормотал: "Да ну тебя! Надоела!".

Зима в этот год стояла тёплая. В воздухе висел дым. Снег выпадал и тотчас таял. Мокрые вороны садились на печные трубы, чтобы обсохнуть, толкались, каркали друг на друга. Около мельничного лотка вода не замерзала, а стояла чёрная, тихая, и в ней кружились льдинки.

Панкрат починил к тому времени мельницу и собирался молотить хлеб: хозяйки жаловались, что мука кончается, осталось у каждой на два-три дня, а зерно лежит немолотое.

В один из таких тёплых серых дней раненый конь постучал мордой в калитку к Филькиной бабке. Бабки не было дома, а Филька сидел за столом и жевал кусок хлеба, круто посыпанный солью.

Филька нехотя встал, вышел за калитку. Конь переступил с ноги на ногу и потянулся к хлебу. "Да ну тебя! Дьявол!" - крикнул Филька и наотмашь ударил коня по губам. Конь отшатнулся, замотал головой, а Филька закинул хлеб далеко в рыхлый снег и закричал:

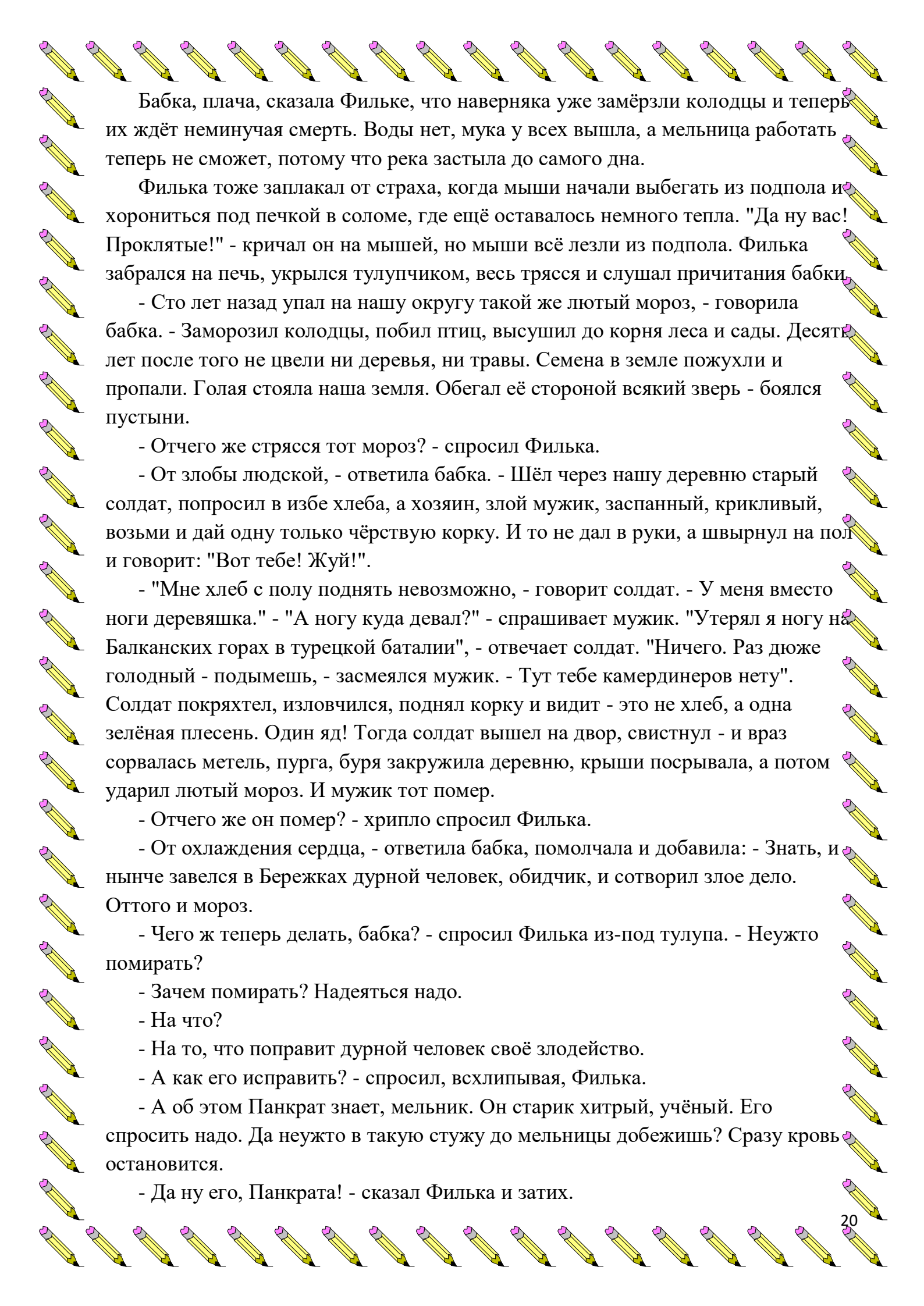
- На вас не напасёшься, на христарадников! Вон твой хлеб! Иди, копай его мордой из-под снега! Иди, копай!

И вот после этого злорадного окрика и случились в Бережках те удивительные дела, о каких и сейчас люди говорят, покачивая головами, потому что сами не знают, было ли это или ничего такого и не было.

Слеза скатилась у коня из глаз. Конь заржал жалобно, протяжно, взмахнул хвостом, и тотчас в голых деревьях, в изгородях и печных трубах завыл, засвистел пронзительный ветер, вздул снег, запорошил Фильке горло. Филька бросился обратно в дом, но никак не мог найти крыльца - так уже мело кругом и хлестало в глаза. Летела по ветру мёрзлая солома с крыш, ломались скворечни, хлопали оторванные ставни. И всё выше взвивались столбы снежной пыли с окрестных полей, неслись на деревню, шурша, крутясь, перегоняя друг друга.

Филька вскочил наконец в избу, припёр дверь, сказал: "Да ну тебя!" - и прислушался. Ревела, обезумев, метель, но сквозь её рев Филька слышал тонкий и короткий свист - так свистит конский хвост, когда рассерженный конь бьёт им себя по бокам.

Метель начала затихать к вечеру, и только тогда смогла добраться к себе в избу от соседки Филькина бабка. А к ночи небо зазеленело, как лёд, звёзды примёрзли к небесному своду, и колючий мороз прошёл по деревне. Никто его не видел, но каждый слышал скрип его валенок по твёрдому снегу, слышал, как мороз, озоруя, стискивал толстые брёвна в стенах, и они трещали и лопались.

Бабка, плача, сказала Фильке, что наверняка уже замёрзли колодцы и теперь их ждёт неминуемая смерть. Воды нет, мука у всех вышла, а мельница работать теперь не сможет, потому что река застыла до самого дна.

Филька тоже заплакал от страха, когда мыши начали выбегать из подпола и хорониться под печкой в соломе, где ещё оставалось немного тепла. "Да ну вас! Проклятые!" - кричал он на мышей, но мыши всё лезли из подпола. Филька забрался на печь, укрылся тулупчиком, весь трясся и слушал причитания бабки.

- Сто лет назад упал на нашу округу такой же лютый мороз, - говорила бабка. - Заморозил колодцы, побил птиц, высушил до корня леса и сады. Десять лет после того не цвели ни деревья, ни травы. Семена в земле пожухли и пропали. Голая стояла наша земля. Обегал её стороной всякий зверь - боялся пустыни.

- Отчего же стряся тот мороз? - спросил Филька.

- От злобы людской, - ответила бабка. - Шёл через нашу деревню старый солдат, попросил в избе хлеба, а хозяин, злой мужик, заспанный, крикливый, возьми и дай одну только чёрствую корку. И то не дал в руки, а швырнул на пол и говорит: "Вот тебе! Жуй!".

- "Мне хлеб с полу поднять невозможно, - говорит солдат. - У меня вместо ноги деревяшка." - "А ногу куда девал?" - спрашивает мужик. "Утерял я ногу на Балканских горах в турецкой баталии", - отвечает солдат. "Ничего. Раз дюже голодный - подымешь, - засмеялся мужик. - Тут тебе камердинеров нету". Солдат покряхтел, изловчился, поднял корку и видит - это не хлеб, а одна зелёная плесень. Один яд! Тогда солдат вышел на двор, свистнул - и враз сорвалась метель, пурга, буря закружила деревню, крыши посрывала, а потом ударил лютый мороз. И мужик тот помер.

- Отчего же он помер? - хрипло спросил Филька.

- От охлаждения сердца, - ответила бабка, помолчала и добавила: - Знать, и нынче завелся в Бережках дурной человек, обидчик, и сотворил злое дело. Оттого и мороз.

- Чего ж теперь делать, бабка? - спросил Филька из-под тулупа. - Неужто помирать?

- Зачем помирать? Надеяться надо.

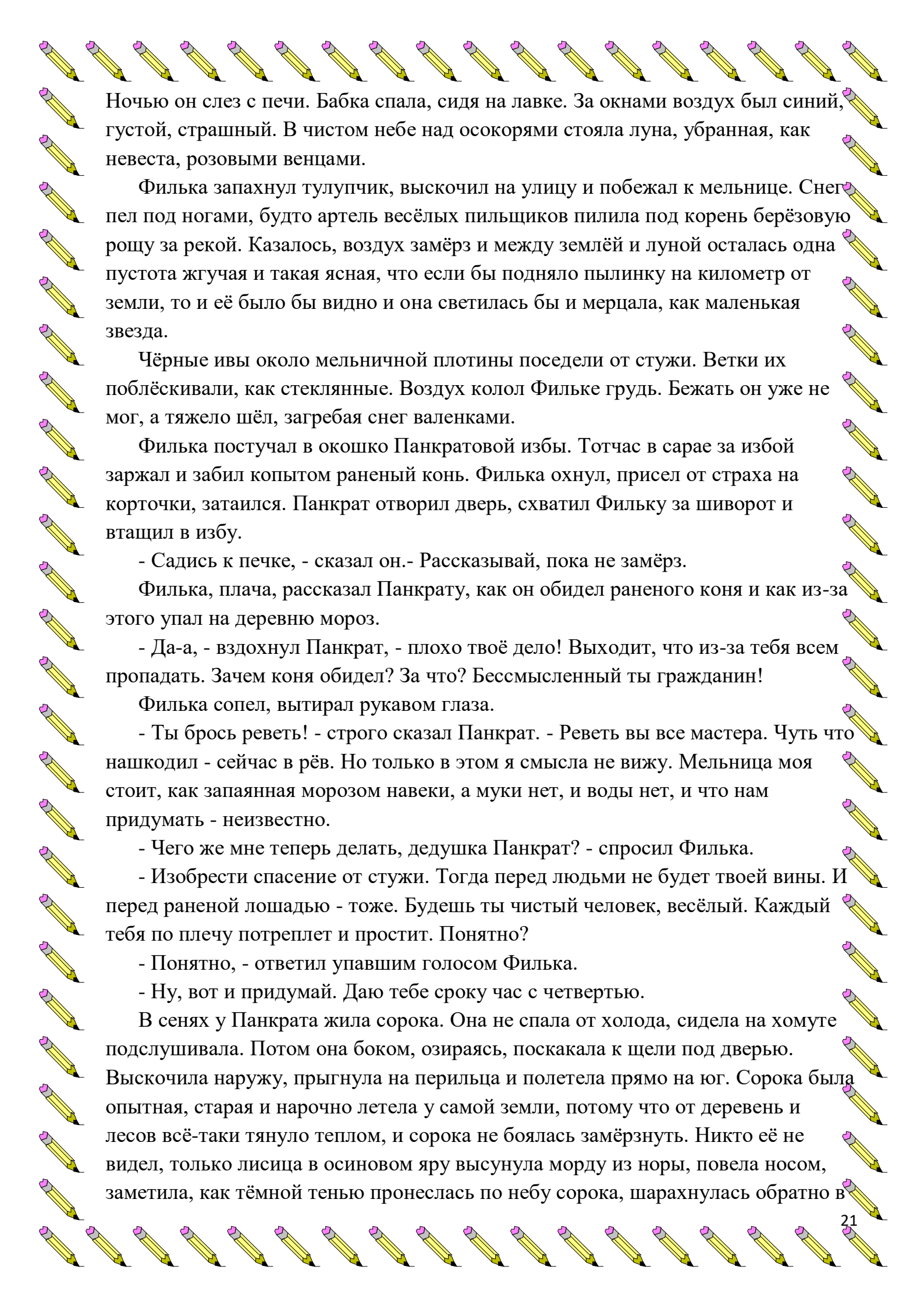
- На что?

- На то, что поправит дурной человек своё злодейство.

- А как его исправить? - спросил, всхлипывая, Филька.

- А об этом Панкрат знает, мельник. Он старик хитрый, учёный. Его спросить надо. Да неужто в такую стужу до мельницы добежишь? Сразу кровь остановится.

- Да ну его, Панкрата! - сказал Филька и затих.

Ночью он слез с печи. Бабка спала, сидя на лавке. За окнами воздух был синий, густой, страшный. В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами.

Филька запахнул тулупчик, выскочил на улицу и побежал к мельнице. Снег пел под ногами, будто артель весёлых пильщиков пилила под корень берёзовую рощу за рекой. Казалось, воздух замёрз и между землёй и луной осталась одна пустота жгучая и такая ясная, что если бы подняло пылинку на километр от земли, то и её было бы видно и она светилась бы и мерцала, как маленькая звезда.

Чёрные ивы около мельничной плотины поседели от стужи. Ветки их поблёскивали, как стеклянные. Воздух колот Фильке грудь. Бежать он уже не мог, а тяжело шёл, загребая снег валенками.

Филька постучал в окошко Панкратовой избы. Тотчас в сарае за избой заржал и забил копытом раненый конь. Филька охнул, присел от страха на корточки, затаился. Панкрат отворил дверь, схватил Фильку за шиворот и втащил в избу.

- Садись к печке, - сказал он.- Рассказывай, пока не замёрз.

Филька, плача, рассказал Панкрату, как он обидел раненого коня и как из-за этого упал на деревню мороз.

- Да-а, - вздохнул Панкрат, - плохо твоё дело! Выходит, что из-за тебя всем пропадать. Зачем коня обидел? За что? Бессмысленный ты гражданин!

Филька сопел, вытирал рукавом глаза.

- Ты брось реветь! - строго сказал Панкрат. - Реветь вы все мастера. Чуть что нашкодил - сейчас в рёв. Но только в этом я смысла не вижу. Мельница моя стоит, как запаянная морозом навеки, а муки нет, и воды нет, и что нам придумать - неизвестно.

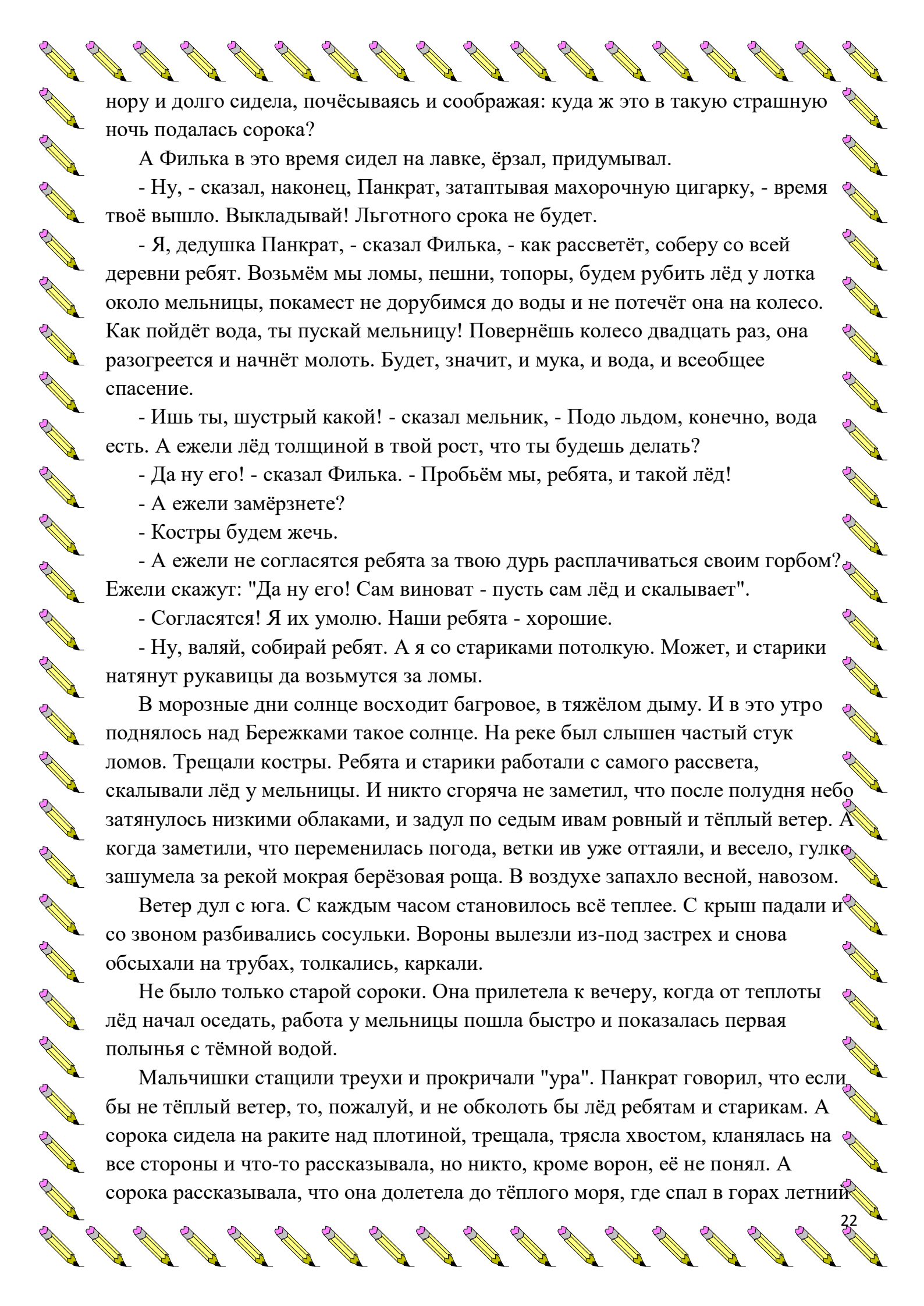
- Чего же мне теперь делать, дедушка Панкрат? - спросил Филька.

- Изобрести спасение от стужи. Тогда перед людьми не будет твоей вины. И перед раненой лошадейю - тоже. Будешь ты чистый человек, весёлый. Каждый тебя по плечу потреплет и простит. Понятно?

- Понятно, - ответил упавшим голосом Филька.

- Ну, вот и придумай. Даю тебе сроку час с четвертью.

В сенях у Панкрата жила сорока. Она не спала от холода, сидела на хомуте подслушивала. Потом она боком, озираясь, поскакала к щели под дверью. Выскочила наружу, прыгнула на перильца и полетела прямо на юг. Сорока была опытная, старая и нарочно летела у самой земли, потому что от деревень и лесов всё-таки тянуло теплом, и сорока не боялась замёрзнуть. Никто её не видел, только лисица в осиновом яру высунула морду из норы, повела носом, заметила, как тёмной тенью пронеслась по небу сорока, шарахнулась обратно в

нору и долго сидела, почёсываясь и соображая: куда ж это в такую страшную ночь подалась сорока?

А Филька в это время сидел на лавке, ёрзал, придумывал.

- Ну, - сказал, наконец, Панкрат, затапывая махорочную сигарку, - время твоё вышло. Выкладывай! Льготного срока не будет.

- Я, дедушка Панкрат, - сказал Филька, - как рассветёт, соберу со всей деревни ребят. Возьмём мы ломы, пешни, топоры, будем рубить лёд у лотка около мельницы, покамест не дорубимся до воды и не потечёт она на колесо. Как пойдёт вода, ты пускай мельницу! Повернёшь колесо двадцать раз, она разогреется и начнёт молоть. Будет, значит, и мука, и вода, и всеобщее спасение.

- Ишь ты, шустрый какой! - сказал мельник, - Подо льдом, конечно, вода есть. А ежели лёд толщиной в твой рост, что ты будешь делать?

- Да ну его! - сказал Филька. - Пробьём мы, ребята, и такой лёд!

- А ежели замёрзнете?

- Костры будем жечь.

- А ежели не согласятся ребята за твою дурь расплачиваться своим горбом?

Ежели скажут: "Да ну его! Сам виноват - пусть сам лёд и скалывает".

- Согласятся! Я их умолю. Наши ребята - хорошие.

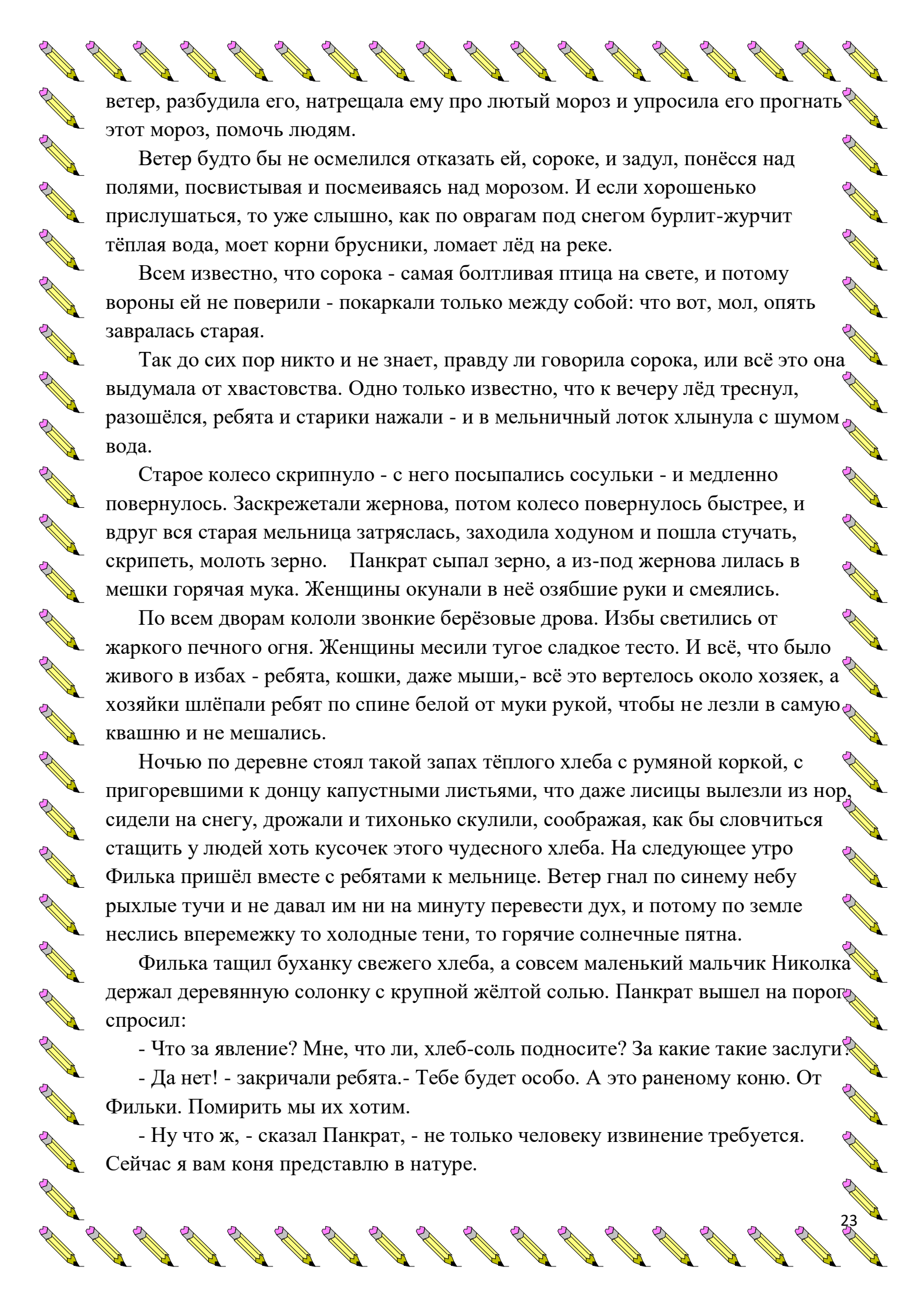
- Ну, валяй, собирай ребят. А я со стариками потолкую. Может, и старики натянут рукавицы да возьмутся за ломы.

В морозные дни солнце восходит багровое, в тяжёлом дыму. И в это утро поднялось над Бережками такое солнце. На реке был слышен частый стук ломов. Трещали костры. Ребята и старики работали с самого рассвета, скалывали лёд у мельницы. И никто сгоряча не заметил, что после полудня небо затянулось низкими облаками, и задул по седым ивам ровный и тёплый ветер. А когда заметили, что переменилась погода, ветки ив уже оттаяли, и весело, гулко зашумела за рекой мокрая берёзовая роща. В воздухе запахло весной, навозом.

Ветер дул с юга. С каждым часом становилось всё теплее. С крыш падали и со звоном разбивались сосульки. Вороны вылезли из-под застрех и снова обсыхали на трубах, толкались, каркали.

Не было только старой сороки. Она прилетела к вечеру, когда от теплоты лёд начал оседать, работа у мельницы пошла быстро и показалась первая полынья с тёмной водой.

Мальчишки стащили треухи и прокричали "ура". Панкрат говорил, что если бы не тёплый ветер, то, пожалуй, и не обколоть бы лёд ребятам и старикам. А сорока сидела на раките над плотиной, трещала, трясла хвостом, кланялась на все стороны и что-то рассказывала, но никто, кроме ворон, её не понял. А сорока рассказывала, что она долетела до тёплого моря, где спал в горах летний

ветер, разбудила его, натрещала ему про лютый мороз и упростила его прогнать этот мороз, помочь людям.

Ветер будто бы не осмелился отказать ей, сороке, и задул, понёсся над полями, посвистывая и посмеиваясь над морозом. И если хорошенько прислушаться, то уже слышно, как по оврагам под снегом бурлит-журчит тёплая вода, моет корни брусники, ломает лёд на реке.

Всем известно, что сорока - самая болтливая птица на свете, и потому вороны ей не поверили - покаркали только между собой: что вот, мол, опять завралась старая.

Так до сих пор никто и не знает, правду ли говорила сорока, или всё это она выдумала от хвастовства. Одно только известно, что к вечеру лёд треснул, разошёлся, ребята и старики нажали - и в мельничный лоток хлынула с шумом вода.

Старое колесо скрипнуло - с него посыпались сосульки - и медленно повернулось. Заскрежетали жернова, потом колесо повернулось быстрее, и вдруг вся старая мельница затряслась, заходила ходуном и пошла стучать, скрипеть, молотить зерно. Панкрат сыпал зерно, а из-под жернова лилась в мешки горячая мука. Женщины окунали в неё озябшие руки и смеялись.

По всем дворам кололи звонкие берёзовые дрова. Избы светились от жаркого печного огня. Женщины месили тугое сладкое тесто. И всё, что было живого в избах - ребята, кошки, даже мыши,- всё это вертелось около хозяек, а хозяйки шлёпали ребят по спине белой от муки рукой, чтобы не лезли в самую квашню и не мешались.

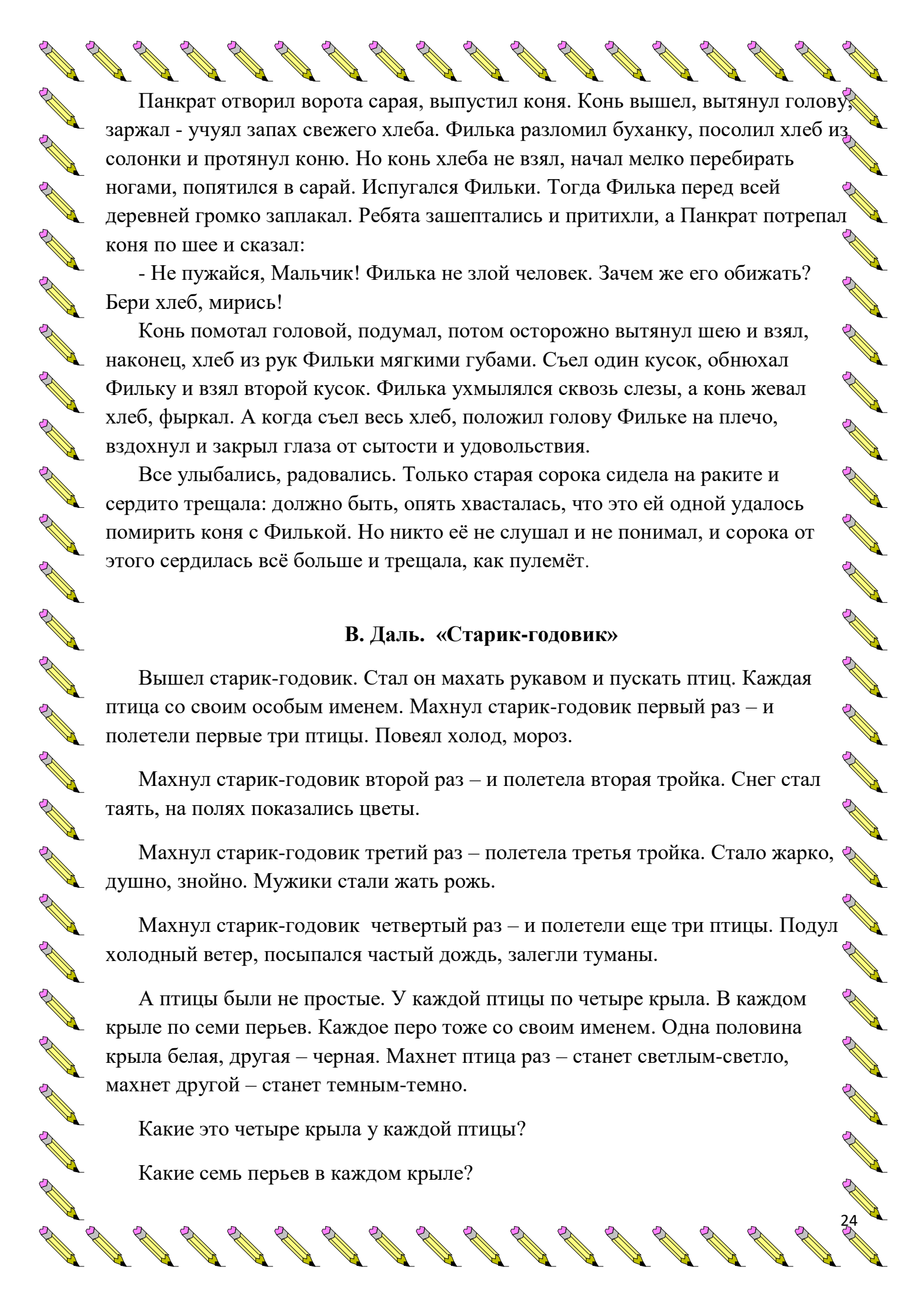
Ночью по деревне стоял такой запах тёплого хлеба с румяной коркой, с пригоревшими к донцу капустными листьями, что даже лисицы вылезли из нор, сидели на снегу, дрожали и тихонько скулили, соображая, как бы словчиться стащить у людей хоть кусочек этого чудесного хлеба. На следующее утро Филька пришёл вместе с ребятами к мельнице. Ветер гнал по синему небу рыхлые тучи и не давал им ни на минуту перевести дух, и потому по земле неслись вперемежку то холодные тени, то горячие солнечные пятна.

Филька тащил буханку свежего хлеба, а совсем маленький мальчик Николка держал деревянную солонку с крупной жёлтой солью. Панкрат вышел на порог и спросил:

- Что за явление? Мне, что ли, хлеб-соль подносите? За какие такие заслуги!

- Да нет! - закричали ребята.- Тебе будет особо. А это раненому коню. От Фильки. Помирить мы их хотим.

- Ну что ж, - сказал Панкрат, - не только человеку извинение требуется. Сейчас я вам коня представлю в натуре.

Панкрат отворил ворота сарая, выпустил коня. Конь вышел, вытянул голову, заржал - учуял запах свежего хлеба. Филька разломил буханку, посолил хлеб из солонки и протянул коню. Но конь хлеба не взял, начал мелко перебирать ногами, попятился в сарай. Испугался Фильки. Тогда Филька перед всей деревней громко заплакал. Ребята зашептались и притихли, а Панкрат потрепал коня по шее и сказал:

- Не пужайся, Мальчик! Филька не злой человек. Зачем же его обижать? Бери хлеб, мирись!

Конь помотал головой, подумал, потом осторожно вытянул шею и взял, наконец, хлеб из рук Фильки мягкими губами. Съел один кусок, обнюхал Фильку и взял второй кусок. Филька ухмылялся сквозь слезы, а конь жевал хлеб, фыркал. А когда съел весь хлеб, положил голову Фильке на плечо, вздохнул и закрыл глаза от сытости и удовольствия.

Все улыбались, радовались. Только старая сорока сидела на раките и сердито трещала: должно быть, опять хвасталась, что это ей одной удалось помирить коня с Филькой. Но никто её не слушал и не понимал, и сорока от этого сердилась всё больше и трещала, как пулемёт.

В. Даль. «Старик-годовик»

Вышел старик-годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик-годовик первый раз – и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик-годовик второй раз – и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях показались цветы.

Махнул старик-годовик третий раз – полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик-годовик четвертый раз – и полетели еще три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина крыла белая, другая – черная. Махнет птица раз – станет светлым-светло, махнет другой – станет темным-темно.

Какие это четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

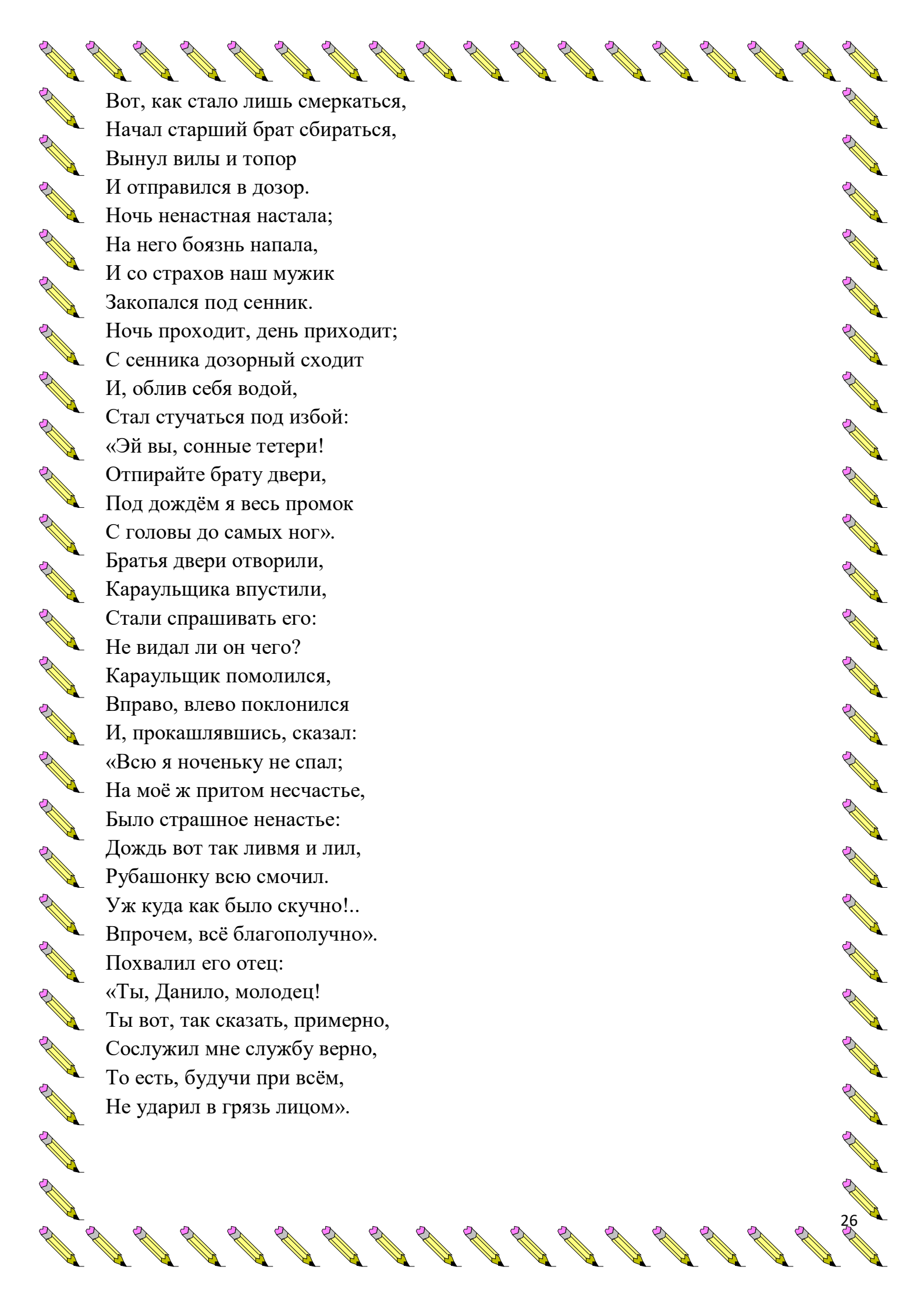
Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая черная?

П. Ершов. «Конёк-Горбунок»

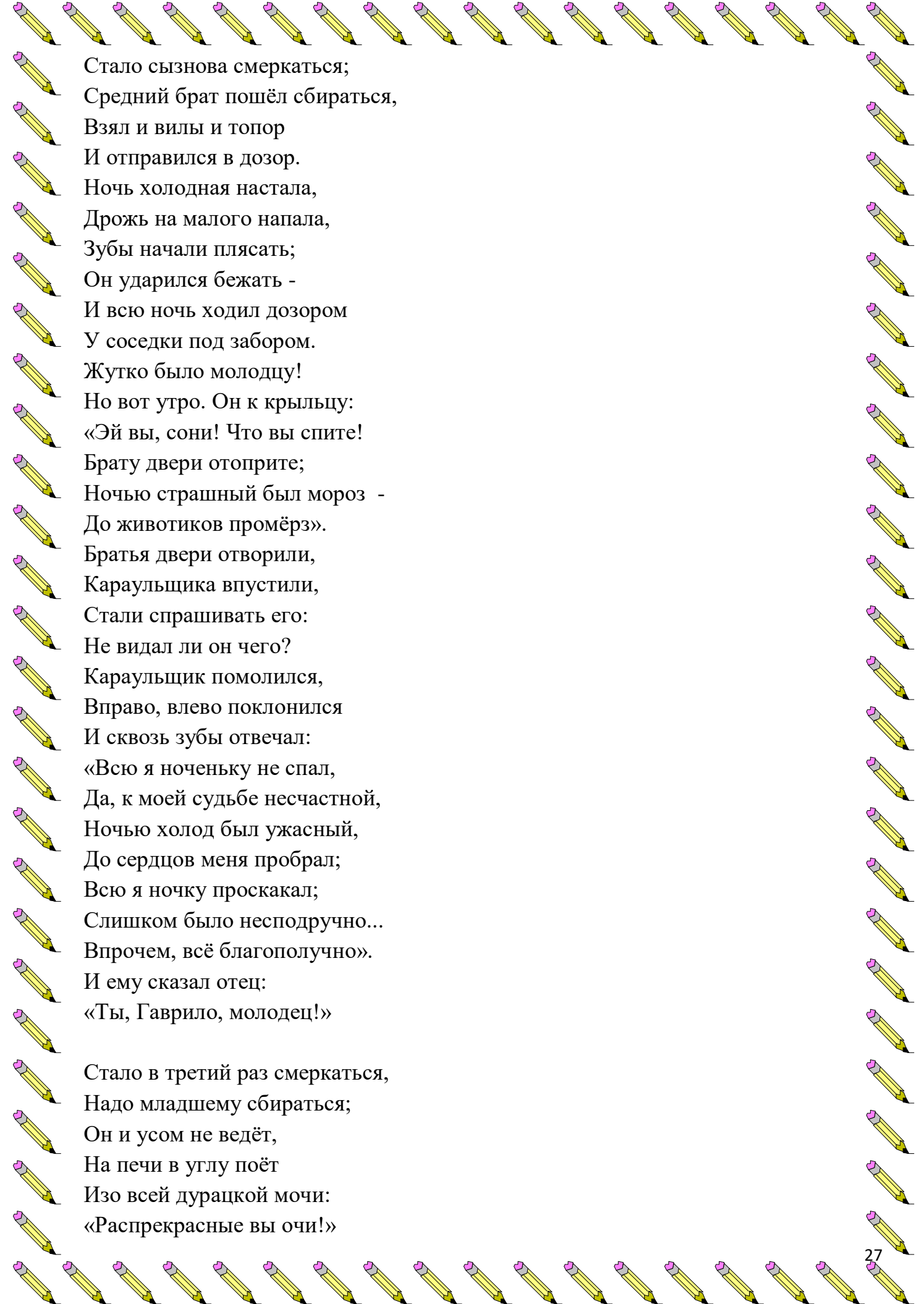
Часть первая

Начинает сказка сказываться

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе - на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу,
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.
В долгом времени, аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужики такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать -
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

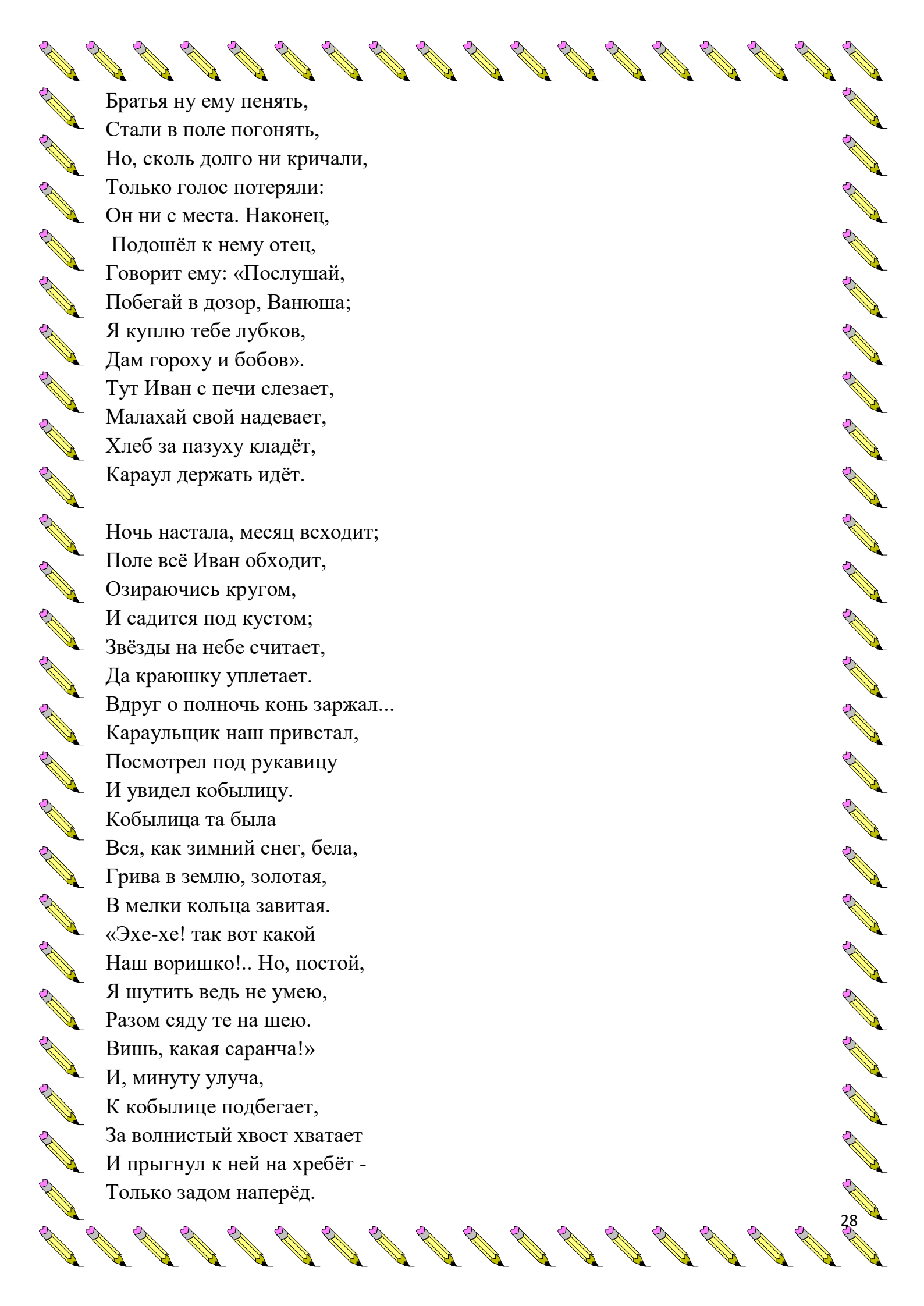

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник.
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок
С головы до самых ног».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».

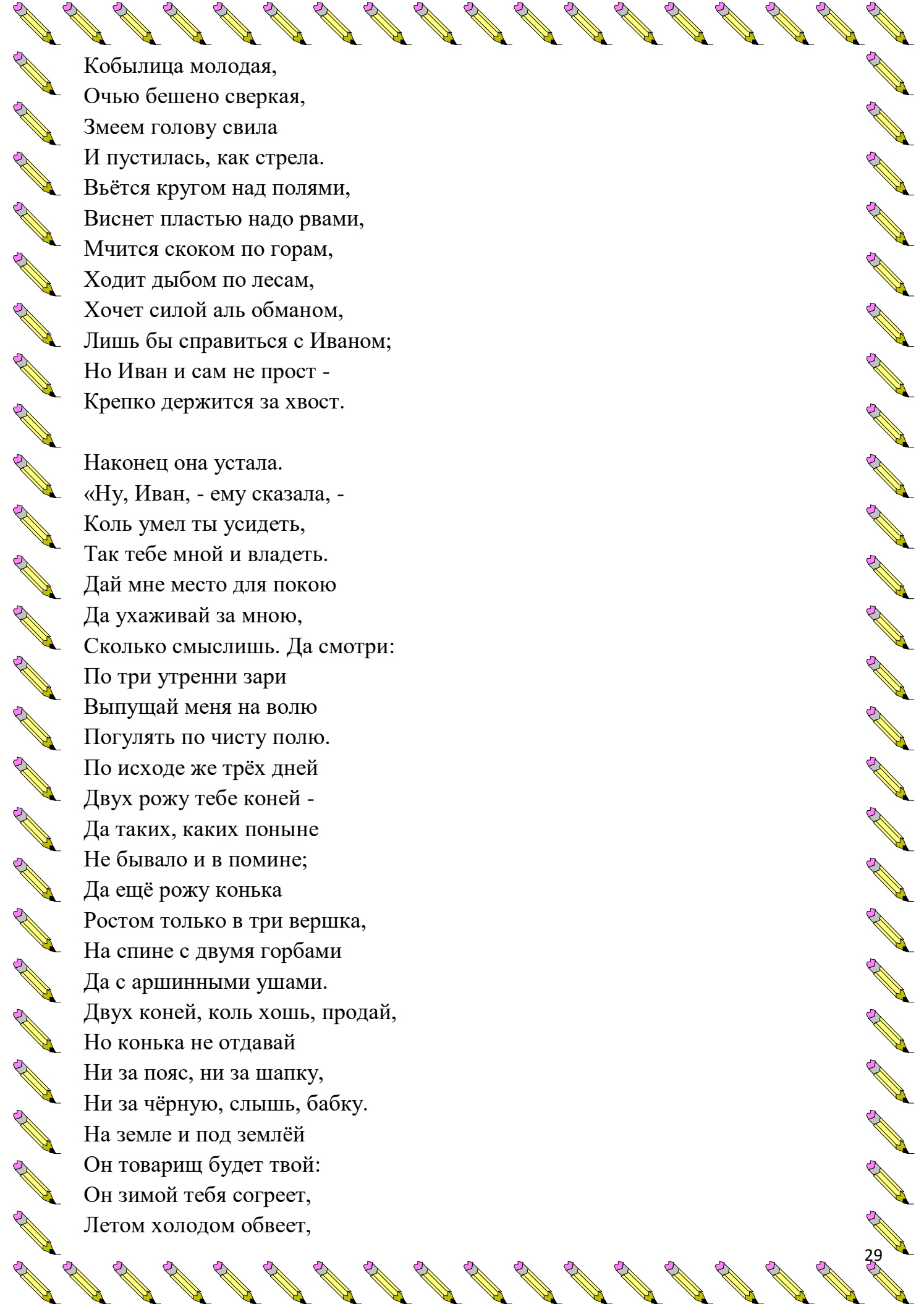
Стало сизнова смеркаться;
Средний брат пошёл собирать,
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать -
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отогрите;
Ночью страшный был мороз -
До животиков промёрз».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердец меня пробрал;
Всю я ночку проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, всё благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собирать;
Он и усом не ведёт,
На печи в углу поёт
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»

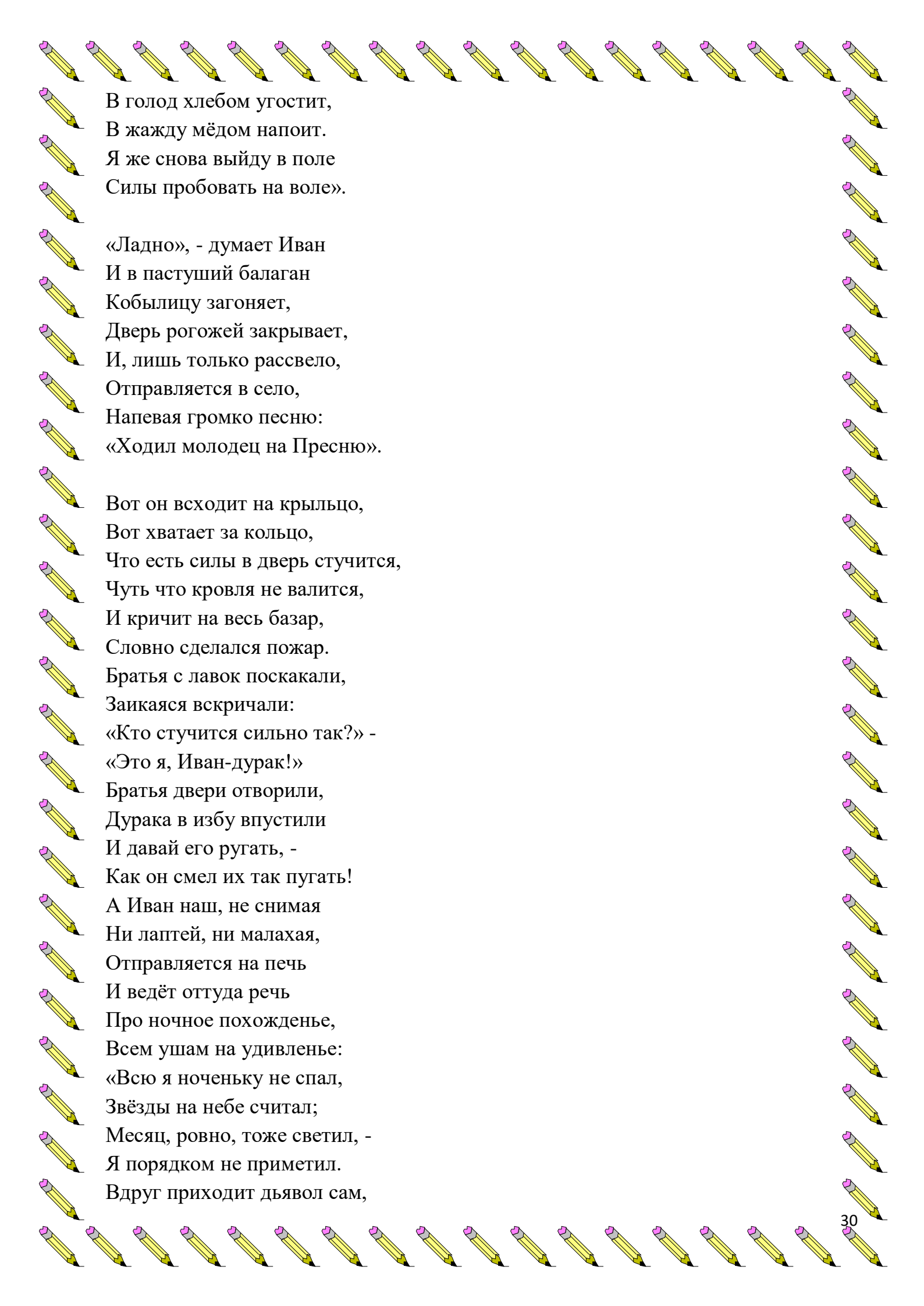
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец,
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.

Ночь настала, месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звёзды на небе считает,
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуту улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгнул к ней на хребёт -
Только задом наперёд.

Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост -
Крепко держится за хвост.

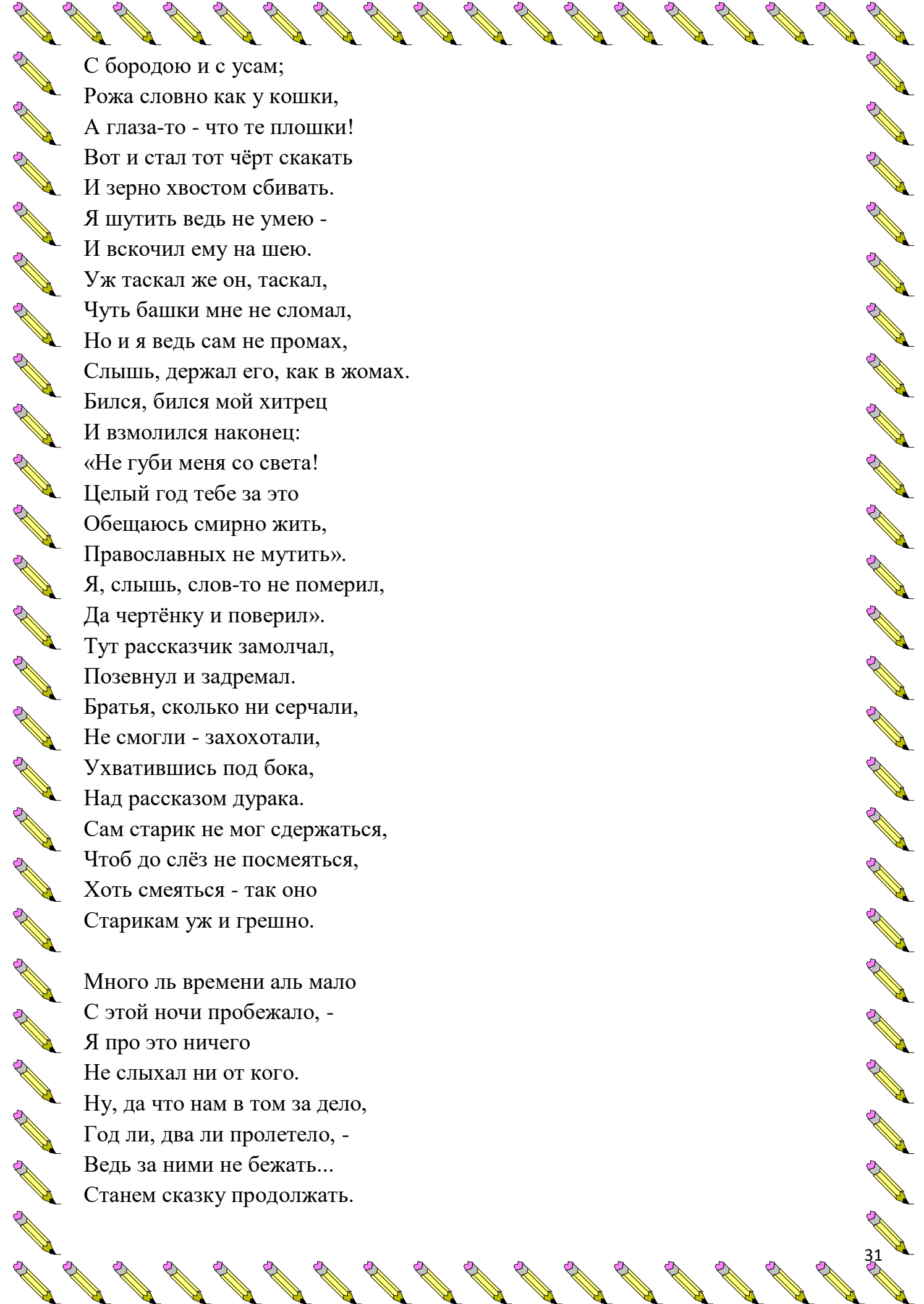
Наконец она устала.
«Ну, Иван, - ему сказала, -
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней -
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет,

В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

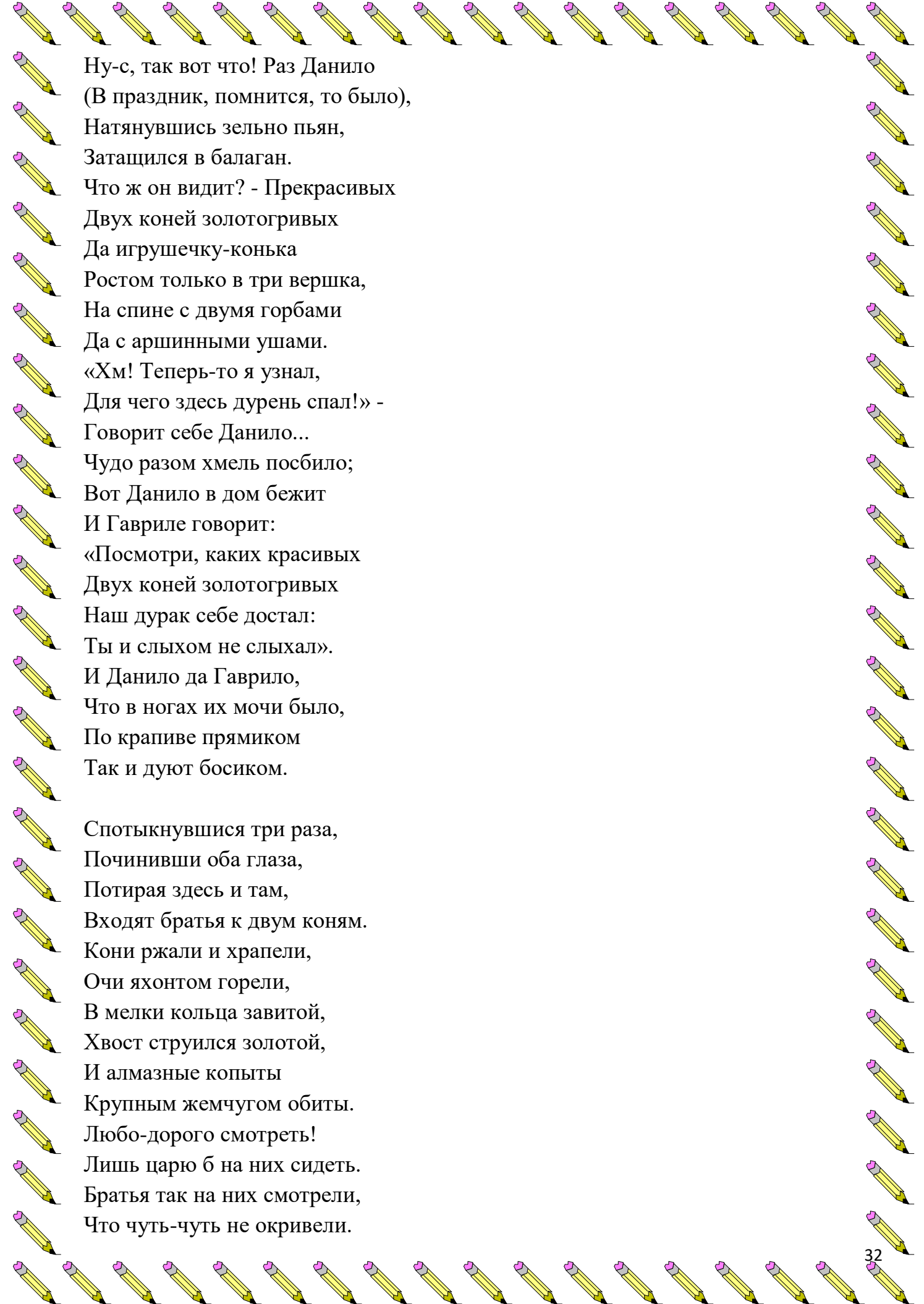
«Ладно», - думает Иван
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает,
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
«Ходил молодец на Пресню».

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь вскричали:
«Кто стучится сильно так?» -
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери открыли,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать, -
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведёт оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звёзды на небе считал;
Месяц, ровно, тоже светил, -
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,

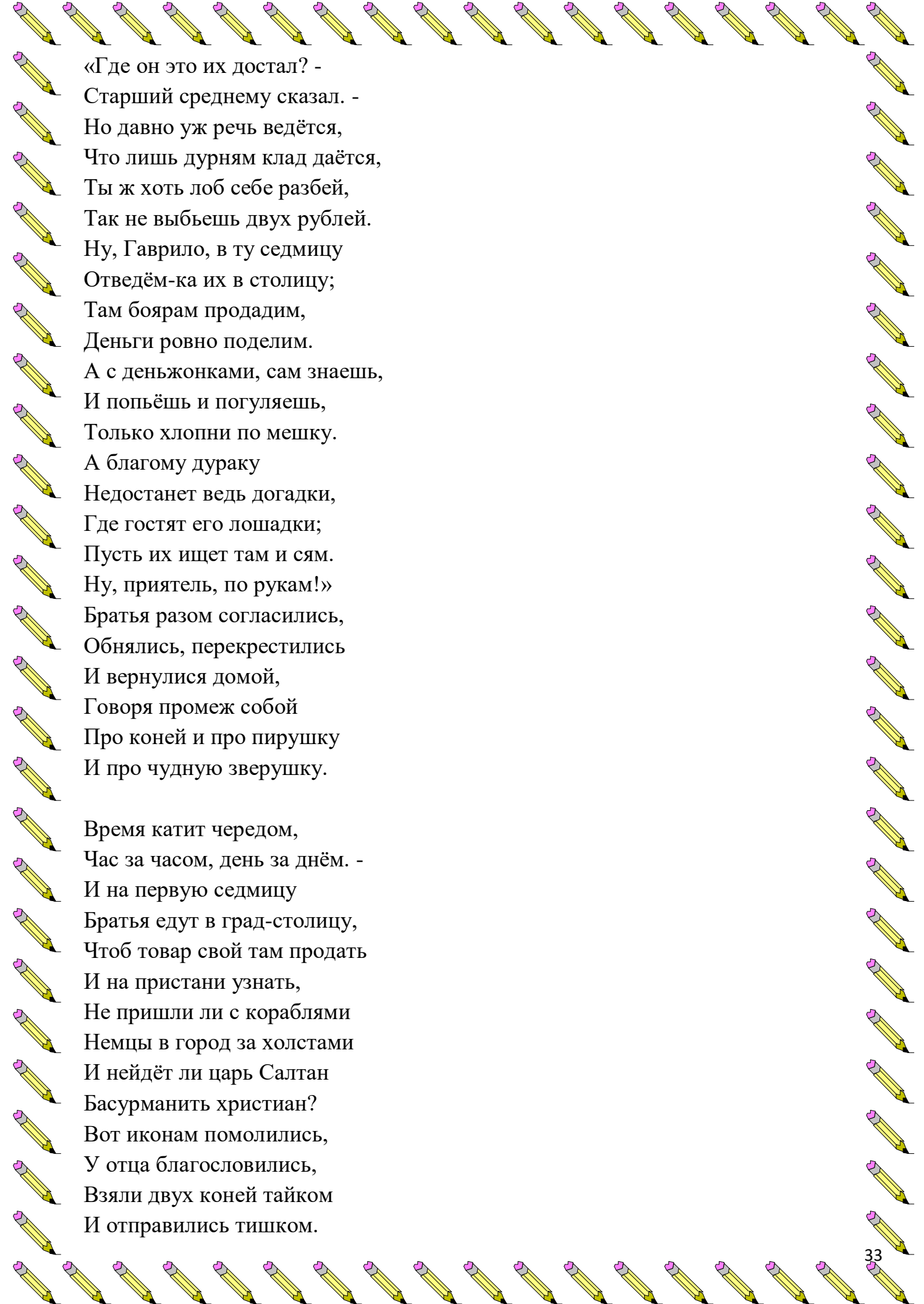
С бородою и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то - что те плоски!
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею -
И вскочил ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал,
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жомах.
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертёнку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли - захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слёз не посмеяться,
Хоть смеяться - так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, -
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, -
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

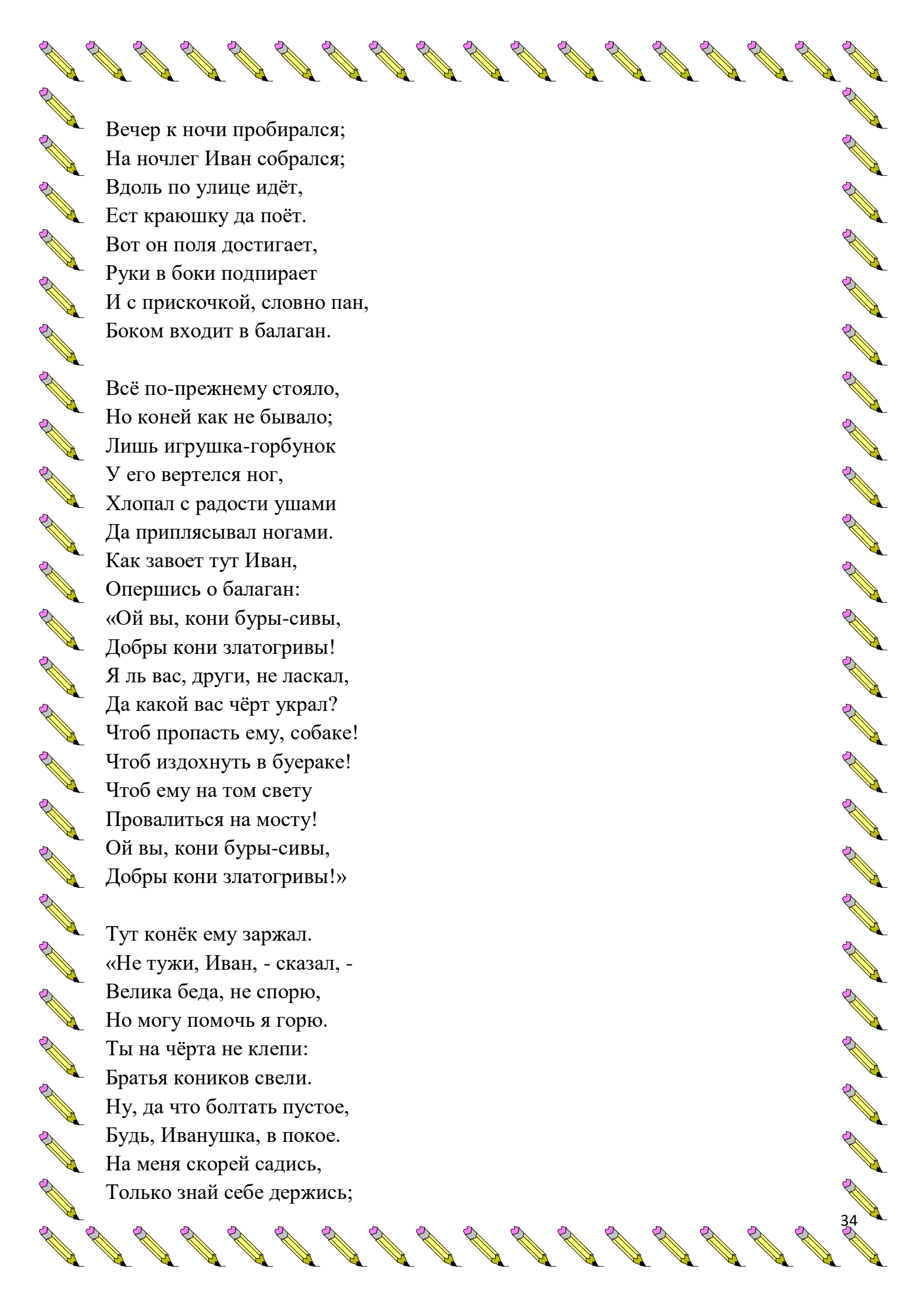
Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? - Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» -
Говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямиком
Так и дуют босиком.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели,
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.

«Где он это их достал? -
Старший среднему сказал. -
Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу
Отведём-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней и про пирушку
И про чудную зверушку.

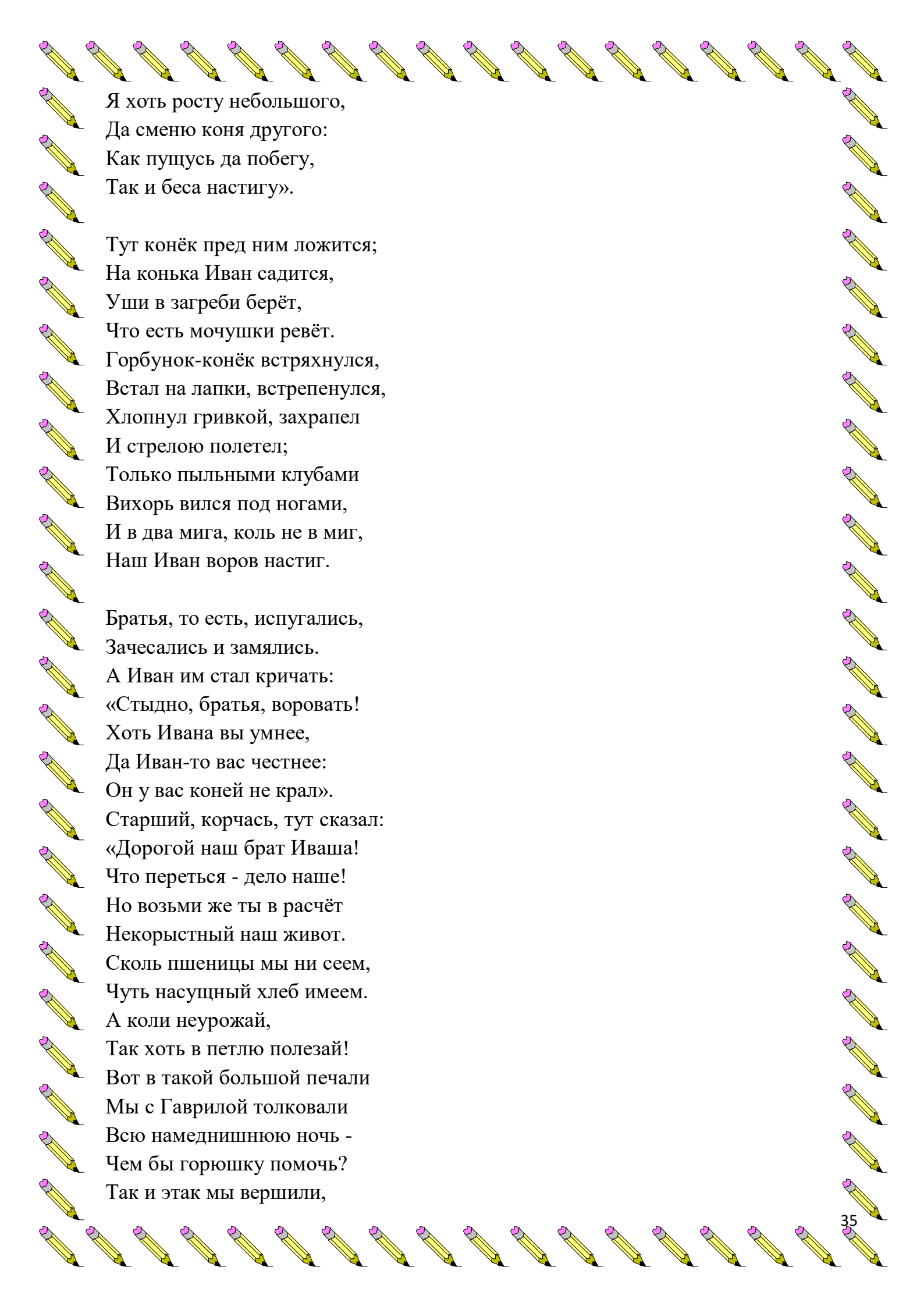
Время катит чередом,
Час за часом, день за днём. -
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдёт ли царь Салтан
Басурманить христиан?
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискачкой, словно пан,
Боком входит в балаган.

Всё по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
Да какой вас чёрт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»

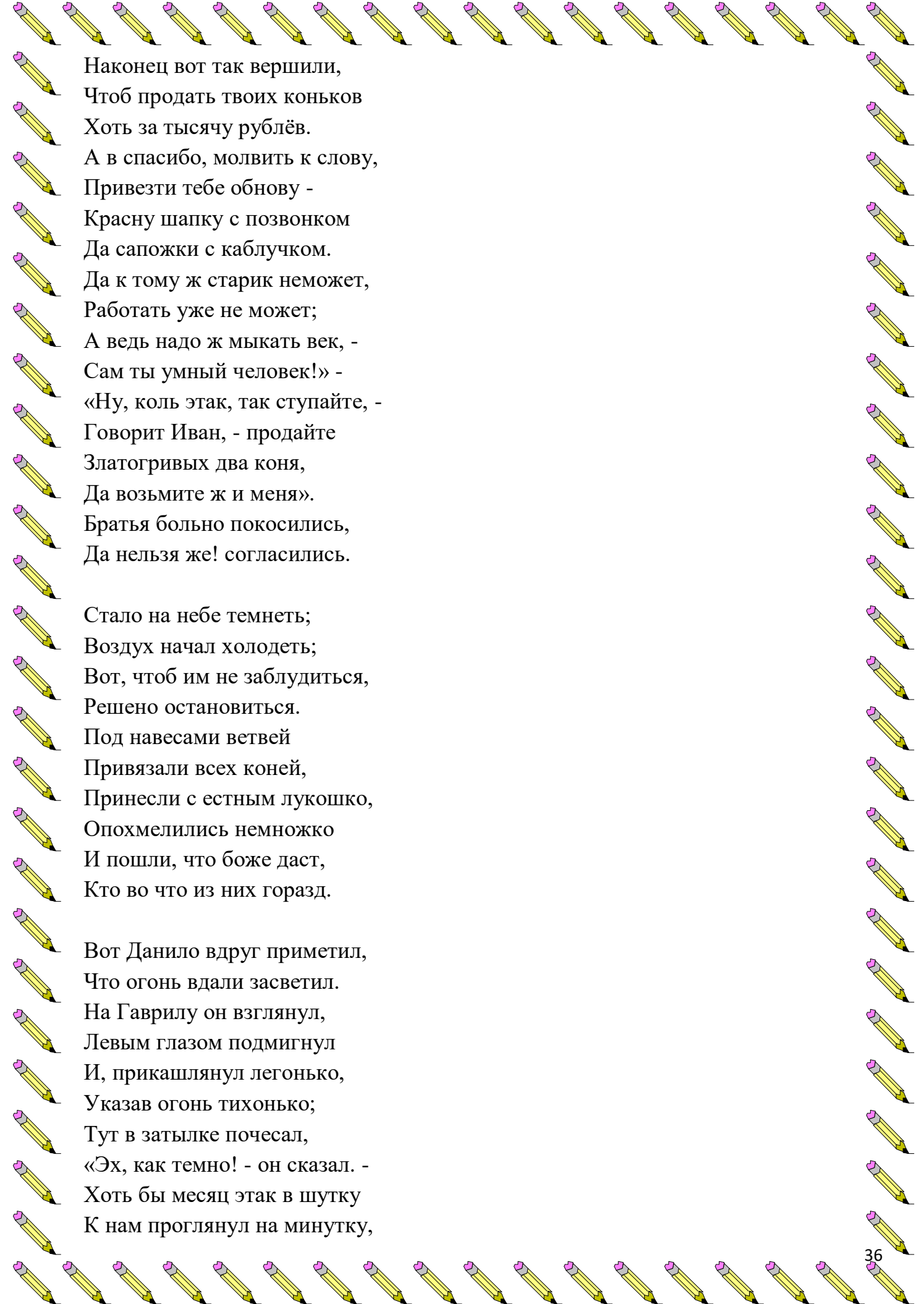
Тут конёк ему заржал.
«Не тужи, Иван, - сказал, -
Велика беда, не спорю,
Но могу помочь я горю.
Ты на чёрта не клепи:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;

Я хоть расту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пушусь да побегу,
Так и беса настигу».

Тут конёк пред ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в заgreби берёт,
Что есть мочушки ревёт.
Горбунок-конёк встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами,
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

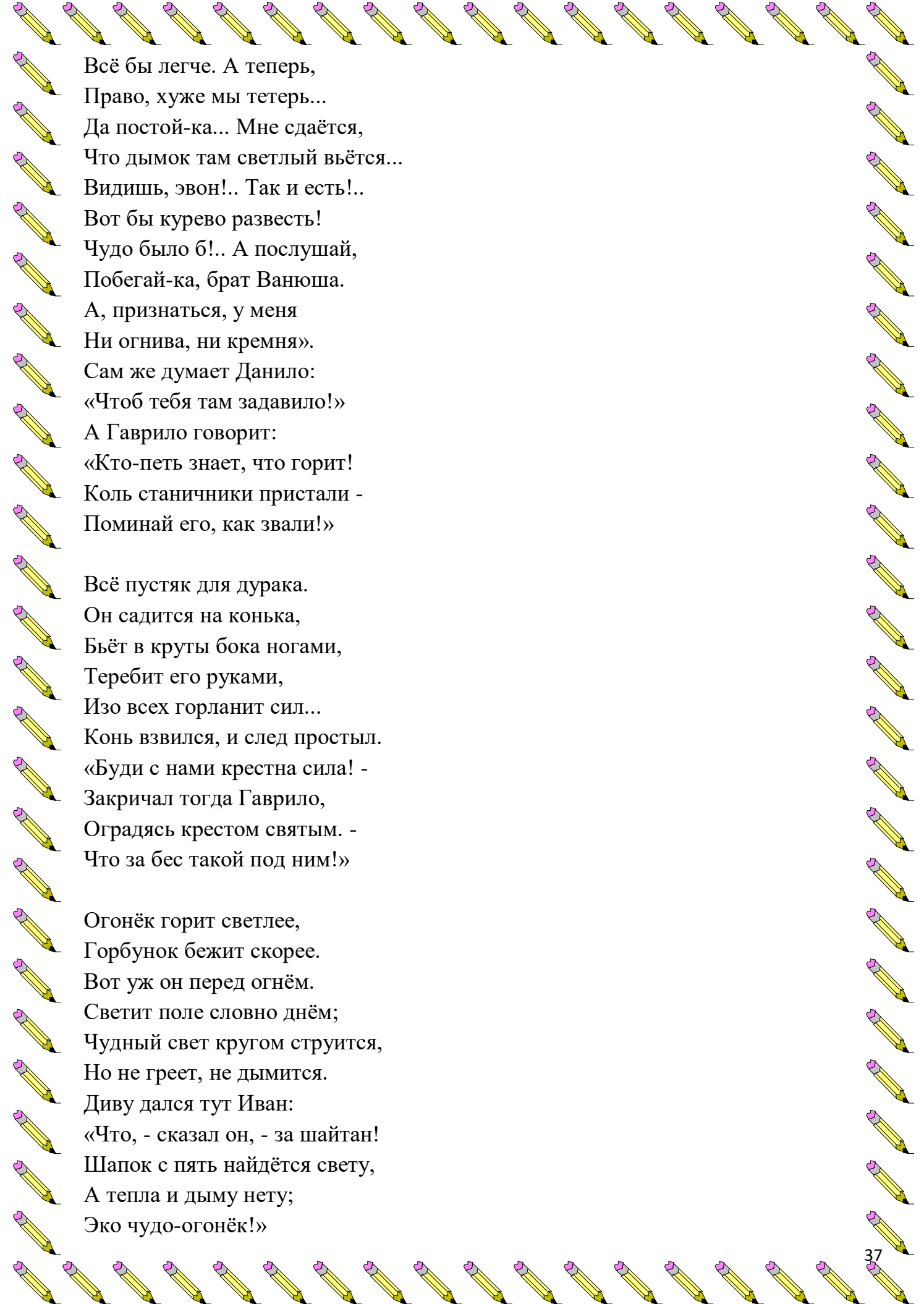
Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись.
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша!
Что переться - дело наше!
Но возьми же ты в расчёт
Некорыстный наш живот.
Сколь пшеницы мы ни сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли неурожай,
Так хоть в петлю полезай!
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намеднишнюю ночь -
Чем бы горяшку помочь?
Так и этак мы вершили,

Наконец вот так вершили,
Чтоб продать твоих коньков
Хоть за тысячу рублёв.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову -
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик не может,
Работать уже не может;
А ведь надо ж мыкать век, -
Сам ты умный человек!» -
«Ну, коль этак, так ступайте, -
Говорит Иван, - продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Кто во что из них горазд.

Вот Данило вдруг заметил,
Что огонь вдали засветил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И, прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,
«Эх, как темно! - он сказал. -
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,

Всё бы легче. А теперь,
Право, хуже мы теперь...
Да постой-ка... Мне сдаётся,
Что дымок там светлый вьётся...
Видишь, эвон!.. Так и есть!..
Вот бы курево развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша.
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня».
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь знает, что горит!
Коль станичники пристали -
Поминай его, как звали!»

Всё пустяк для дурака.
Он садится на конька,
Бьёт в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил...
Конь взвился, и след простыл.
«Буди с нами крестна сила! -
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым. -
Что за бес такой под ним!»

Огонёк горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнём.
Светит поле словно днём;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван:
«Что, - сказал он, - за шайтан!
Шапок с пять найдётся свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо-огонёк!»

Говорит ему конёк:

«Вот уж есть чему дивиться!

Тут лежит перо Жар-птицы,

Но для счастья своего,

Не бери себе его.

Много, много непокою

Принесёт оно с собою». —

«Говори ты! Как не так!» -

Про себя ворчит дурак;

И, подняв перо Жар-птицы,

Завернул его в тряпицы,

Тряпки в шапку положил

И конька поворотил.

Вот он к братьям приезжает

И на спрос их отвечает:

«Как туда я доскакал,

Пень горелый увидал;

Уж над ним я бился, бился,

Так что чуть не надсадился;

Раздувал его я с час -

Нет ведь, чёрт возьми, угас!»

Братья целу ночь не спали,

Над Иваном хохотали;

А Иван под воз присел,

Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали

И в столицу приезжали,

Становились в конный ряд,

Супротив больших палат.

В той столице был обычай:

Коль не скажет городничий -

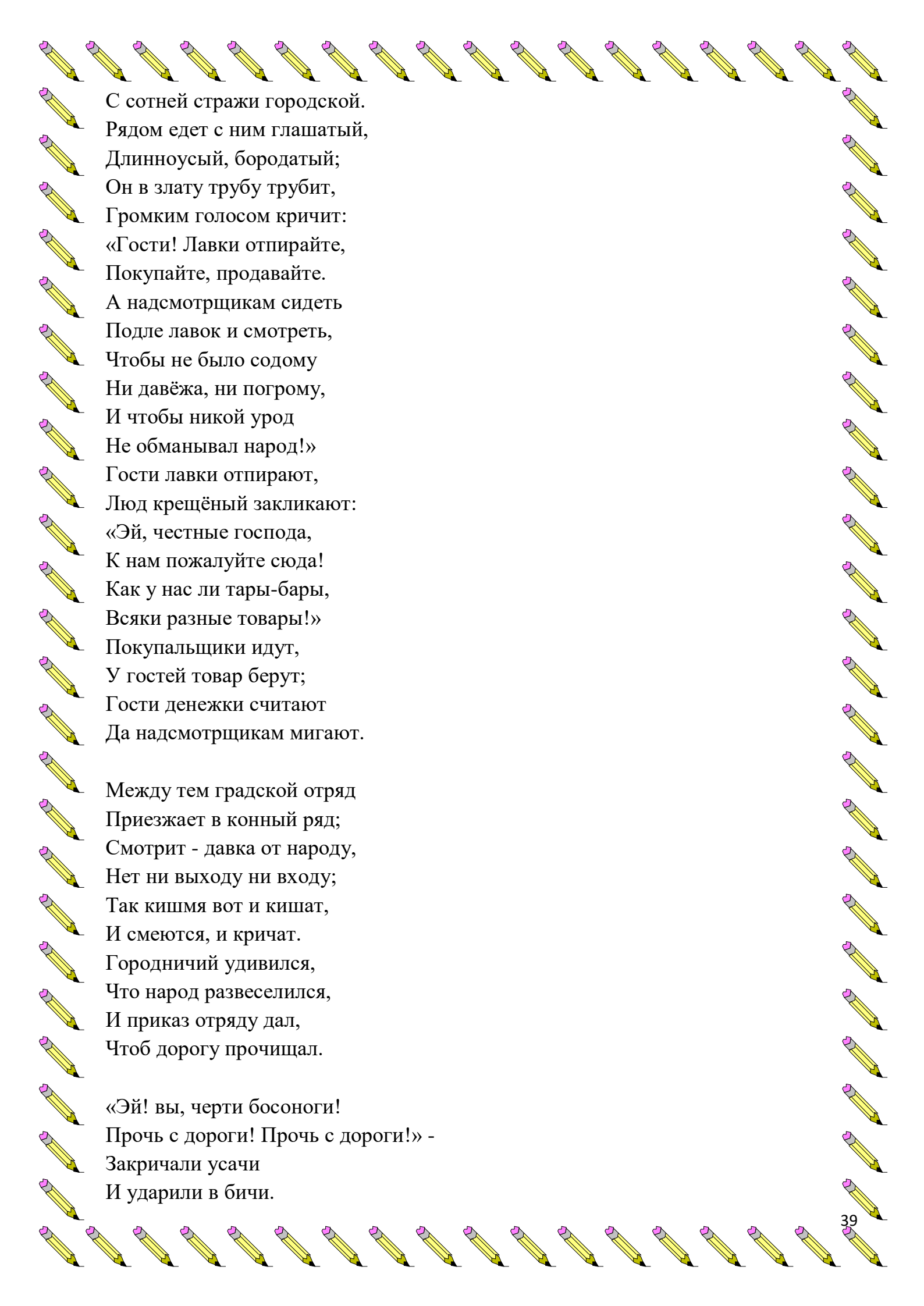
Ничего не покупать,

Ничего не продавать.

Вот обедня наступает;

Городничий выезжает

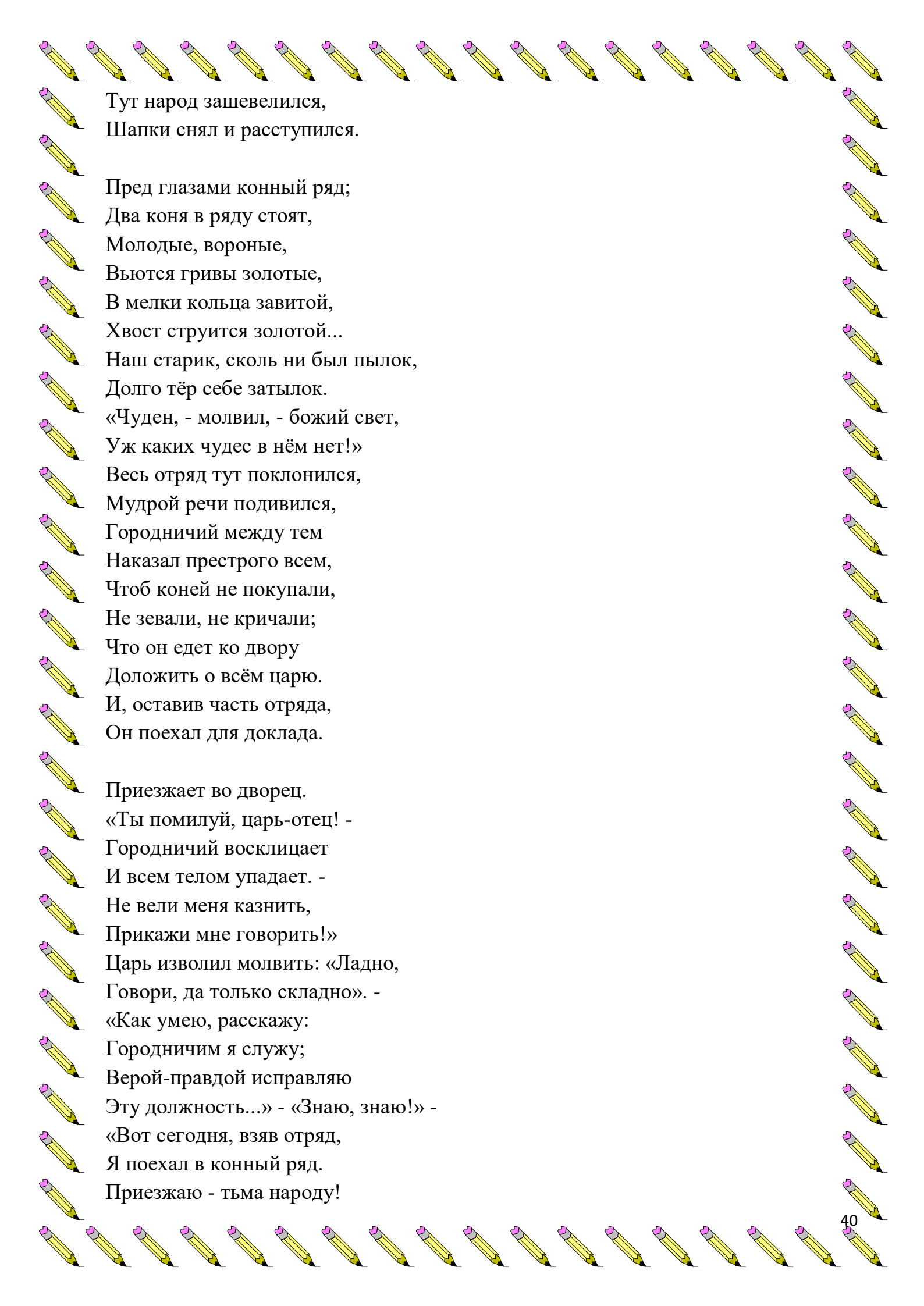
В туфлях, в шапке меховой,

С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатый,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости! Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте.
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому
Ни давёжа, ни погрому,
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»
Гости лавки отпирают,
Люд крещёный закликают:
«Эй, честные господа,
К нам пожалуйста сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»
Покупальщики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит - давка от народу,
Нет ни выходу ни входу;
Так кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.

«Эй! вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!» -
Закричали усачи
И ударили в бичи.

Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тёр себе затылок.

«Чуден, - молвил, - божий свет,
Уж каких чудес в нём нет!»

Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился,
Городничий между тем
Наказал престоного всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всём царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец.

«Ты помилуй, царь-отец! -

Городничий восклицает
И всем телом упадает. -

Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!»

Царь изволил молвить: «Ладно,
Говори, да только складно». -

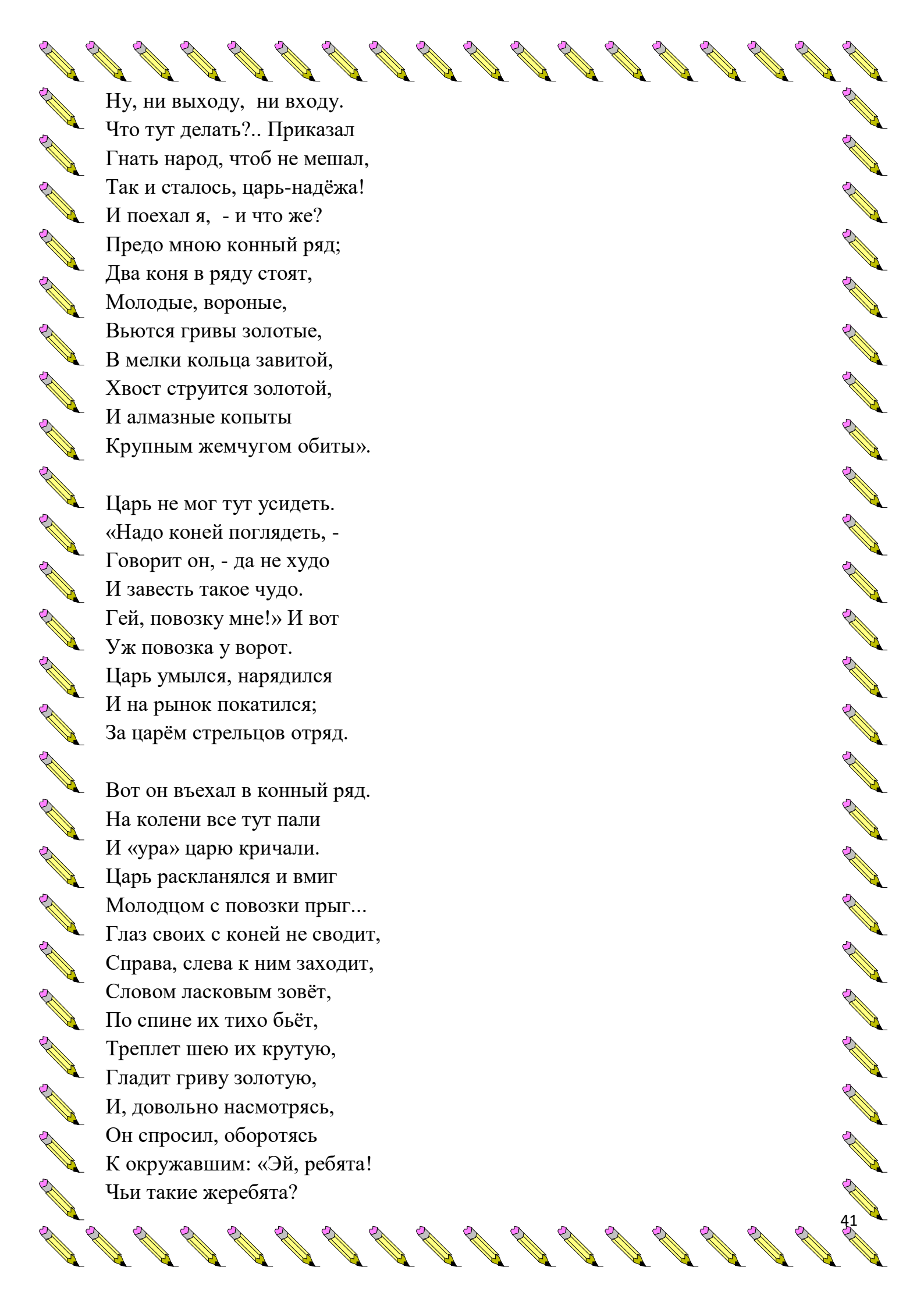
«Как умею, расскажу:

Городничим я служу;
Верой-правдой исправляю

Эту должность...» - «Знаю, знаю!» -

«Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.

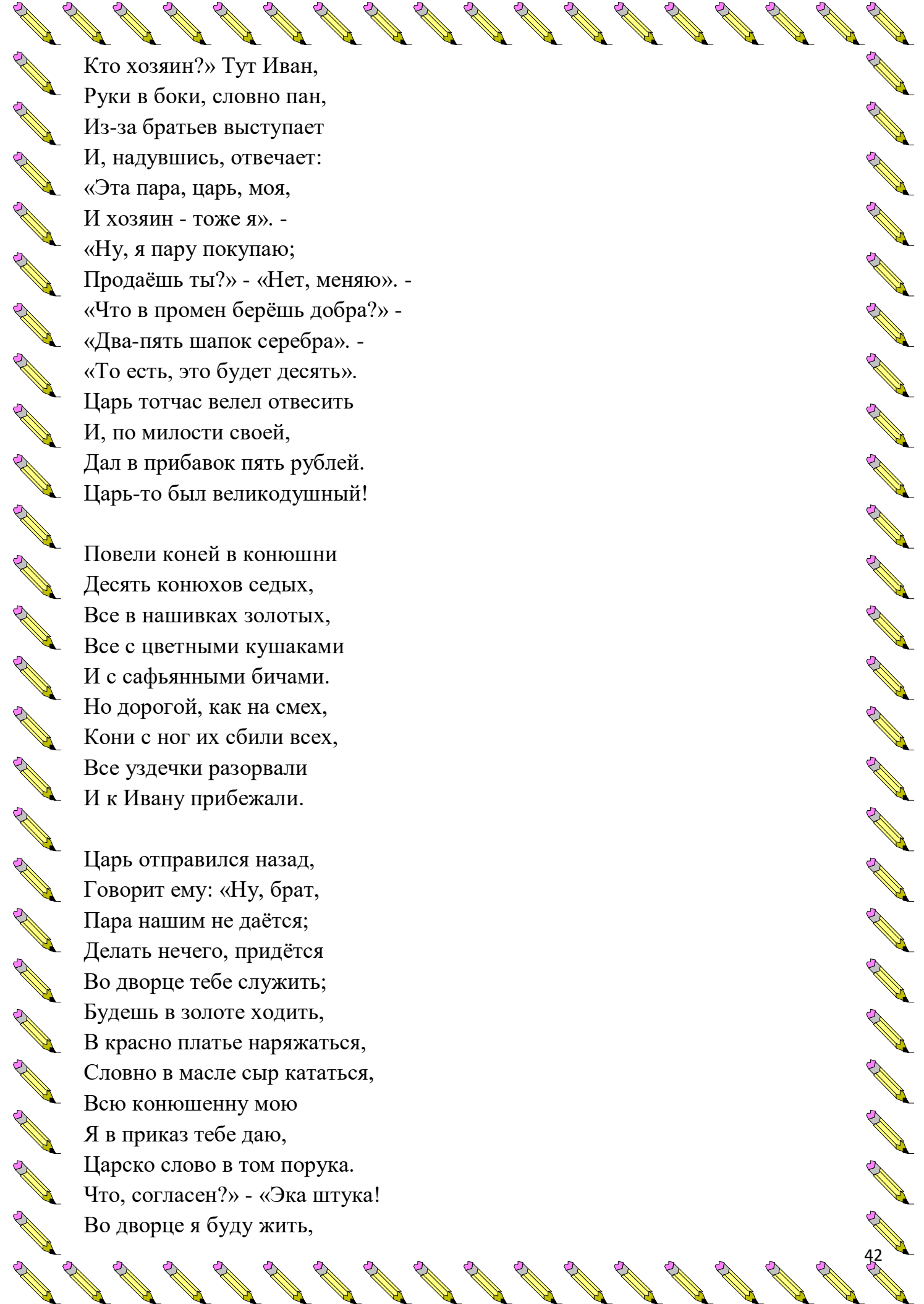
Приезжаю - тьма народу!

Ну, ни выходу, ни входу.
Что тут делать?.. Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал,
Так и случилось, царь-надёжа!
И поехал я, - и что же?
Предо мною конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты».

Царь не мог тут усидеть.
«Надо коней поглядеть, -
Говорит он, - да не худо
И завезть такое чудо.
Гей, повозку мне!» И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За царём стрельцов отряд.

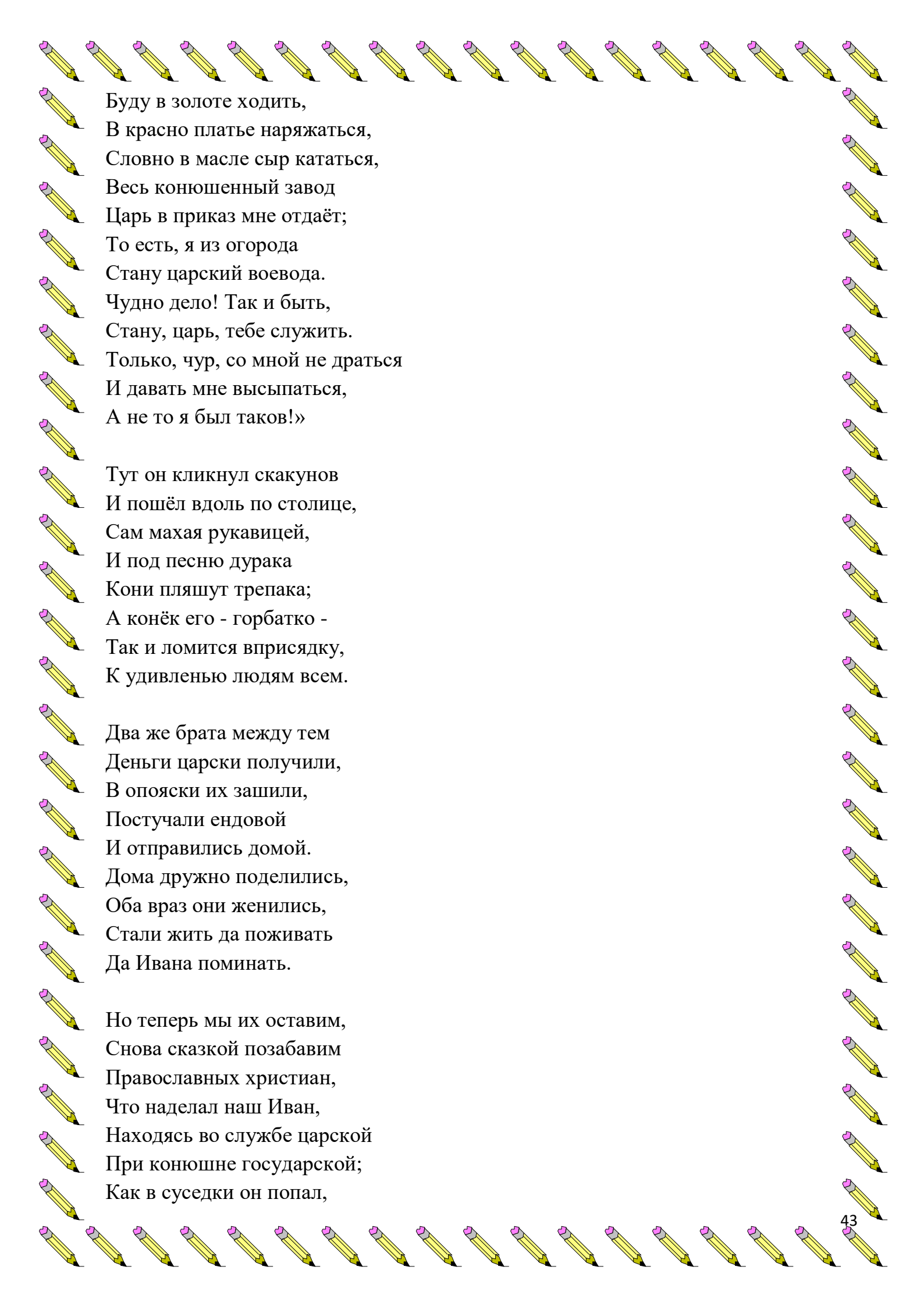
Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И «ура» царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг...
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовёт,
По спине их тихо бьёт,
Треплет шею их крутую,
Гладит гриву золотую,
И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: «Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?

Кто хозяин?» Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, царь, моя,
И хозяин - тоже я». -
«Ну, я пару покупаю;
Продаёшь ты?» - «Нет, меняю». -
«Что в промен берёшь добра?» -
«Два-пять шапок серебра». -
«То есть, это будет десять».
Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

Царь отправился назад,
Говорит ему: «Ну, брат,
Пара нашим не даётся;
Делать нечего, придётся
Во дворце тебе служить;
Будешь в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука.
Что, согласен?» - «Эка штука!
Во дворце я буду жить,

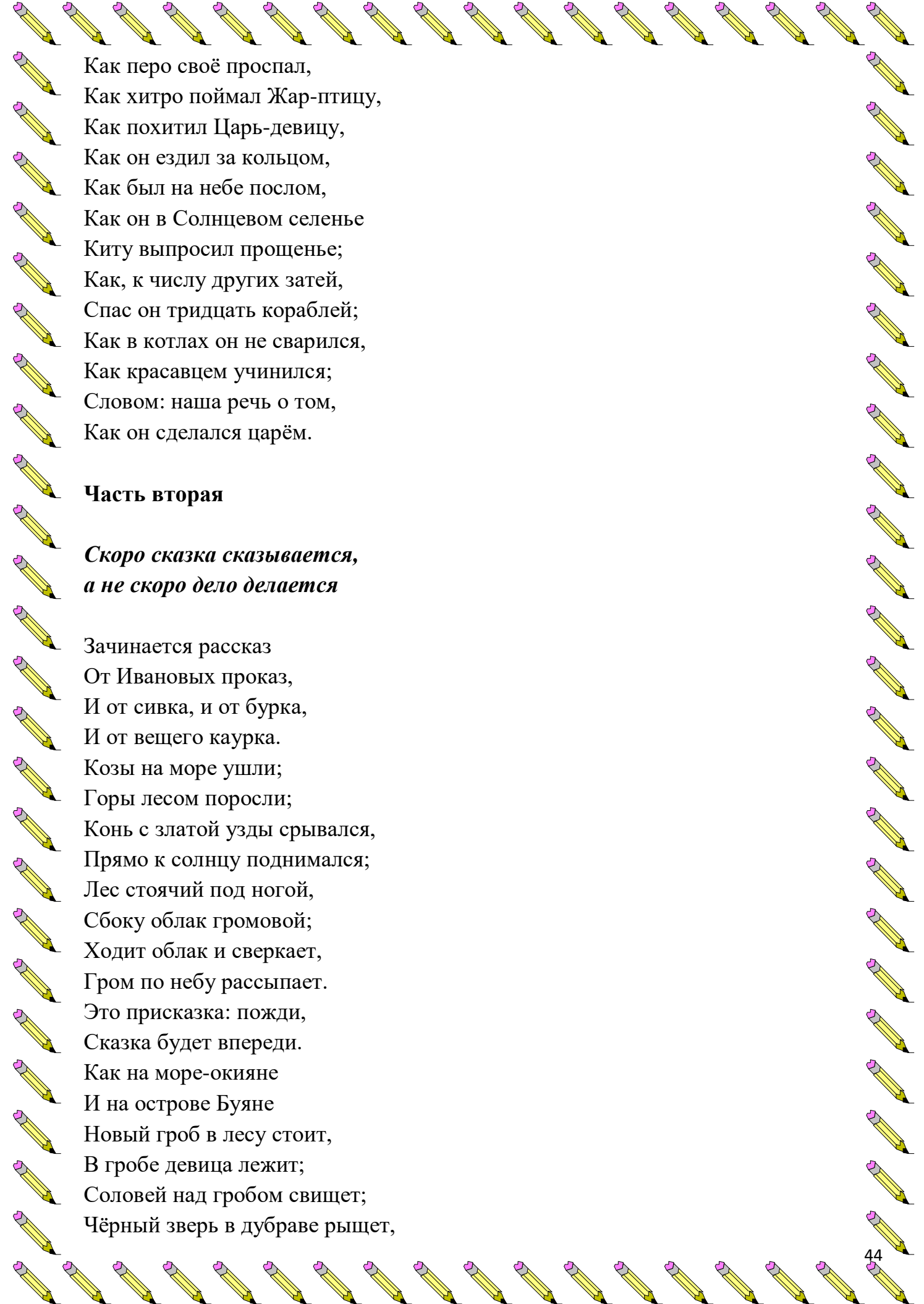

Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдаёт;
То есть, я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!»

Тут он кликнул скакунов
И пошёл вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конёк его - горбатко -
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.

Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски их зашили,
Постучали ендовой
И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь во службе царской
При конюшне государской;
Как в суседки он попал,

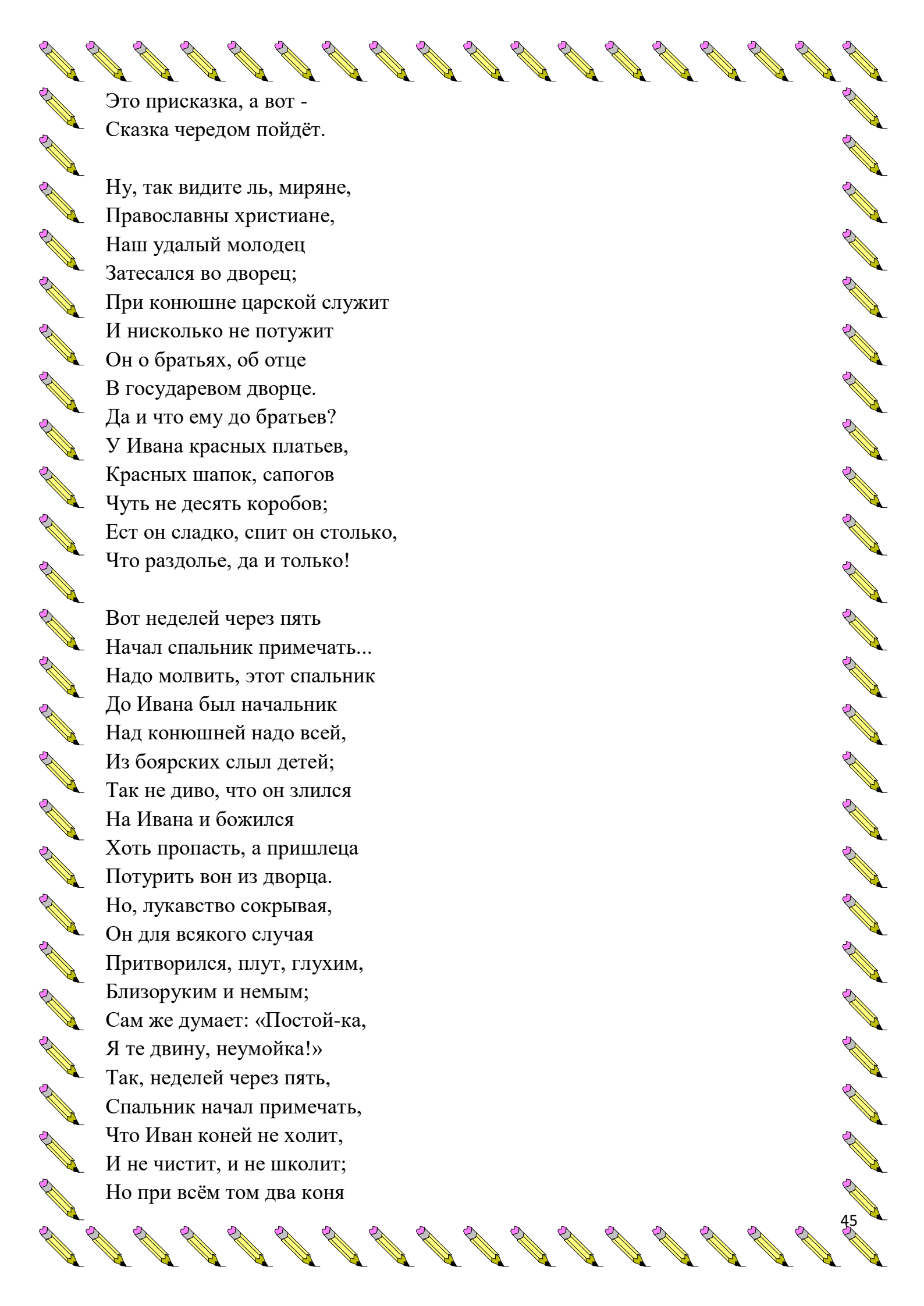

Как перо своё проспал,
Как хитро поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,
Как он ездил за кольцом,
Как был на небе послон,
Как он в Солнцевом селенье
Киту выпросил прощенье;
Как, к числу других затей,
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился;
Словом: наша речь о том,
Как он сделался царём.

Часть вторая

*Скоро сказка сказывается,
а не скоро дело делается*

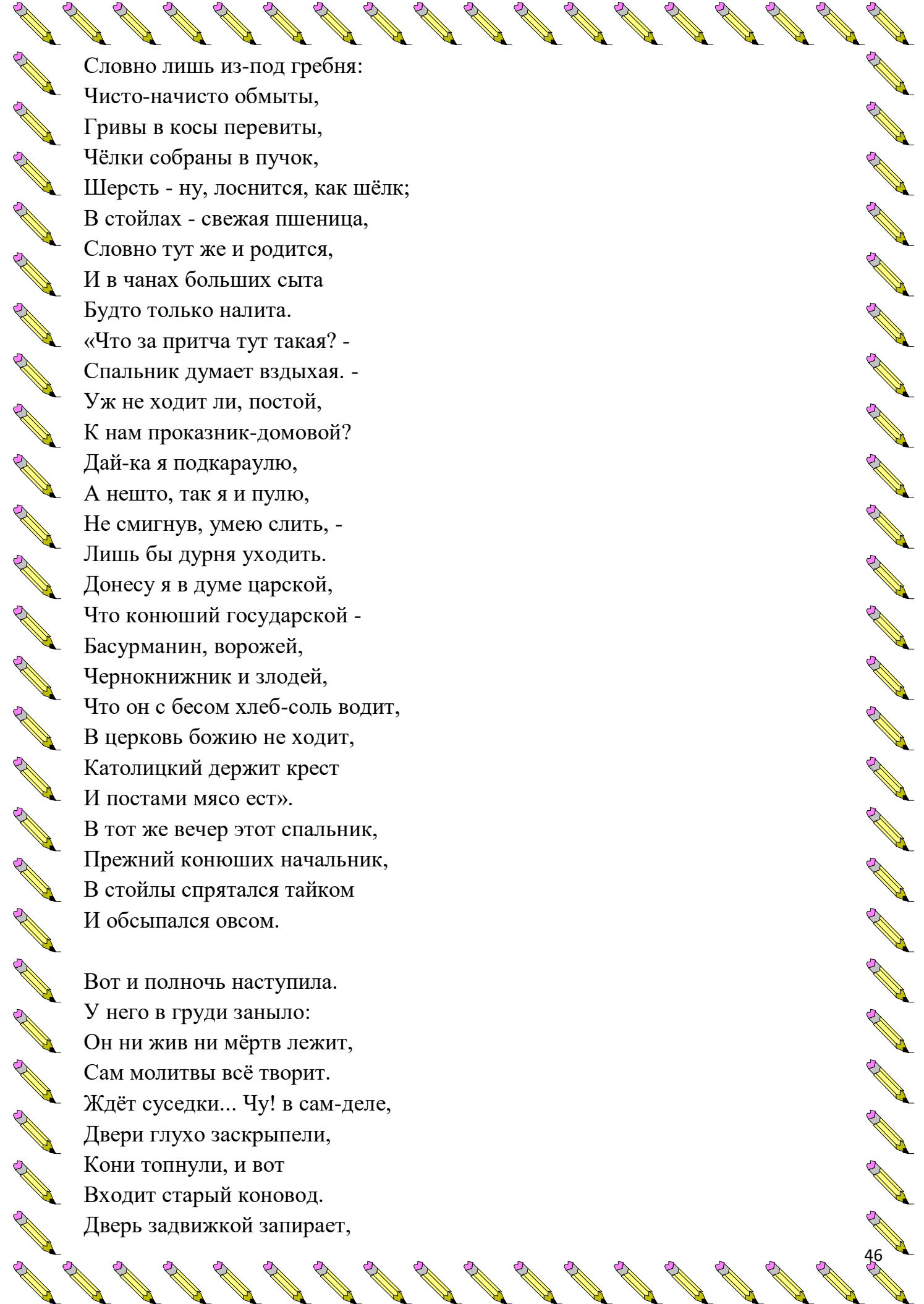
Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещеого каурка.
Козы на море ушли;
Горы лесом поросли;
Конь с золотой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Чёрный зверь в дубраве рыщет,

Это присказка, а вот -
Сказка чередом пойдёт.

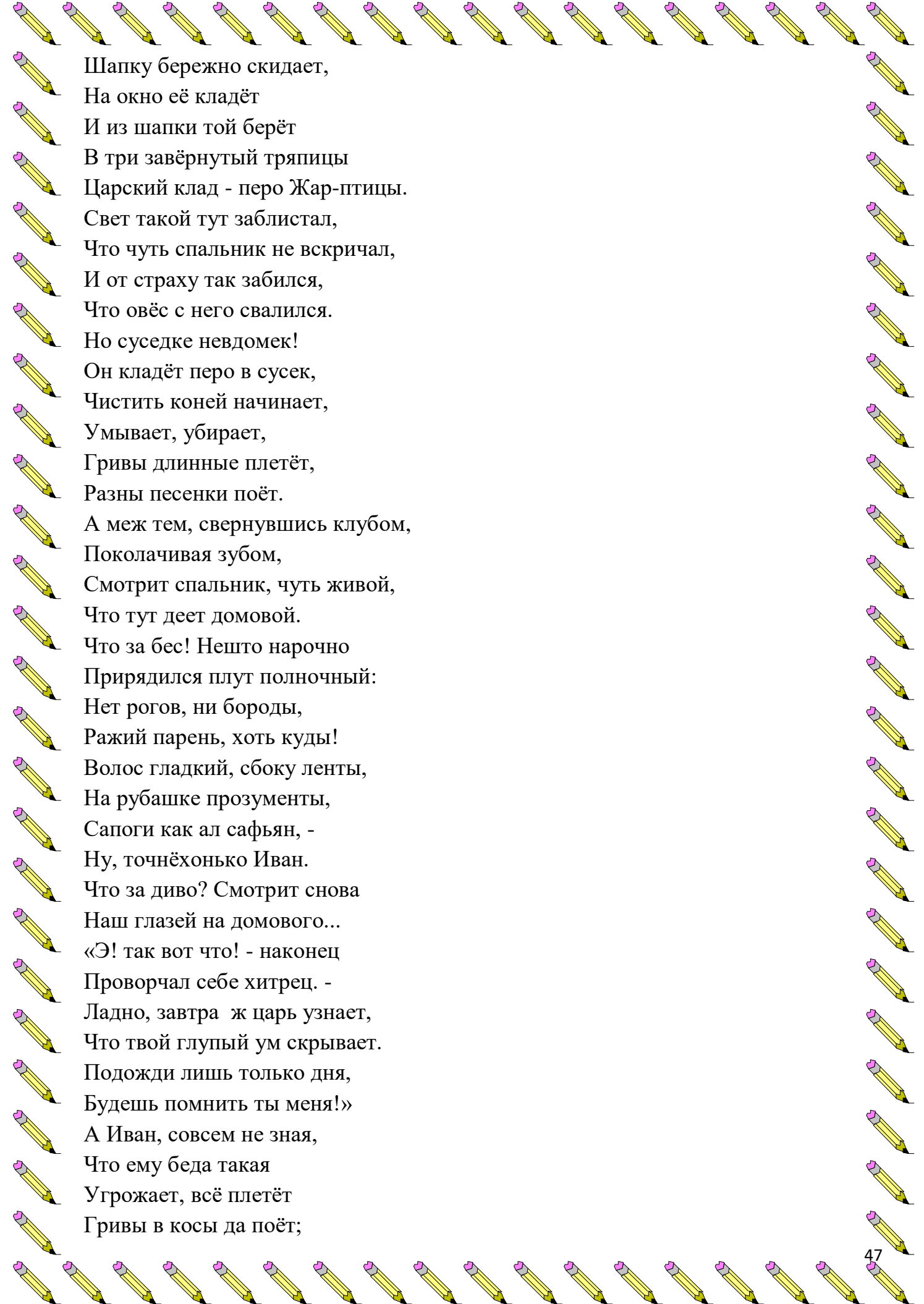
Ну, так видите ль, миряне,
Православны христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Начал спальник примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей,
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: «Постой-ка,
Я те двину, неумойка!»
Так, неделей через пять,
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит;
Но при всём том два коня

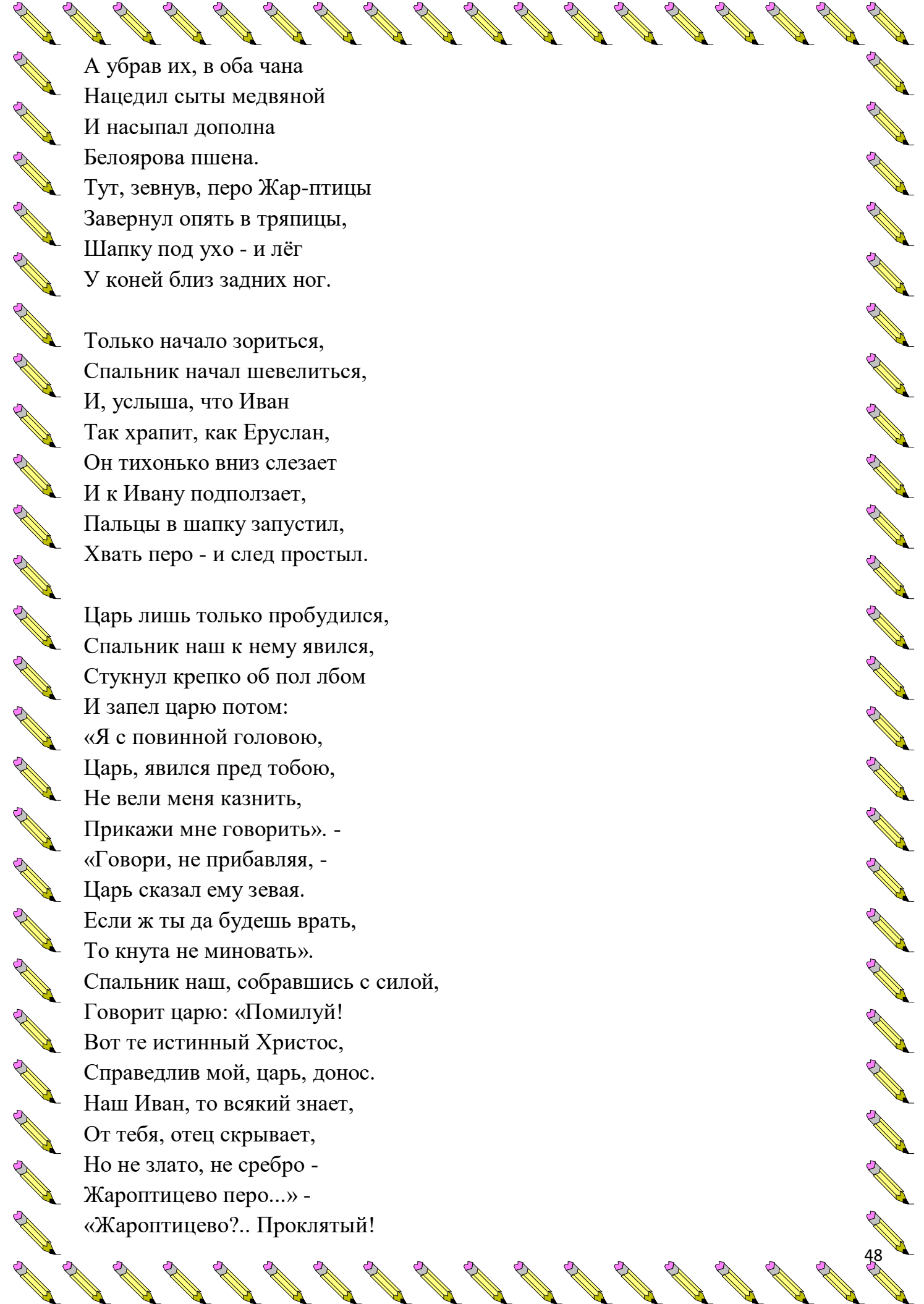

Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,
Чёлки собраны в пучок,
Шерсть - ну, лоснится, как шёлк;
В стойлах - свежая пшеница,
Словно тут же и рождается,
И в чанах больших сыта
Будто только налита.
«Что за притча тут такая? -
Спальник думает вздыхая. -
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник-домовой?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить, -
Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
Что конюший государской -
Басурманин, ворожей,
Чернокнижник и злодей,
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божию не ходит,
Католицкий держит крест
И постами мясо ест».
В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюший начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мёртв лежит,
Сам молитвы всё творит.
Ждёт суседки... Чу! в сам-деле,
Двери глухо заскрыпели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,

Шапку бережно скидает,
На окно её кладёт
И из шапки той берёт
В три завёрнутый тряпицы
Царский клад - перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал,
И от страху так забился,
Что овёс с него свалился.
Но соседке невдомек!
Он кладёт перо в сусек,
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетёт,
Разны песенки поёт.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.
Что за бес! Нешто нарочно
Прирядился плут полночный:
Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы,
Сапоги как ал сафьян, -
Ну, точнёхонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей на домового...
«Э! так вот что! - наконец
Проворчал себе хитрец. -
Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.
Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!»
А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая
Угрожает, всё плетёт
Гривы в косы да поёт;

А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал до полно
Белоярова пшена.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо - и лёг
У коней близ задних ног.

Только начало зориться,
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан,
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хватя перо - и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить». -
«Говори, не прибавляя, -
Царь сказал ему зевая.
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать».
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: «Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос.
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец скрывает,
Но не золото, не серебро -
Жароптицево перо...» -
«Жароптицево?.. Проклятый!

И он смел такой богатый...

Погоди же ты, злодей!

Не минуешь ты плетей!..» -

«Да и то ль ещё он знает! -

Спальник тихо продолжает

Изогнувшись. - Добро!

Пусть имел бы он перо;

Да и самую Жар-птицу

Во твою, отец, светлицу,

Коль приказ изволишь дать,

Похвается достать».

И доносчик с этим словом,

Скрючась обручем таловым,

Ко кровати подошёл,

Подав клад - и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,

Гладил бороду, смеялся

И скусил пера конец.

Тут, уклад его в ларец,

Закричал (от нетерпенья),

Подтвердив своё веленье

Быстрым взмахом кулака:

«Гей! Позвать мне дурака!»

И посыльные дворяна

Побежали по Ивана,

Но, столкнувшись все в углу,

Растянулись на полу.

Царь тем много любовался

И до колотья смеялся.

А дворяна, усмотря,

Что смешно то для царя,

Меж собой перемигнулись

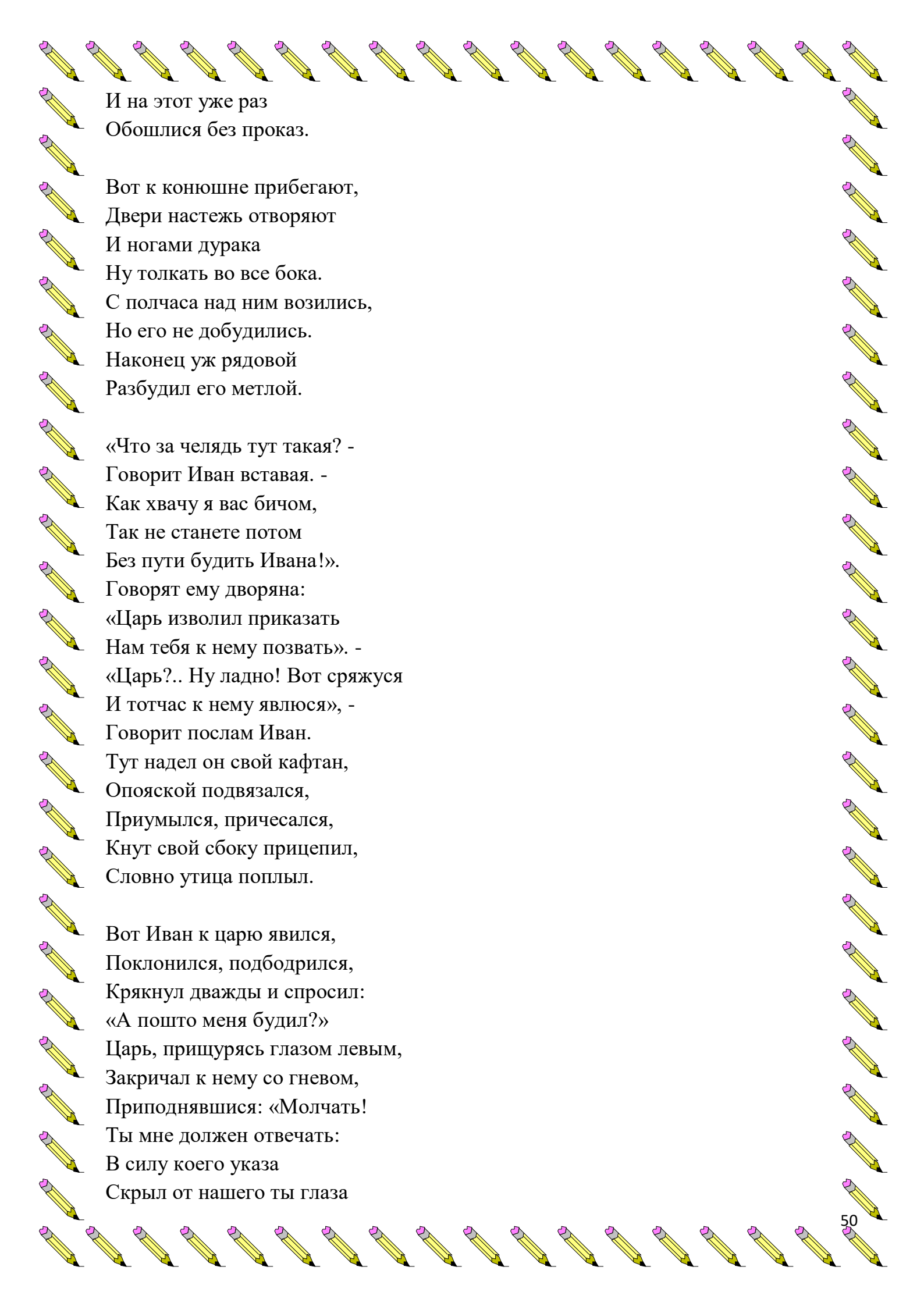
И вдругорядь растянулись.

Царь тем так доволен был,

Что их шапкой наградил.

Тут посыльные дворяна

Вновь пустились звать Ивана

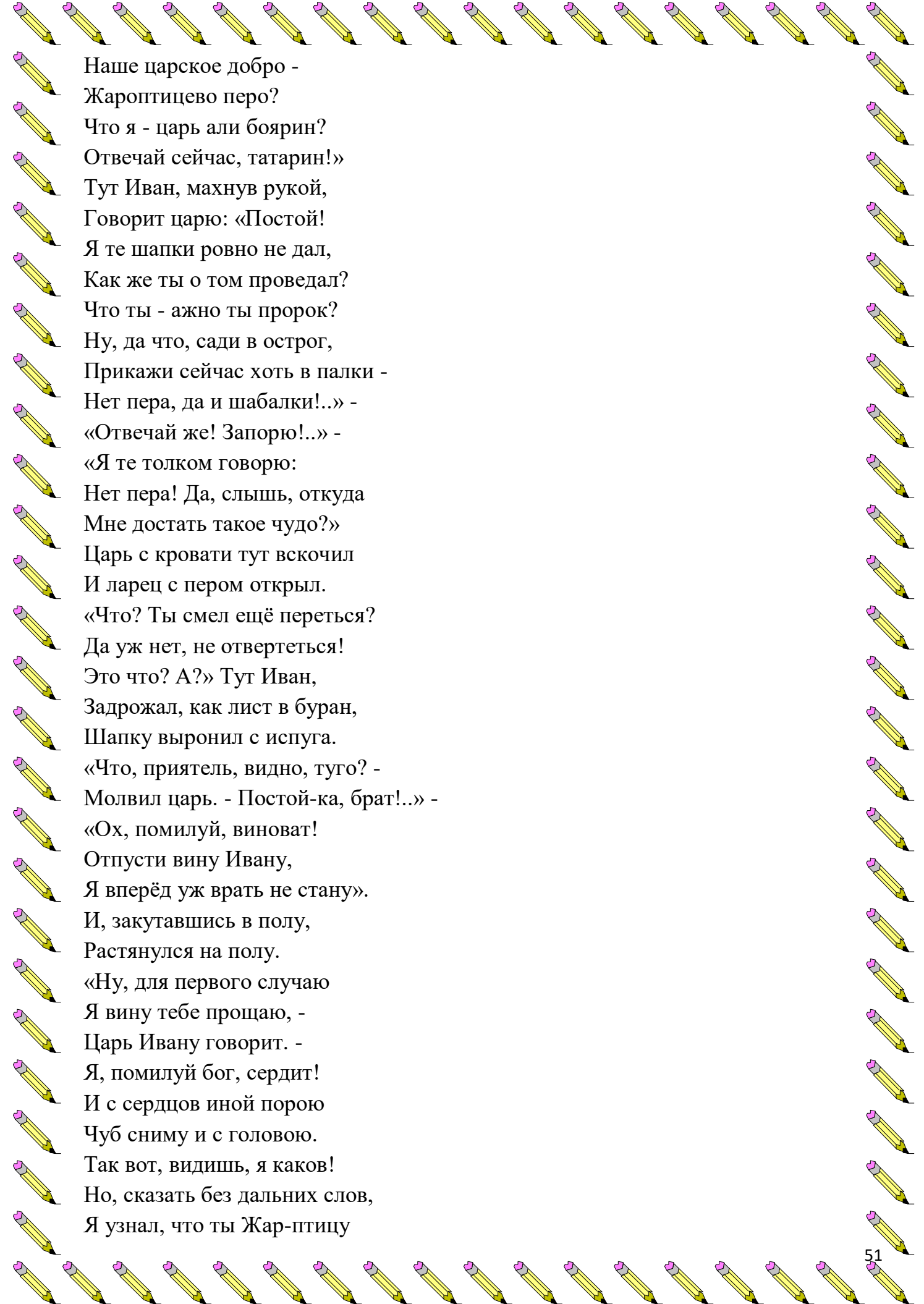

И на этот уже раз
Обошлись без проказ.

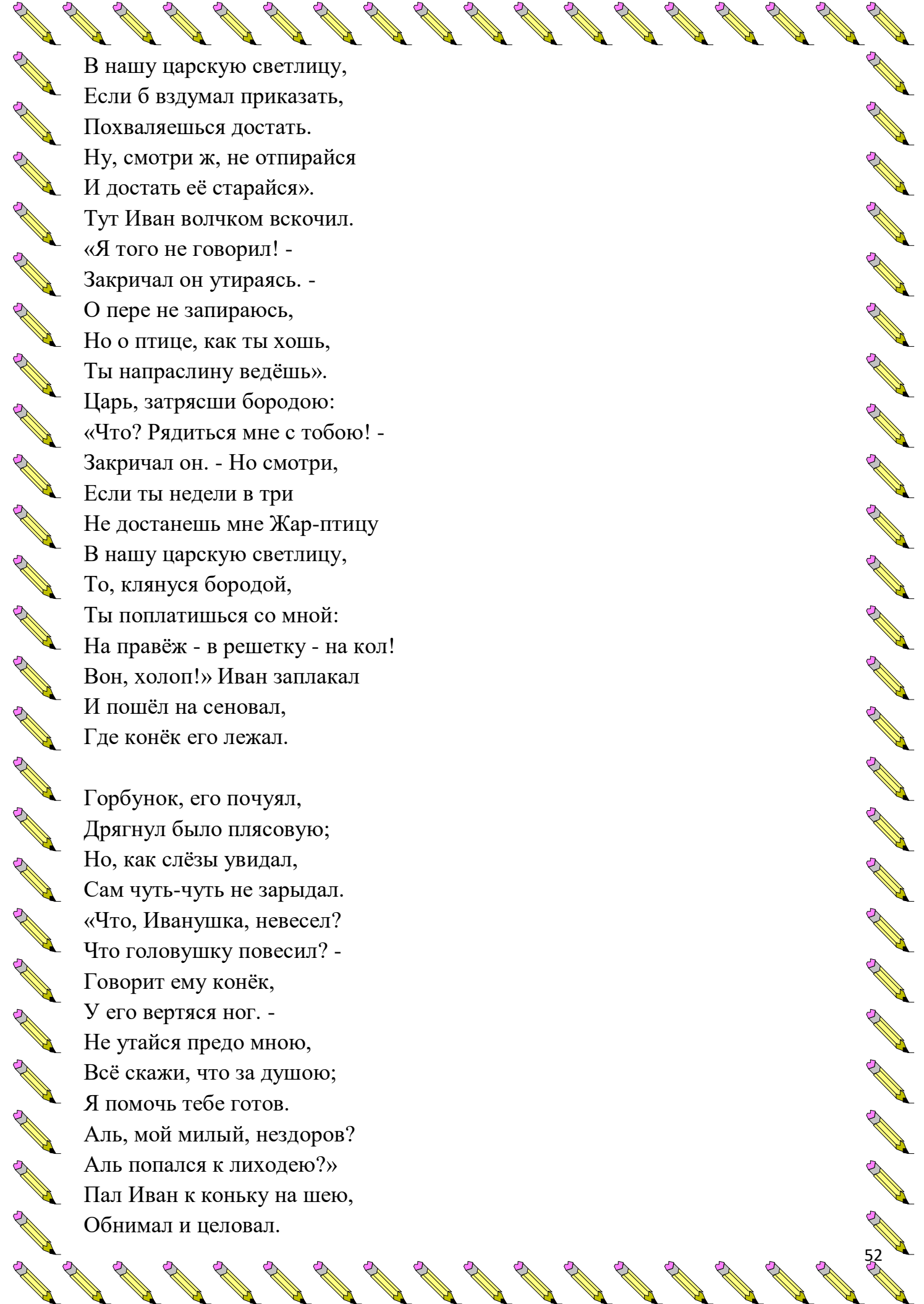
Вот к конюшне прибегают,
Двери настежь отворяют
И ногами дурака
Ну толкать во все бока.
С полчаса над ним возились,
Но его не добудились.
Наконец уж рядовой
Разбудил его метлой.

«Что за челядь тут такая? -
Говорит Иван вставая. -
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом
Без пути будить Ивана!».
Говорят ему дворяна:
«Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать». -
«Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся
И тотчас к нему явлюся», -
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут свой сбоку прицепил,
Словно утица поплыл.

Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
«А пошто меня будил?»
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом,
Приподнявшись: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза

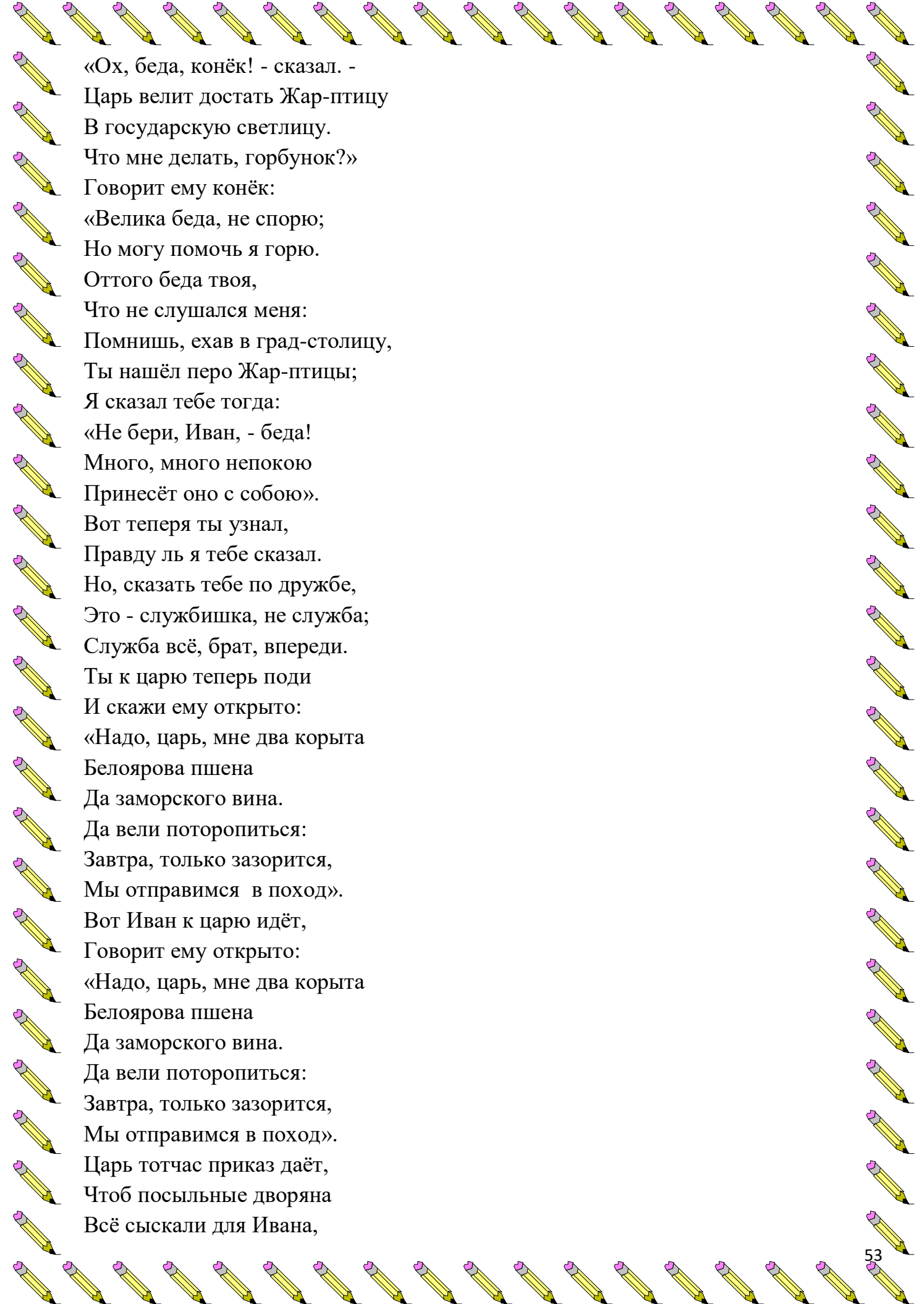

Наше царское добро -
Жароптицево перо?
Что я - царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: «Постой!
Я те шапки ровно не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты - ажно ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки -
Нет пера, да и шабалки!..» -
«Отвечай же! Запорю!..» -
«Я те толком говорю:
Нет пера! Да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.
«Что? Ты смел ещё переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? А?» Тут Иван,
Задрожал, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
«Что, приятель, видно, туго? -
Молвил царь. - Постой-ка, брат!..» -
«Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж врать не стану».
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
«Ну, для первого случаю
Я вину тебе прощаю, -
Царь Ивану говорит. -
Я, помилуй бог, сердит!
И с сердец иной порою
Чуб сниму и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу

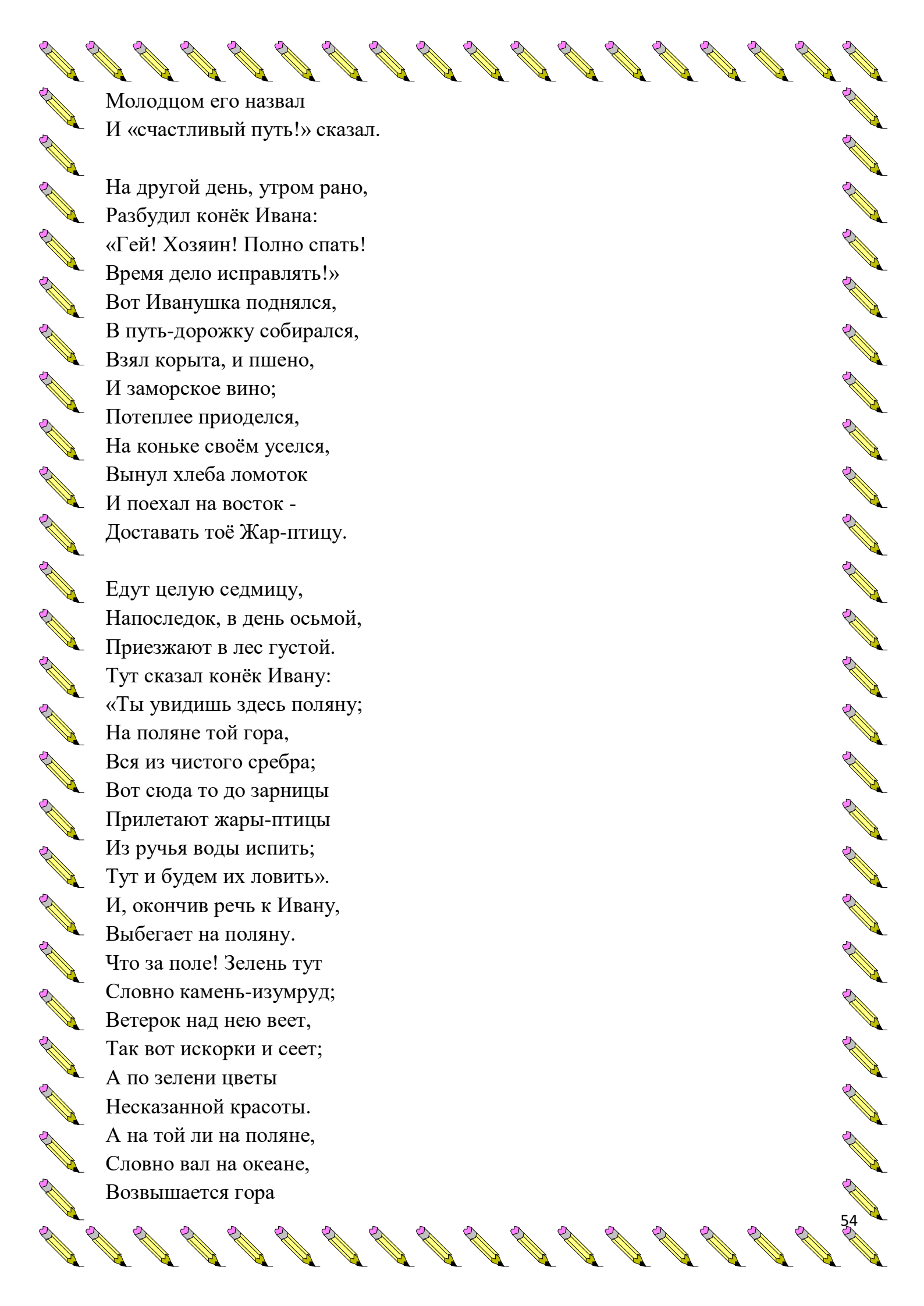

В нашу царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать её старайся».
Тут Иван волчком вскочил.
«Я того не говорил! -
Закричал он утираясь. -
О пере не запираюсь,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведёшь».
Царь, затряси бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою! -
Закричал он. - Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты заплатишься со мной:
На правёж - в решетку - на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

Горбунок, его почуял,
Дрягнул было плясовую;
Но, как слёзы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? -
Говорит ему конёк,
У его вертятся ног. -
Не утайся предо мною,
Всё скажи, что за душою;
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.

«Ох, беда, конёк! - сказал. -
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конёк:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня:
Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашёл перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
«Не бери, Иван, - беда!
Много, много непокою
Принесёт оно с собою».
Вот теперя ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это - службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди
И скажи ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Вот Иван к царю идёт,
Говорит ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Царь тотчас приказ даёт,
Чтоб посыльные дворяна
Всё сыскали для Ивана,

Молодцом его назвал
И «счастливым путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта, и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток -
Доставать тоё Жар-птицу.

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
«Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора,
Вся из чистого серебра;
Вот сюда то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.
Что за поле! Зелень тут
Словно камень-изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,
Словно вал на океане,
Возвышается гора

Вся из чистого серебра.

Солнце летними лучами

Красит всю её зарями,

В сгибах золотом бежит,

На верхах свечой горит.

Вот конёк по косогору

Поднялся на эту гору,

Версту, другу пробежал,

Устоялся и сказал:

«Скоро ночь, Иван, начнётся,

И тебе стеречь придётся.

Ну, в корыто лей вино

И с вином мешай пшено.

А чтоб быть тебе закрыту,

Ты под то подлезь корыто,

Втихомолку примечай,

Да, смотри же, не зевай.

До восхода, слышь, зарницы

Прилетят сюда жар-птицы

И начнут пшено клевать

Да по-своему кричать.

Ты, которая поближе,

И схвати её, смотри же!

А поймашь птицу-жар -

И кричи на весь базар;

Я тотчас к тебе явлюся». -

«Ну, а если обожгуся? -

Говорит коньку Иван,

Расстилая свой кафтан. -

Рукавички взять придётся,

Чай, плутовка больно жгётся».

Тут конёк из глаз исчез,

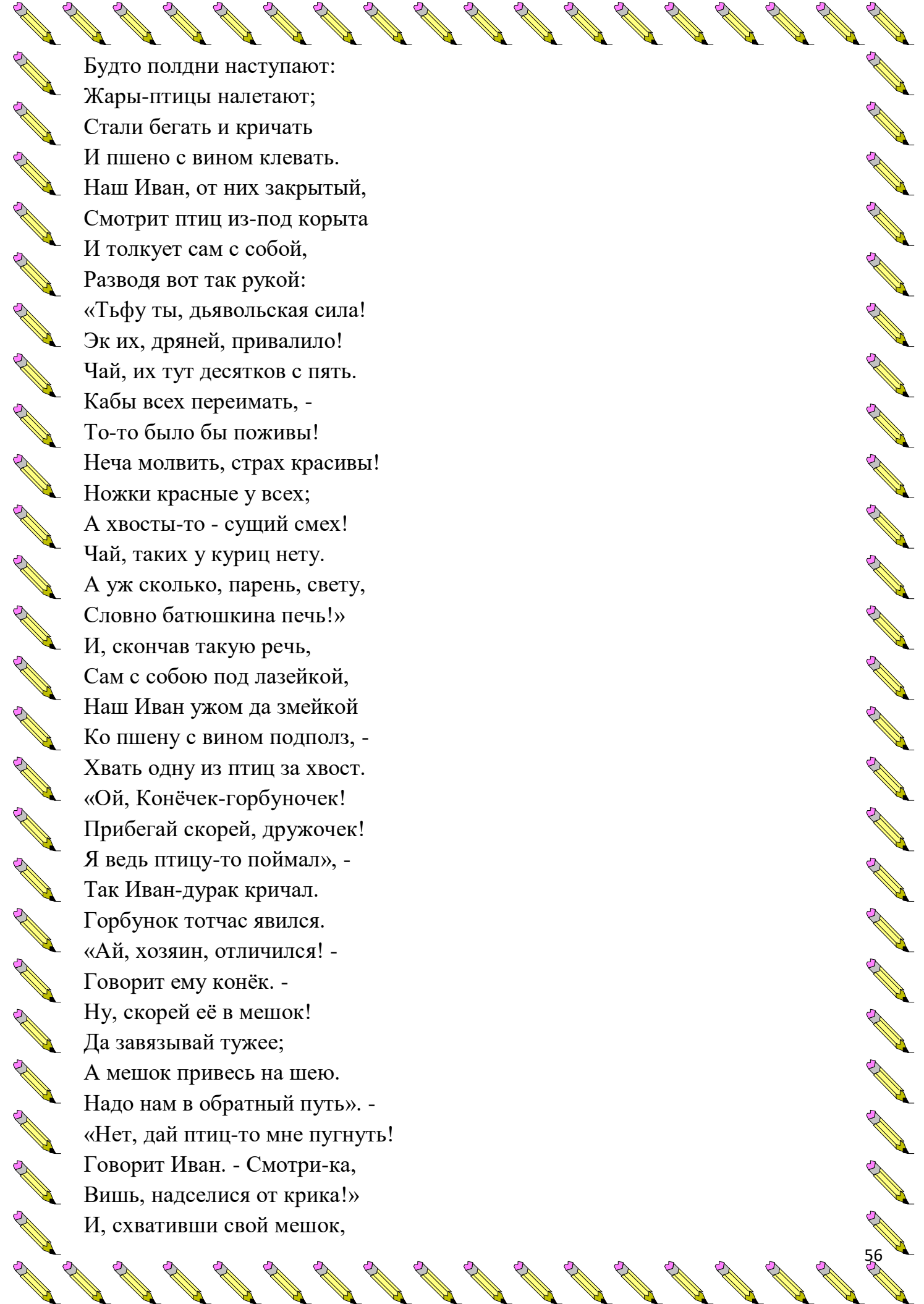
А Иван, кряхтя, подлез

Под дубовое корыто

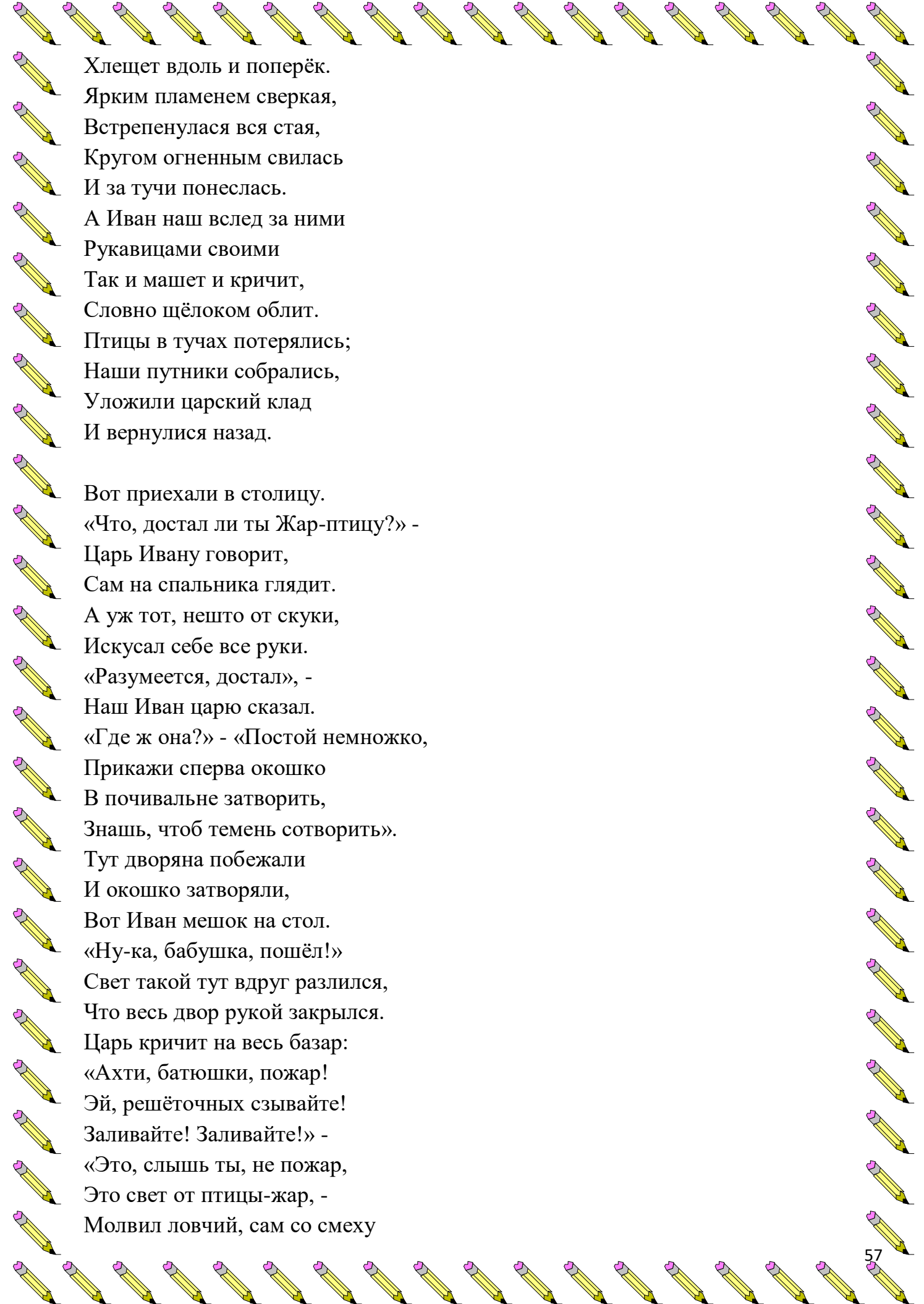
И лежит там как убитый.

Вот полночною порой

Свет разлился над горой, -

Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряней, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать, -
То-то было бы поживы!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то - сущий смех!
Чай, таких у куриц нету.
А уж сколько, парень, свету,
Словно батюшкина печь!»
И, скончав такую речь,
Сам с собою под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой
Ко пшену с вином подполз, -
Хвать одну из птиц за хвост.
«Ой, Конёчек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружок!
Я ведь птицу-то поймал», -
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
«Ай, хозяин, отличился! -
Говорит ему конёк. -
Ну, скорей её в мешок!
Да завязывай туже;
А мешок привесь на шею.
Надо нам в обратный путь». -
«Нет, дай птиц-то мне пугнуть!
Говорит Иван. - Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!»
И, схвативши свой мешок,

Хлещет вдоль и поперёк.

Ярким пламенем сверкая,

Встрепенулася вся стая,

Кругом огненным свилась

И за тучи понеслась.

А Иван наш вслед за ними

Рукавицами своими

Так и машет и кричит,

Словно щёлоком облит.

Птицы в тучах потерялись;

Наши путники собрались,

Уложили царский клад

И вернулись назад.

Вот приехали в столицу.

«Что, достал ли ты Жар-птицу?» -

Царь Ивану говорит,

Сам на спальника глядит.

А уж тот, нешто от скуки,

Искусал себе все руки.

«Разумеется, достал», -

Наш Иван царю сказал.

«Где ж она?» - «Постой немножко,

Прикажи сперва окошко

В почивальне затворить,

Знашь, чтоб темень сотворить».

Тут дворяна побежали

И окошко затворяли,

Вот Иван мешок на стол.

«Ну-ка, бабушка, пошёл!»

Свет такой тут вдруг разлился,

Что весь двор рукой закрылся.

Царь кричит на весь базар:

«Ахти, батюшки, пожар!

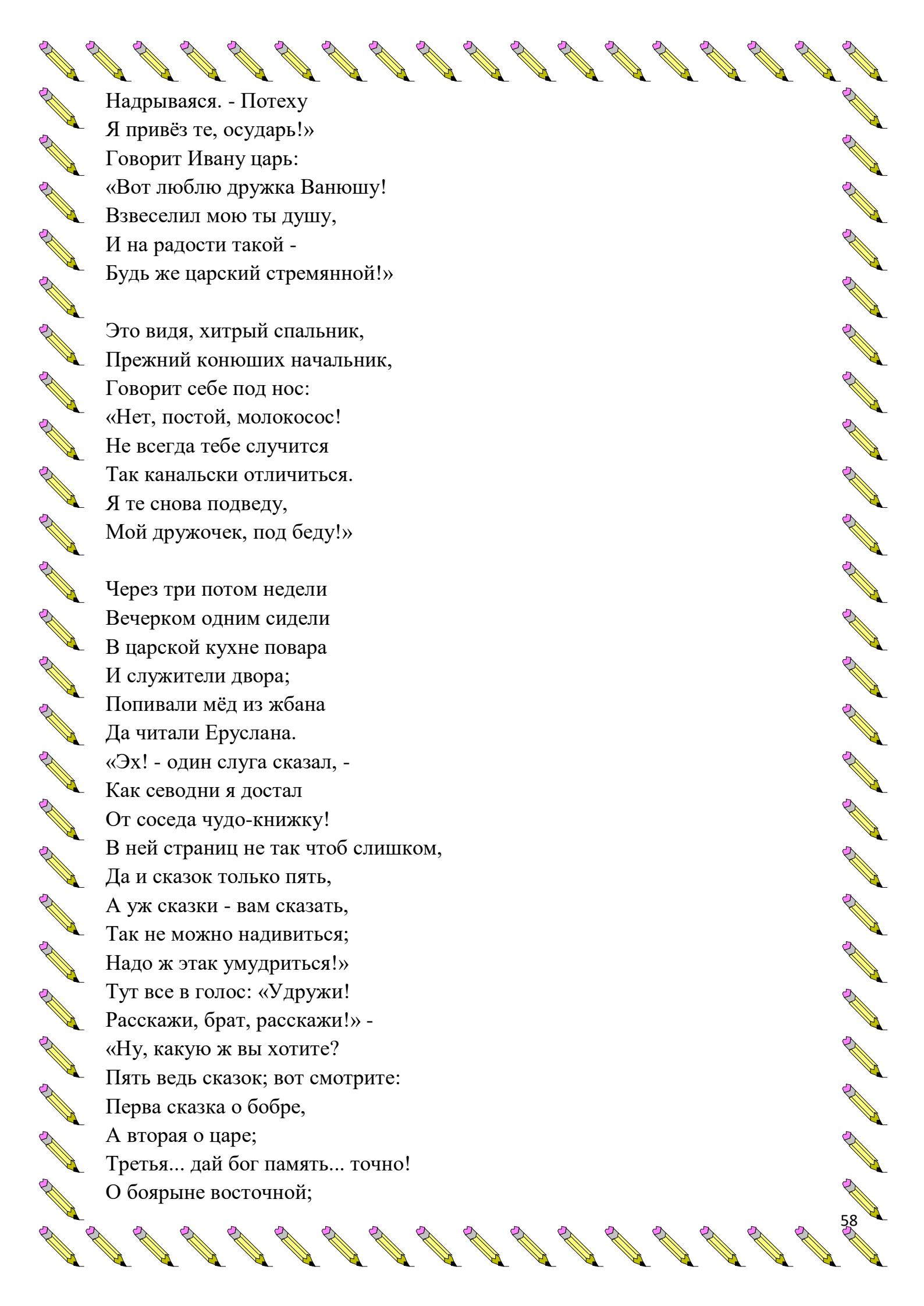
Эй, решётчных сзывайте!

Заливайте! Заливайте!» -

«Это, слышь ты, не пожар,

Это свет от птицы-жар, -

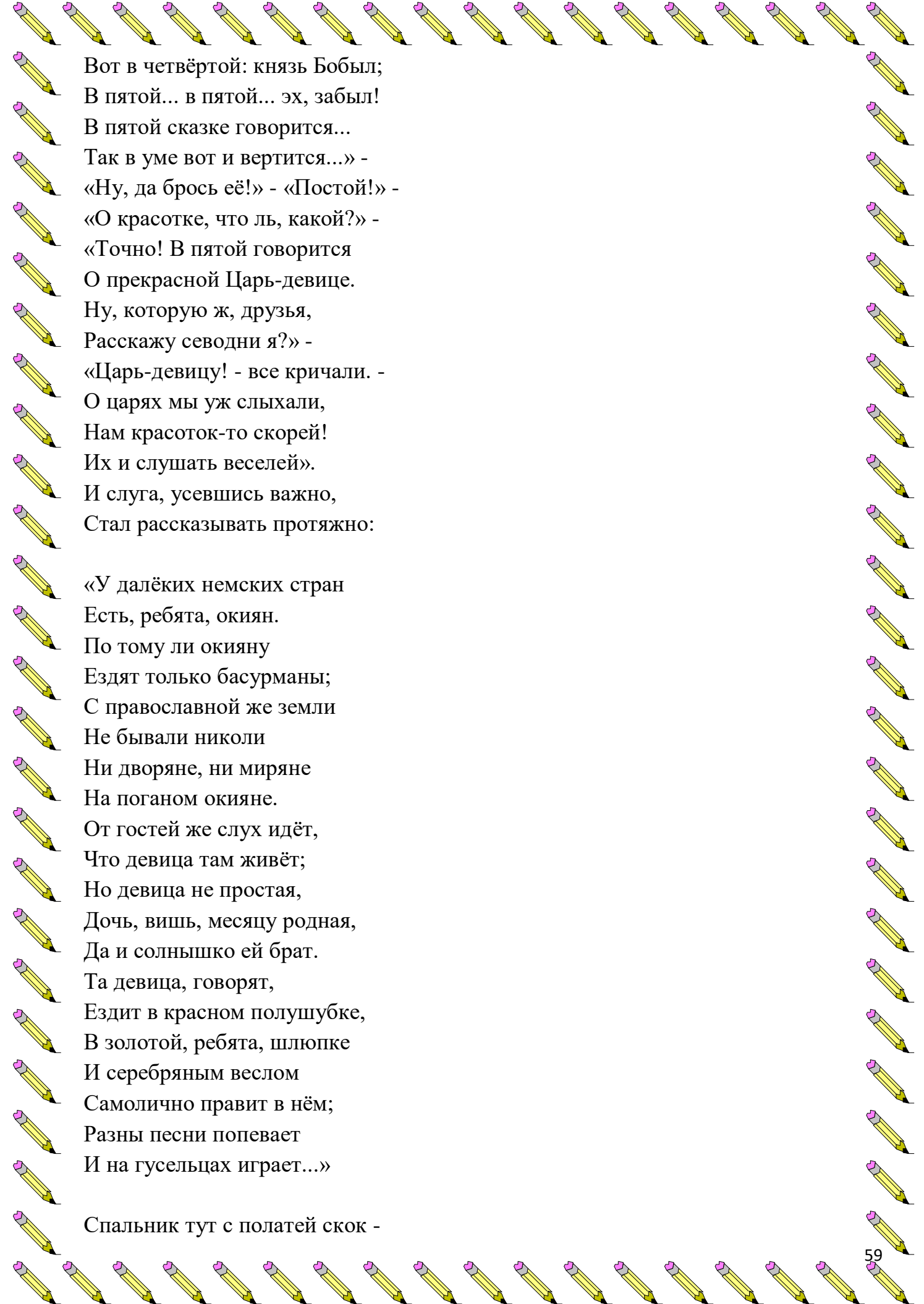
Молвил ловчий, сам со смеху

Надрываясь. - Потеху
Я привёз те, осударь!»
Говорит Ивану царь:
«Вот люблю дружка Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой -
Будь же царский стремянной!»

Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
«Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться.
Я те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!»

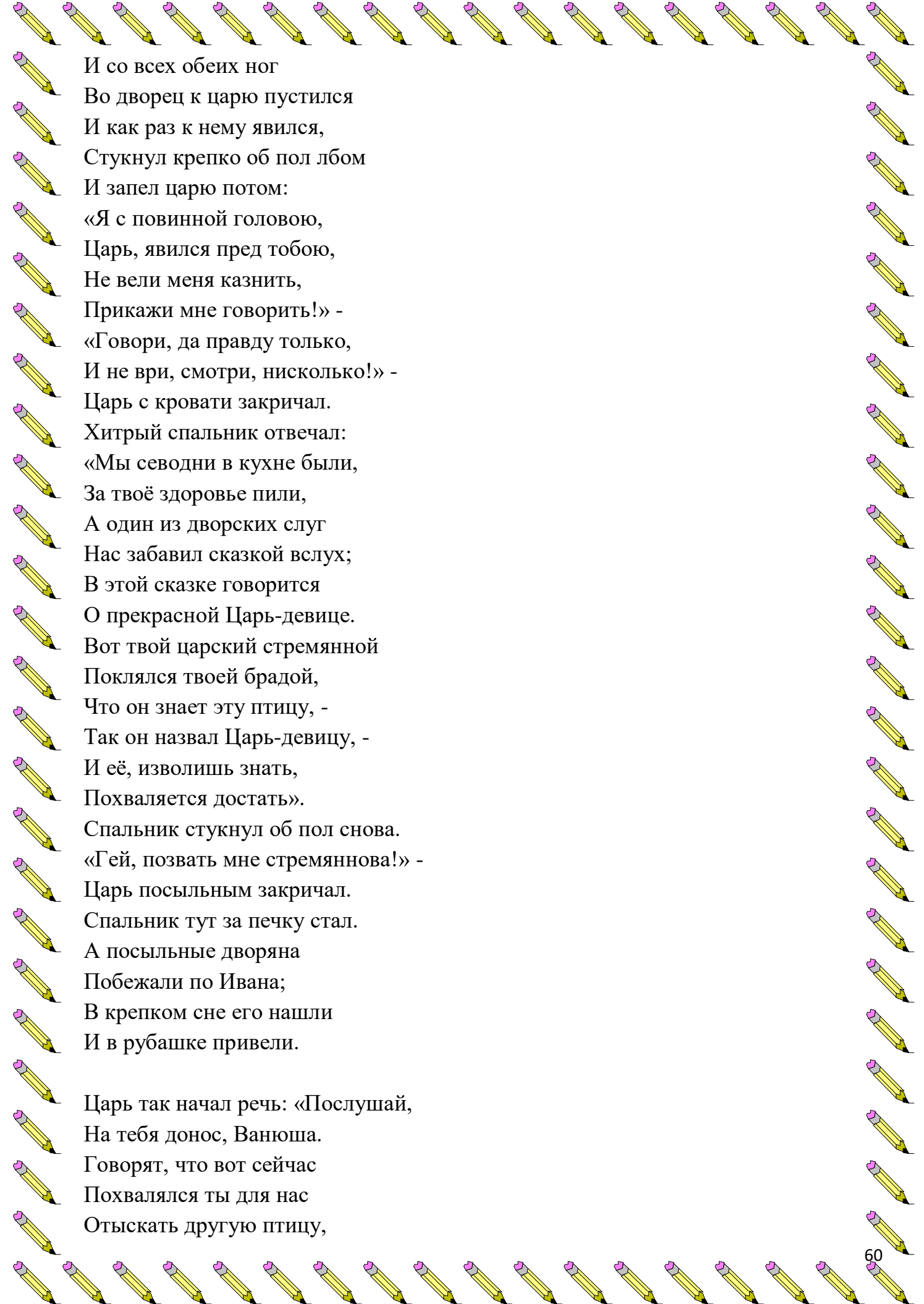
Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора;
Попивали мёд из жбана
Да читали Еруслана.
«Эх! - один слуга сказал, -
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять,
А уж сказки - вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!»
Тут все в голос: «Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!» -
«Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка о бобре,
А вторая о царе;
Третья... дай бог память... точно!
О боярыне восточной;

Вот в четвёртой: князь Бобыл;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится...» -
«Ну, да брось её!» - «Постой!» -
«О красотке, что ль, какой?» -
«Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу севодни я?» -
«Царь-девицу! - все кричали. -
О царях мы уж слышали,
Нам красоток-то скорей!
Их и слушать веселей».
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:

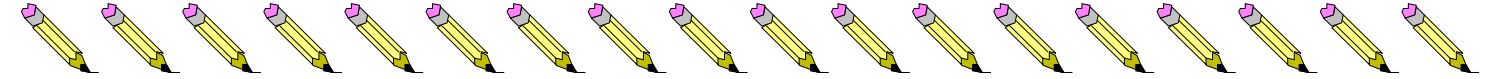
«У далёких немских стран
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.
От гостей же слух идёт,
Что девица там живёт;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, месяцу родная,
Да и солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шлюпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нём;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет...»

Спальник тут с полатей скок -

И со всех обеих ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!» -
«Говори, да правду только,
И не ври, смотри, нисколько!» -
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
«Мы севодни в кухне были,
За твоё здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся твоей брадой,
Что он знает эту птицу, -
Так он назвал Царь-девицу, -
И её, изволишь знать,
Похваляется достать».
Спальник стукнул об пол снова.
«Гей, позвать мне стремяннова!» -
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал.
А посыльные дворяна
Побежали по Ивана;
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.

Царь так начал речь: «Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу,

Сиречь молвить, Царь-девицу...» -

«Что ты, что ты, бог с тобой! -

Начал царский стремянной. -

Чай, с просонков я, толкую,

Штуку выкинул такую.

Да хитри себе как хошь,

А меня не проведёшь».

Царь, затрясши бороною:

«Что? Рядиться мне с тобою? -

Закричал он. - Но смотри,

Если ты недели в три

Не достанешь Царь-девицу

В нашу царскую светлицу,

То, клянуся бороною!

Ты поплатишься со мной!

На правёж - в решетку - на кол!

Вон, холоп!» Иван заплакал

И пошёл на сеновал,

Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?

Что головушку повесил? -

Говорит ему конёк. -

Аль, мой милый, занемог?

Аль попался к лиходею?»

Пал Иван к коньку на шею,

Обнимал и целовал.

«Ох, беда, конёк! - сказал. -

Царь велит в свою светлицу

Мне достать, слышь, Царь-девицу.

Что мне делать, горбунок?»

Говорит ему конёк:

«Велика беда, не спорю;

Но могу помочь я горю.

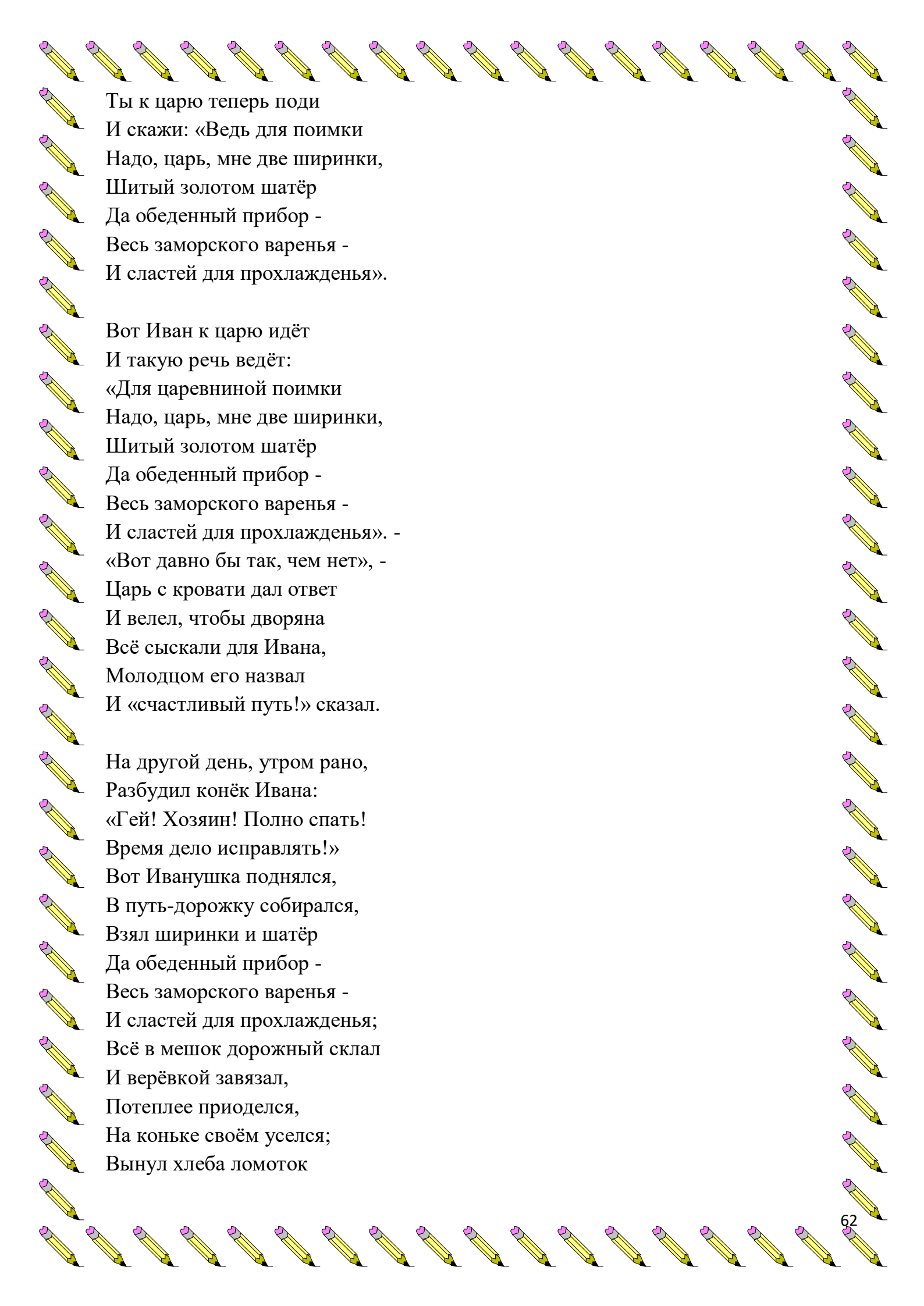
Оттого беда твоя,

Что не слушался меня.

Но, сказать тебе по дружбе,

Это - службишка, не служба;

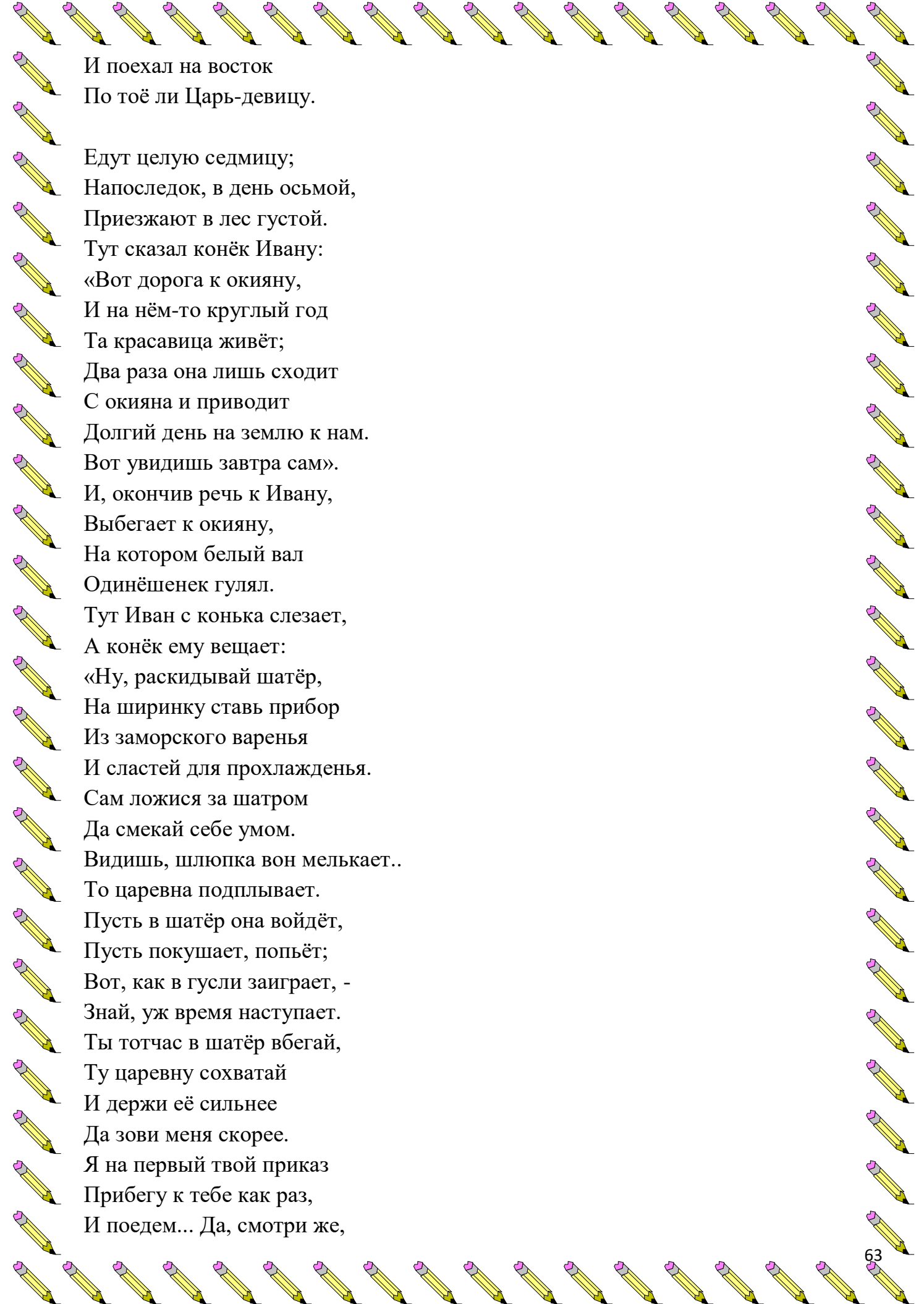
Служба всё, брат, впереди!

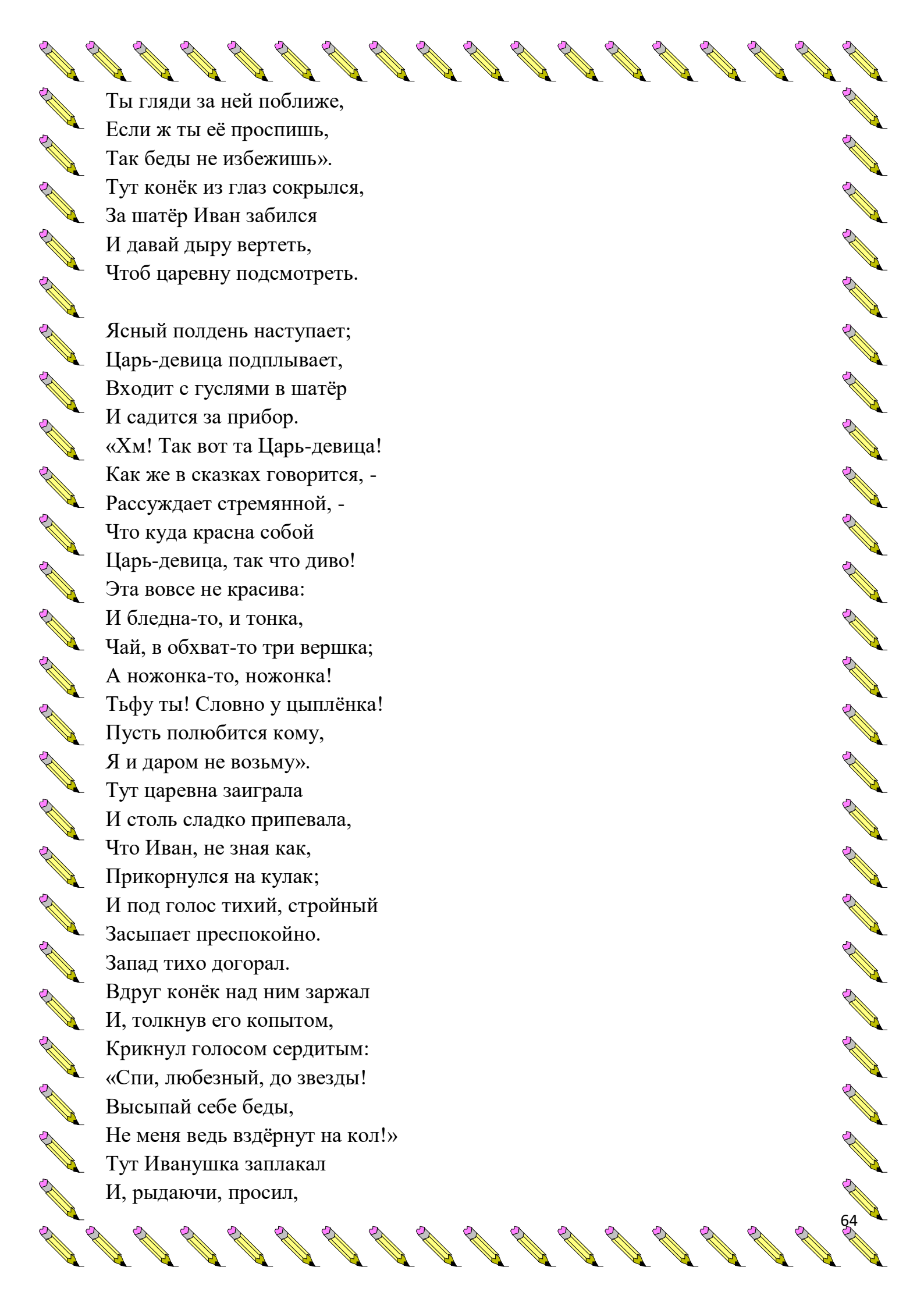
Ты к царю теперь поди
И скажи: «Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор -
Весь заморского варенья -
И сластей для прохлажденья».

Вот Иван к царю идёт
И такую речь ведёт:
«Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор -
Весь заморского варенья -
И сластей для прохлажденья». -
«Вот давно бы так, чем нет», -
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатёр
Да обеденный прибор -
Весь заморского варенья -
И сластей для прохлажденья;
Всё в мешок дорожный склал
И верёвкой завязал,
Потеплее приделся,
На коньке своём уселся;
Вынул хлеба ломоток

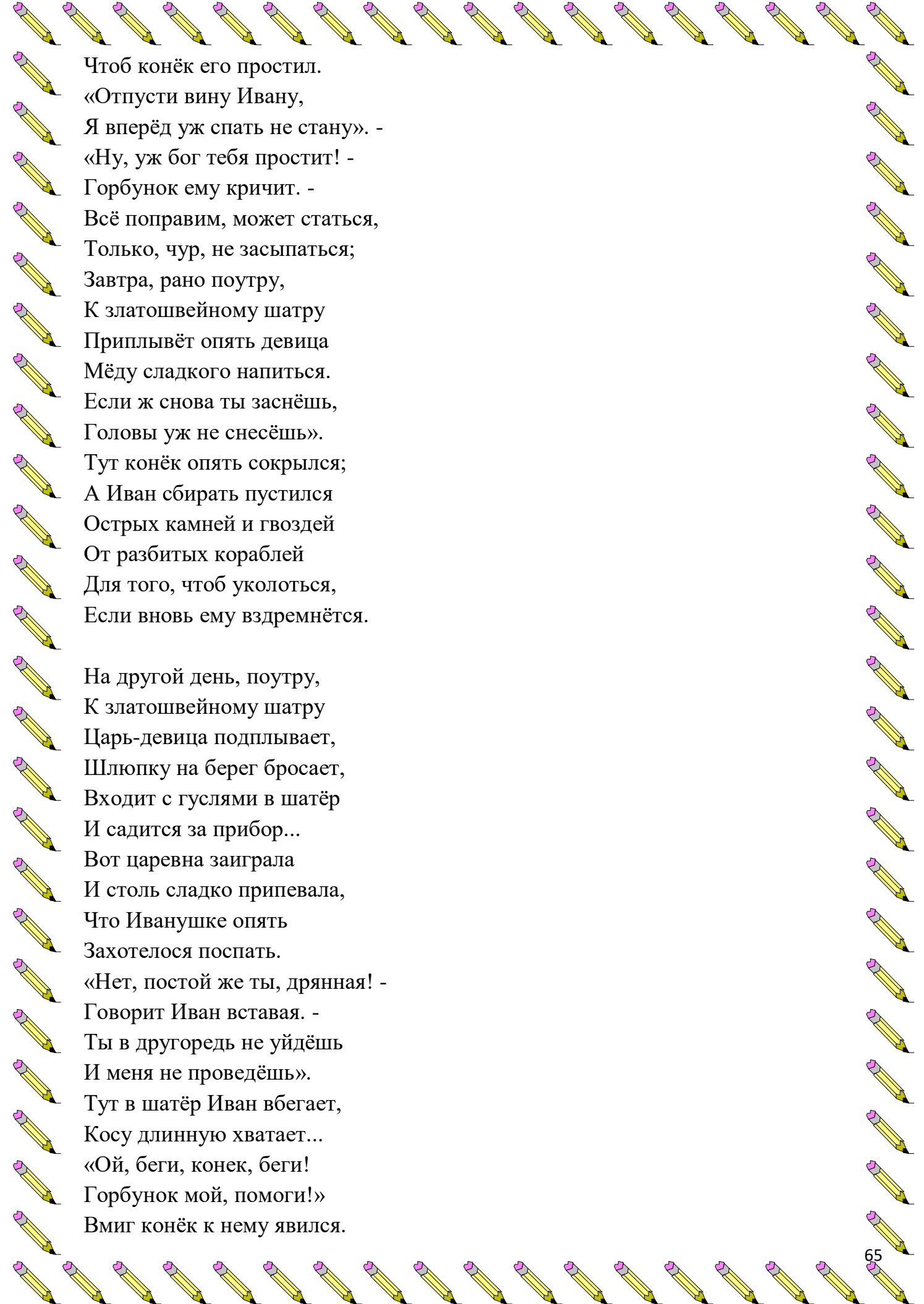

И поехал на восток
По тоё ли Царь-девицу.
Едут целую седмицу;
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
«Вот дорога к окяну,
И на нём-то круглый год
Та красавица живёт;
Два раза она лишь сходит
С окяна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окяну,
На котором белый вал
Одинёшенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конёк ему вещает:
«Ну, раскидывай шатёр,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохлажденья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает..
То царевна подплывает.
Пусть в шатёр она войдёт,
Пусть покушает, попьёт;
Вот, как в гусли заиграет, -
Знай, уж время наступает.
Ты тотчас в шатёр вбегай,
Ту царевну сохватай
И держи её сильнее
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз,
И поедем... Да, смотри же,

Ты гляди за ней поближе,
Если ж ты её проспшишь,
Так беды не избежишь».
Тут конёк из глаз сокрылся,
За шатёр Иван забился
И давай дыру вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслими в шатёр
И садится за прибор.
«Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится, -
Рассуждает стремянной, -
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
ТЬфу ты! Словно у цыплёнка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак;
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.
Запад тихо догорал.
Вдруг конёк над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды,
Не меня ведь вздёрнут на кол!»
Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,

Чтоб конёк его простил.
«Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж спать не стану». -
«Ну, уж бог тебя простит! -
Горбунок ему кричит. -
Всё поправим, может статься,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,
К златошвейному шатру
Приплывёт опять девица
Мёду сладкого напиться.
Если ж снова ты заснёшь,
Головы уж не снесёшь».
Тут конёк опять сокрылся;
А Иван собирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколотся,
Если вновь ему вздремнётся.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,
Шлюпку на берег бросает,
Входит с гуслими в шатёр
И садится за прибор...
Вот царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелось поспать.
«Нет, постой же ты, дрянная! -
Говорит Иван вставая. -
Ты в другоредь не уйдёшь
И меня не проведёшь».
Тут в шатёр Иван вбегает,
Косу длинную хватает...
«Ой, беги, конек, беги!
Горбунок мой, помоги!»
Вмиг конёк к нему явился.

«Ай, хозяин, отличился!

Ну, садись же поскорей

Да держи её плотней!»

Вот столицы достигает.

Царь к царевне выбегает,

За белы руки берёт,

Во дворец её ведёт

И садит за стол дубовый

И под занавес шелковый,

В глазки с нежностью глядит,

Сладки речи говорит:

«Бесподобная девица,

Согласися быть царица!

Я тебя едва узрел -

Сильной страстью воскипел.

Соколины твои очи

Не дадут мне спать средь ночи

И во время бела дня -

Ох! измучают меня.

Молви ласковое слово!

Всё для свадьбы уж готово;

Завтра ж утром, светик мой,

Обвенчаемся с тобой

И начнем жить припевая».

А царевна молодая,

Ничего не говоря,

Отвернулась от царя.

Царь нисколько не сердился,

Но сильней ещё влюбился;

На колен пред нею стал,

Ручки нежно пожимал

И балясы начал снова:

«Молви ласковое слово!

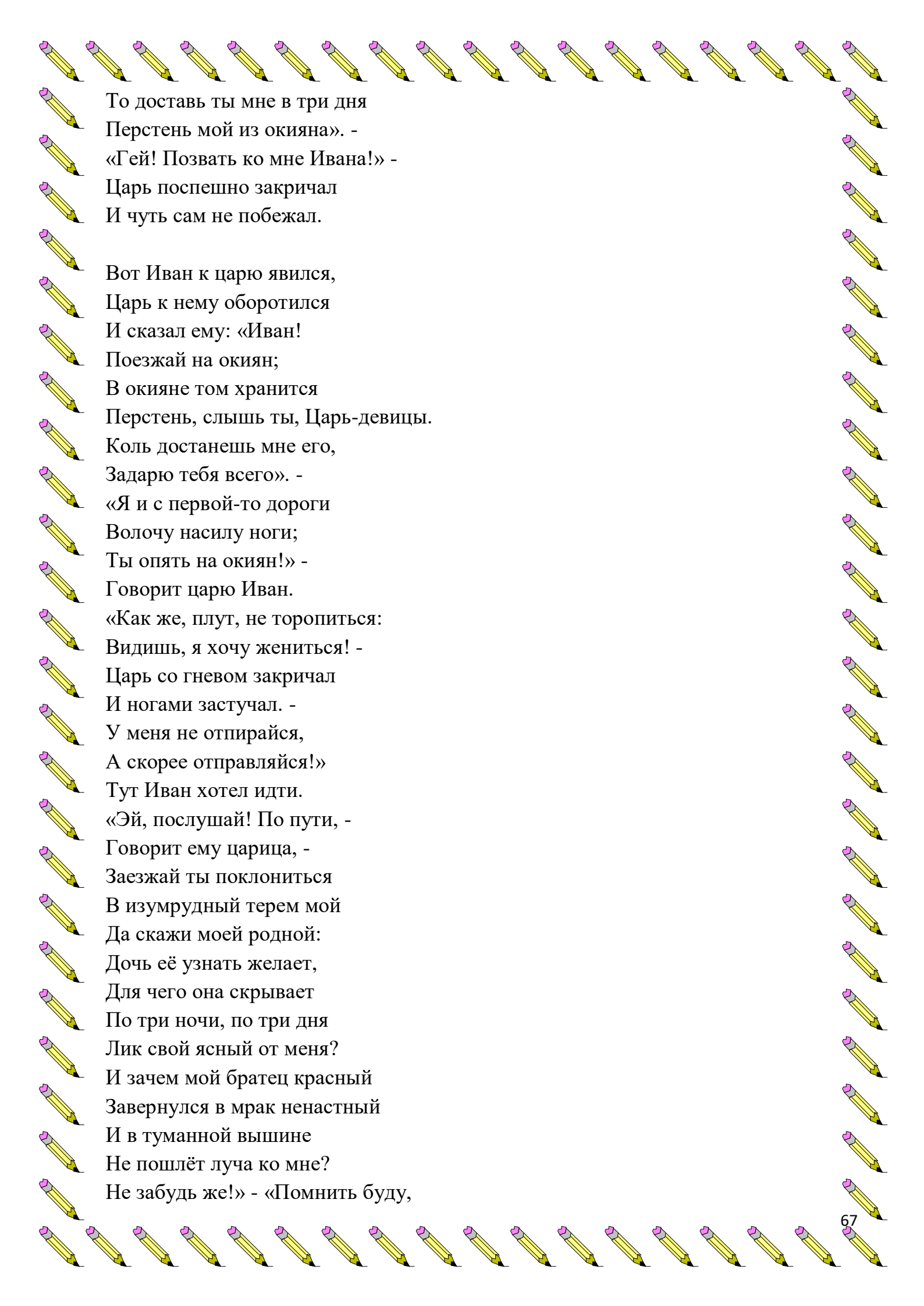
Чем тебя я огорчил?

Али тем, что полюбил?

«О, судьба моя плачевна!»

Говорит ему царевна:

«Если хочешь взять меня,

То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окияна». -
«Гей! Позвать ко мне Ивана!» -
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.

Вот Иван к царю явился,
Царь к нему оборотился
И сказал ему: «Иван!
Поезжай на окиян;
В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.

Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего». -
«Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги;
Ты опять на окиян!» -
Говорит царю Иван.

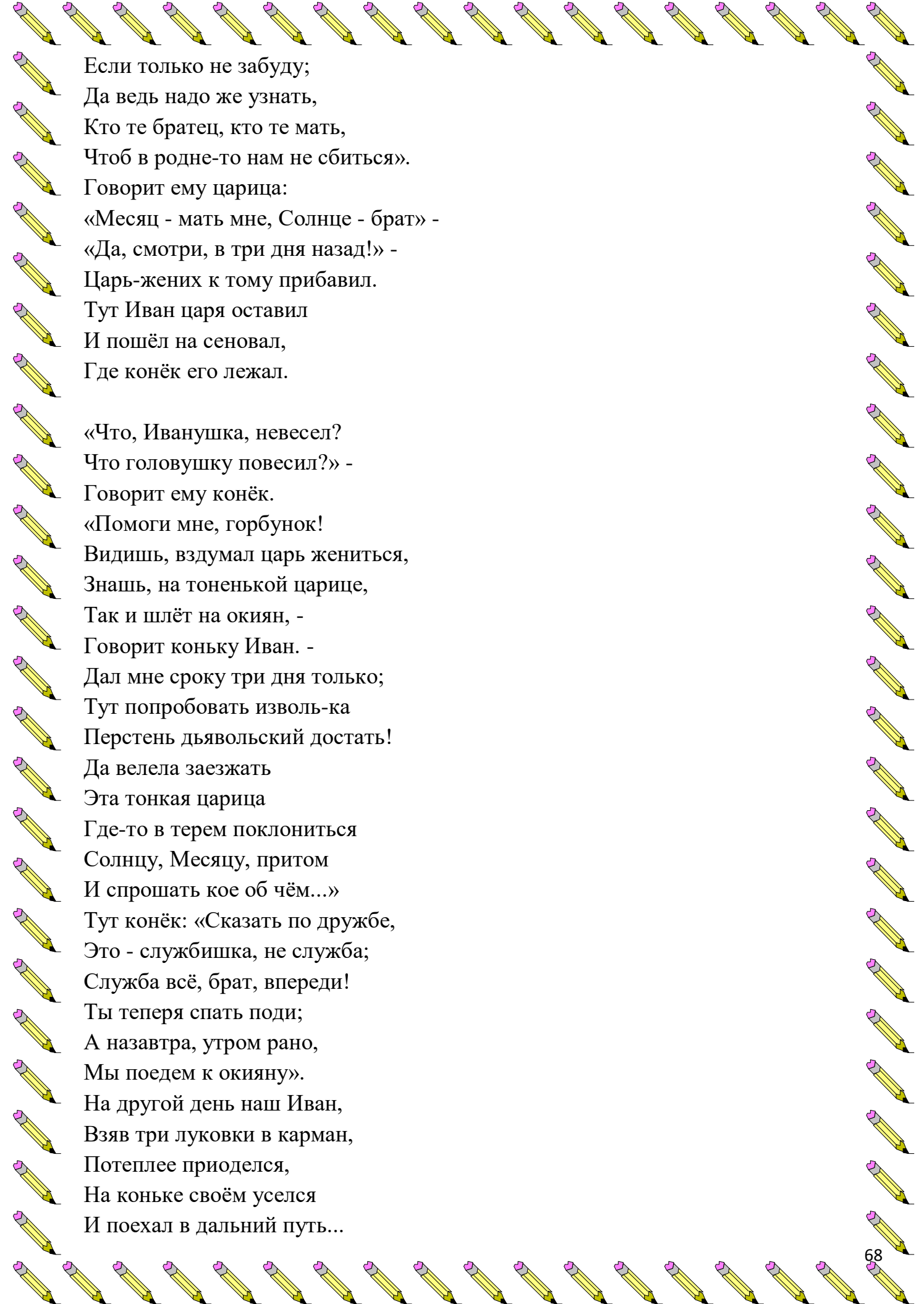
«Как же, плут, не торопиться:
Видишь, я хочу жениться! -
Царь со гневом закричал
И ногами застучал. -
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»

Тут Иван хотел идти.
«Эй, послушай! По пути, -

Говорит ему царица, -
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:

Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?

И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?
Не забудь же!» - «Помнить буду,

Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,
Чтоб в родне-то нам не сбиться».
Говорит ему царица:
«Месяц - мать мне, Солнце - брат» -
«Да, смотри, в три дня назад!» -
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван царя оставил
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?» -
Говорит ему конёк.
«Помоги мне, горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,
Так и шлёт на окиян, -
Говорит коньку Иван. -
Дал мне сроку три дня только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, Месяцу, притом
И спросать кое об чём...»
Тут конёк: «Сказать по дружбе,
Это - службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А назавтра, утром рано,
Мы поедем к окияну».
На другой день наш Иван,
Взяв три лукови в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся
И поехал в дальний путь...

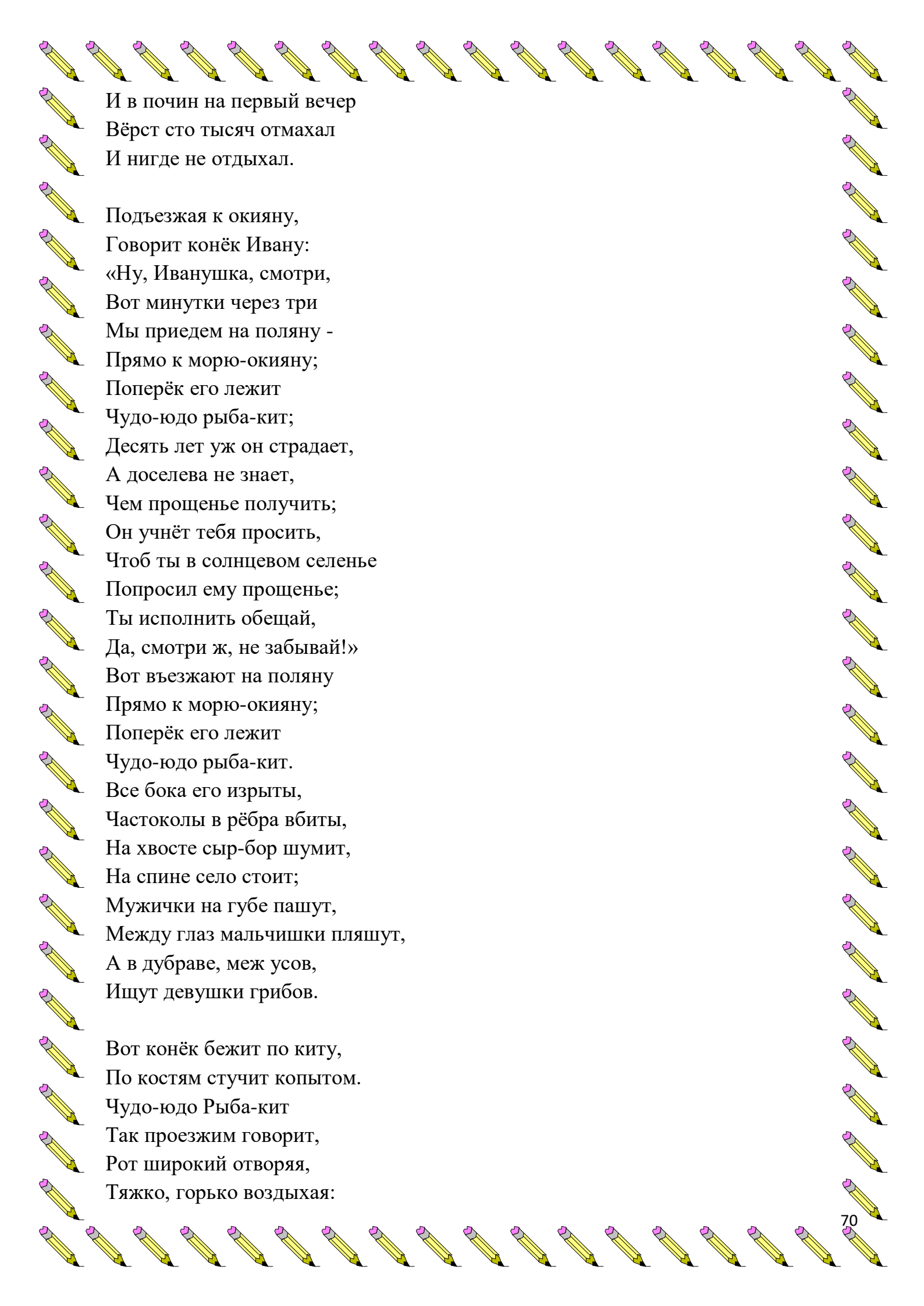
Дайте, братцы, отдохнуть!

Часть третья

Доселева Макар огороды копал,
А нынче Макар в воеводы попал.

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй, послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдёт у них тут пир,
Что на весь крещёный мир!»
Это присказка ведётся,
Сказка после начнётся.
Как у наших у ворот
Муха песенку поёт:
«Что дадите мне за вестку?
Бьёт свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
«Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!»
Это присказка велася,
Вот и сказка началась.

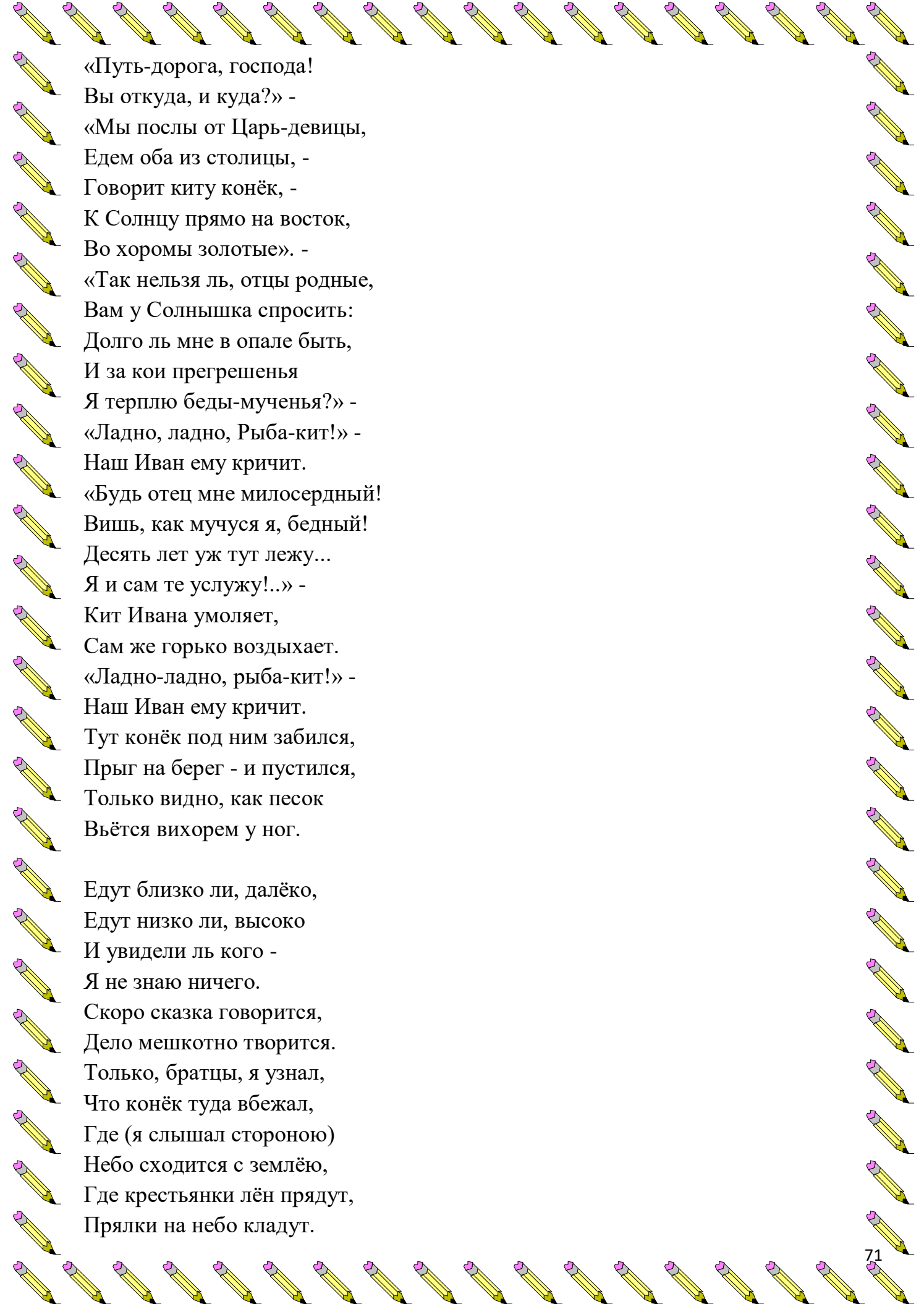
Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на окян.
Горбунок летит, как ветер,

И в почин на первый вечер
Вёрст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

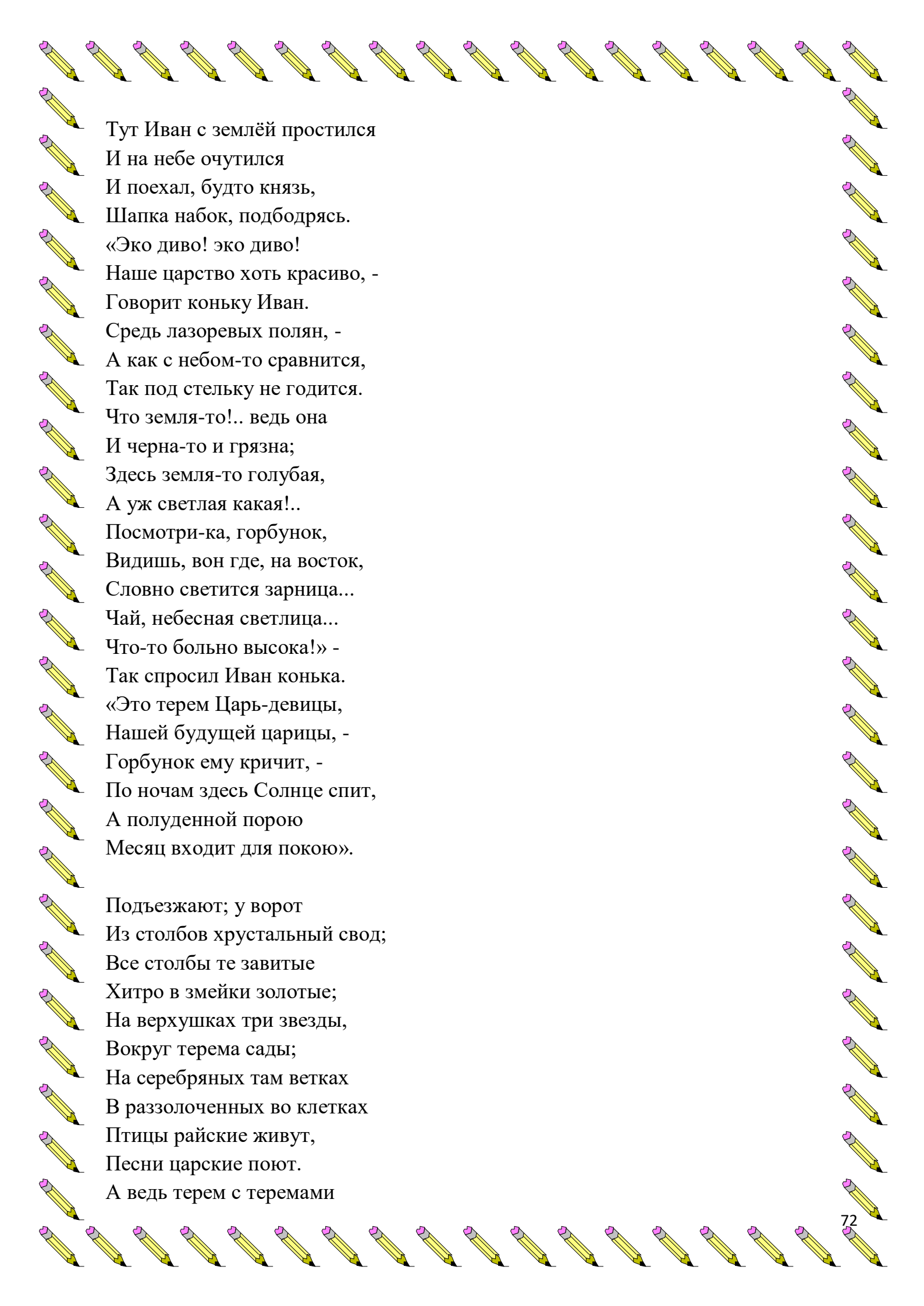
Подъезжая к окияну,
Говорит конёк Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну -
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить;
Он учнёт тебя просить,
Чтоб ты в солнечном селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещаешь,
Да, смотри ж, не забывай!»
Вот въезжают на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько вздыхая:

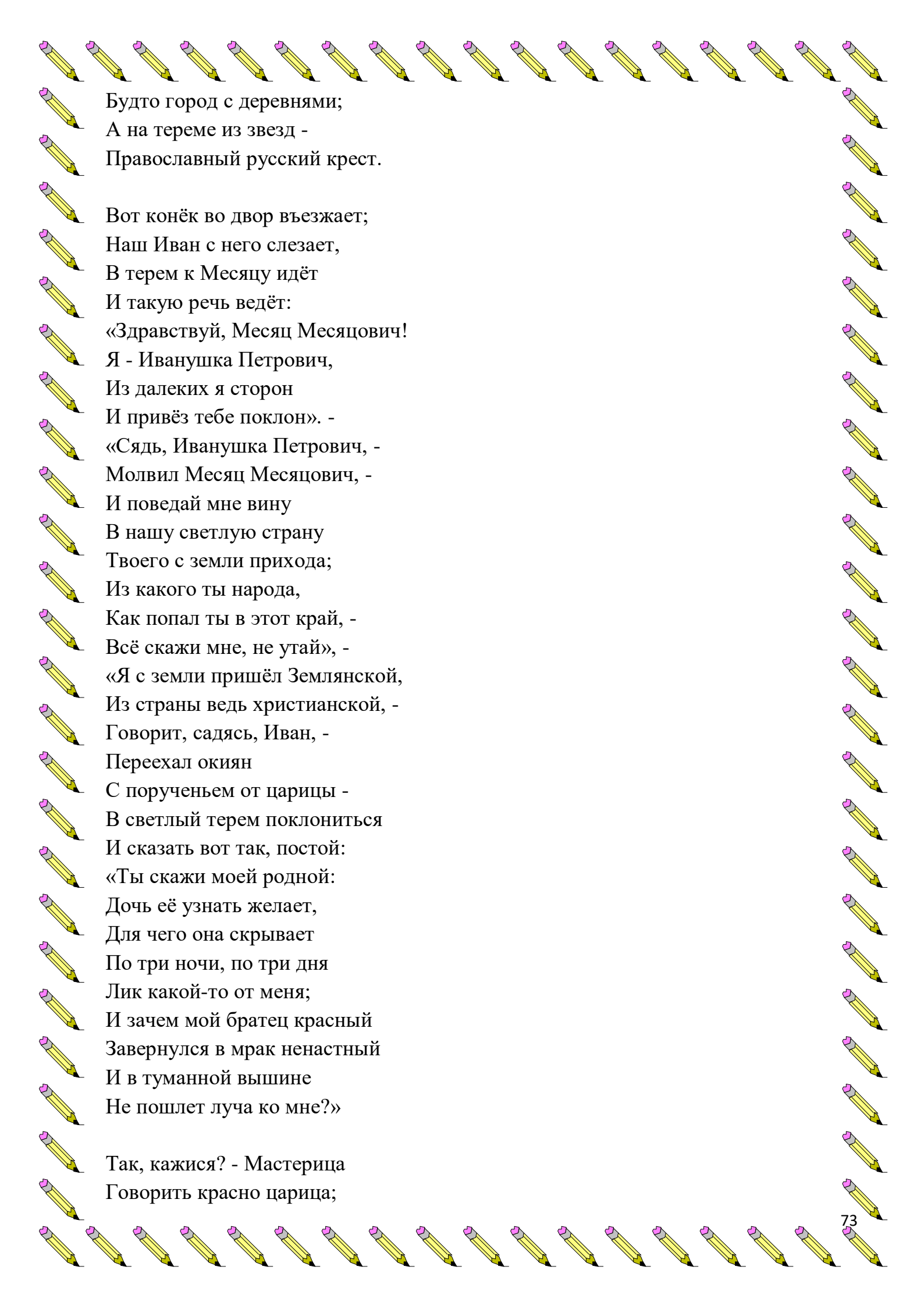
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда, и куда?» -
«Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, -
Говорит киту конёк, -
К Солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые». -
«Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:
Долго ль мне в опале быть,
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?» -
«Ладно, ладно, Рыба-кит!» -
Наш Иван ему кричит.
«Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!..» -
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько вздыхает.
«Ладно-ладно, рыба-кит!» -
Наш Иван ему кричит.
Тут конёк под ним забился,
Прыг на берег - и пустился,
Только видно, как песок
Вьётся вихорем у ног.

Едут близко ли, далёко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого -
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конёк туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землёю,
Где крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут.

Тут Иван с землёй простился
И на небе очутился
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
«Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво, -
Говорит коньку Иван.
Средь лазоревых полян, -
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...
Что-то больно высока!» -
Так спросил Иван конька.
«Это терем Царь-девицы,
Нашей будущей царицы, -
Горбунок ему кричит, -
По ночам здесь Солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою».

Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод;
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые;
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами

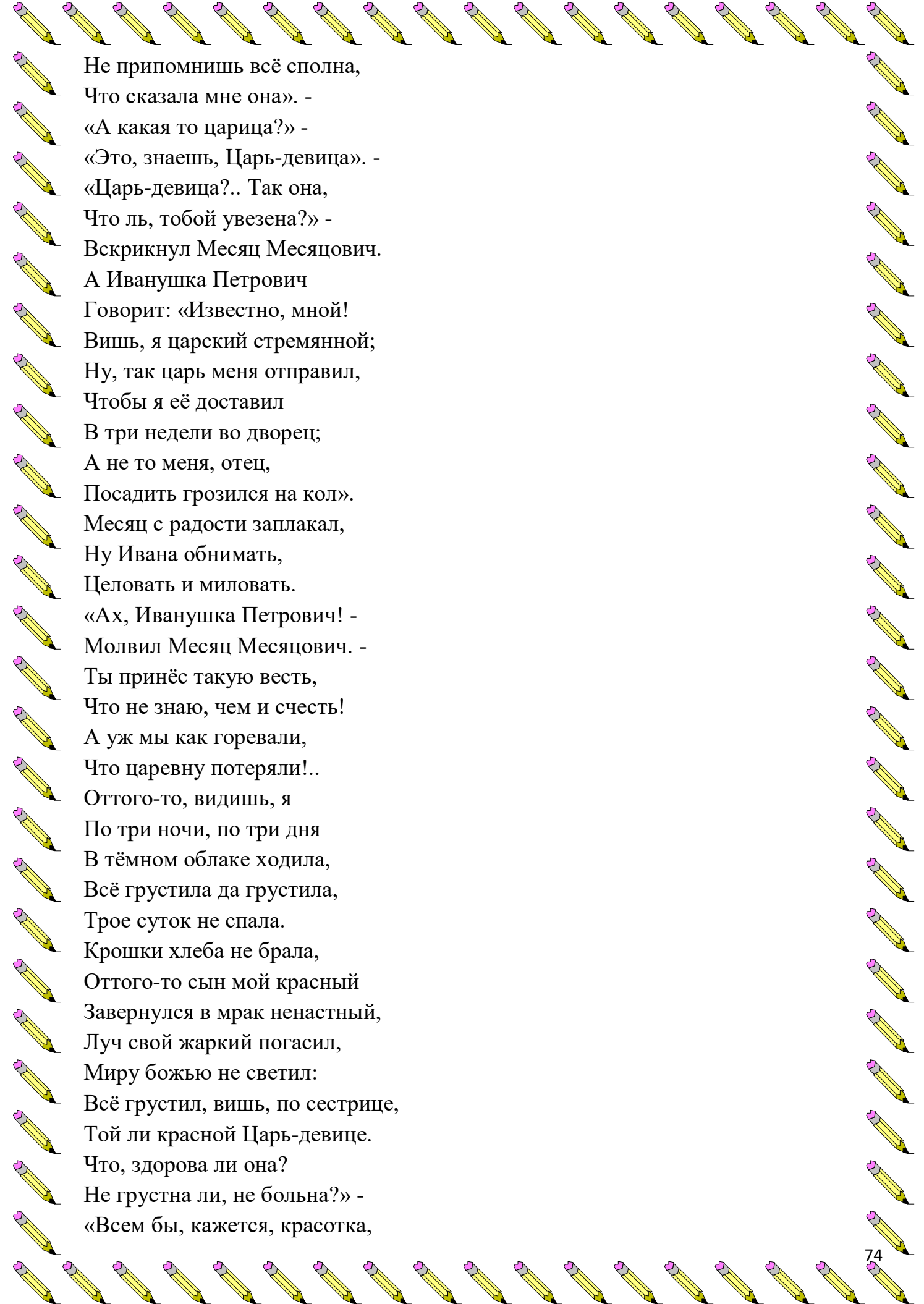
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд -
Православный русский крест.

Вот конёк во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идёт
И такую речь ведёт:
«Здравствуй, Месяц Месяцovich!
Я - Иванушка Петрович,
Из далеких я сторон
И привёз тебе поклон». -

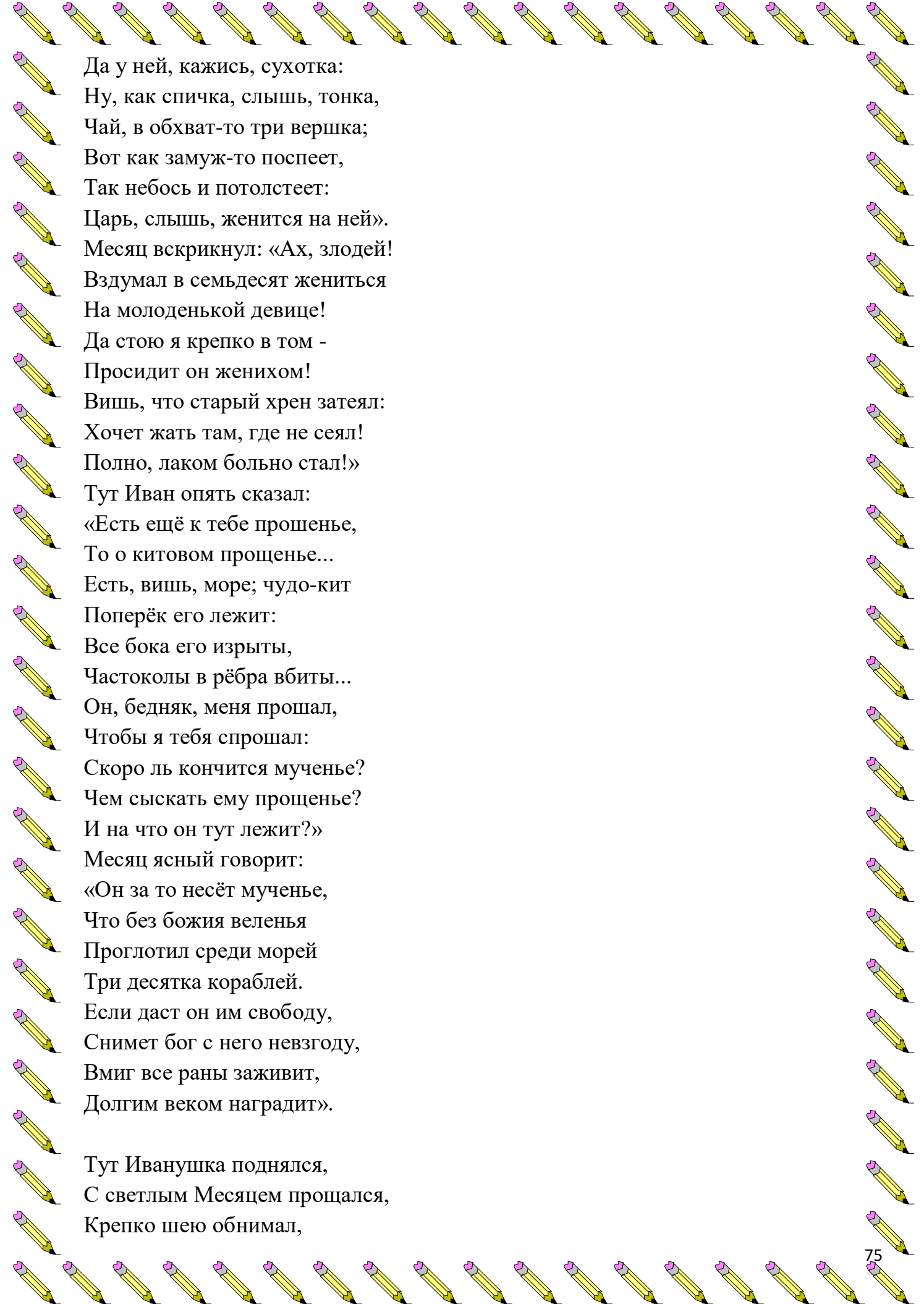
«Сядь, Иванушка Петрович, -
Молвил Месяц Месяцovich, -
И поведай мне вину
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этот край, -
Всё скажи мне, не утай», -
«Я с земли пришёл Землянской,
Из страны ведь христианской, -
Говорит, садясь, Иван, -

Переехал окиян
С порученьем от царицы -
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой:
«Ты скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня;
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?»»

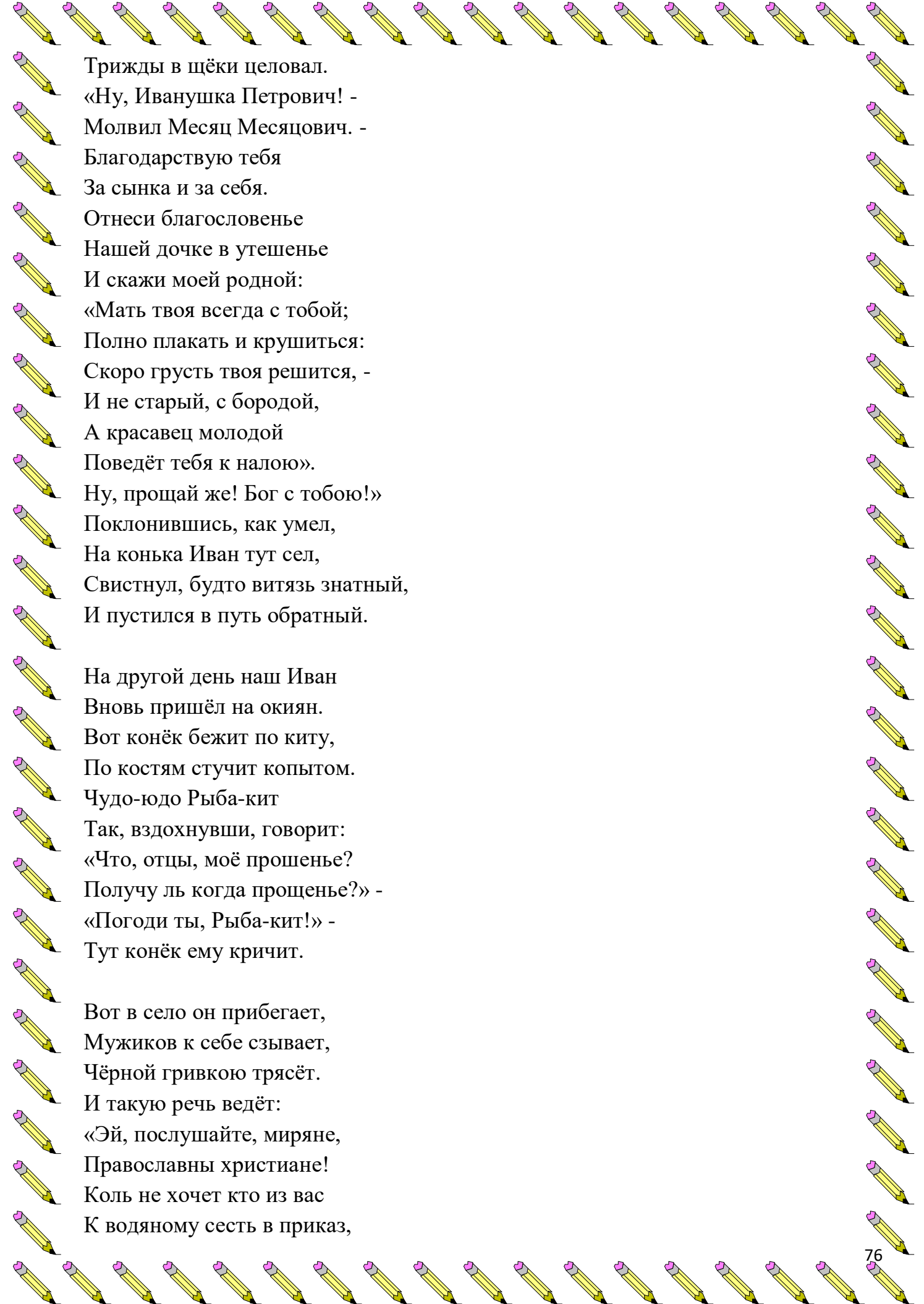
Так, кажися? - Мастерица
Говорить красно царица;

Не припомнишь всё сполна,
Что сказала мне она». -
«А какая то царица?» -
«Это, знаешь, Царь-девица». -
«Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?» -
Вскрикнул Месяц Месяцович.
А Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я её доставил
В три недели во дворец;
А не то меня, отец,
Посадить грозился на кол».
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
«Ах, Иванушка Петрович! -
Молвил Месяц Месяцович. -
Ты принёс такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж мы как горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В тёмном облаке ходила,
Всё грустила да грустила,
Трое суток не спала.
Крошки хлеба не брала,
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру божью не светил:
Всё грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?» -
«Всем бы, кажется, красotka,

Да у ней, кажись, сухотка:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней».
Месяц вскрикнул: «Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том -
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!»
Тут Иван опять сказал:
«Есть ещё к тебе прошение,
То о китовом прощенье...
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперёк его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты...
Он, бедняк, меня прошал,
Чтобы я тебя спрошал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:
«Он за то несёт мученье,
Что без божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет бог с него невзгду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
Тут Иванушка поднялся,
С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,

Трижды в щёки целовал.
«Ну, Иванушка Петрович! -
Молвил Месяц Месяцovich. -
Благодарствую тебя
За сынка и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
«Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится, -
И не старь, с бородой,
А красавец молодой
Поведёт тебя к налю».
Ну, прощай же! Бог с тобою!»
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.

На другой день наш Иван
Вновь пришёл на окиян.
Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
«Что, отцы, моё прощенье?
Получу ль когда прощенье?» -
«Погоди ты, Рыба-кит!» -
Тут конёк ему кричит.

Вот в село он прибегает,
Мужиков к себе сзывает,
Чёрной гривкою трясёт.
И такую речь ведёт:
«Эй, послушайте, миряне,
Православны христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ,

Убирайся вмиг отсюда.

Здесь тотчас случится чудо:

Море сильно закипит,

Повернётся Рыба-кит...»

Тут крестьяне и миряне,

Православны христиане,

Закричали: «Быть бедам!»

И пустились по домам.

Все телеги собирали;

В них, не мешкая, поклали

Всё, что было живота,

И оставили кита.

Утро с полднем повстречалось,

А в селе уж не осталось

Ни одной души живой,

Словно шёл Мамай войной!

Тут конёк на хвост вбегает,

К перьям близко прилегает

И что мочи есть кричит:

«Чудо-юдо Рыба-кит!

Оттого твои мученья,

Что без божия веленья

Проглотил ты средь морей

Три десятка кораблей.

Если дашь ты им свободу,

Снимет бог с тебя невзгоду,

Вмиг все раны заживит,

Долгим веком наградит».

И, окончив речь такую,

Закусил узду стальную,

Понатужился - и вмиг

На далёкий берег прыг.

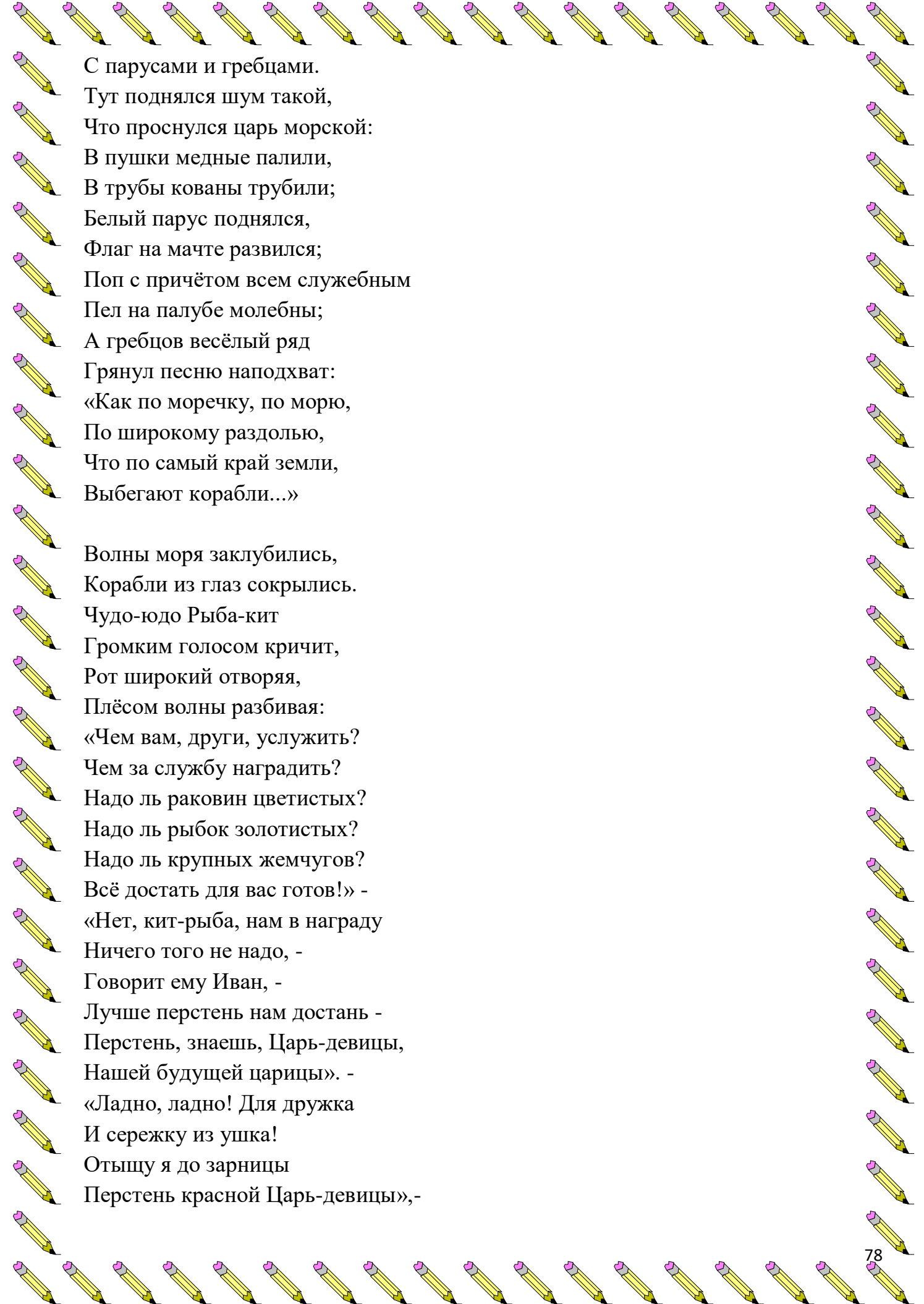
Чудо-кит зашевелился,

Словно холм поворотился,

Начал море волновать,

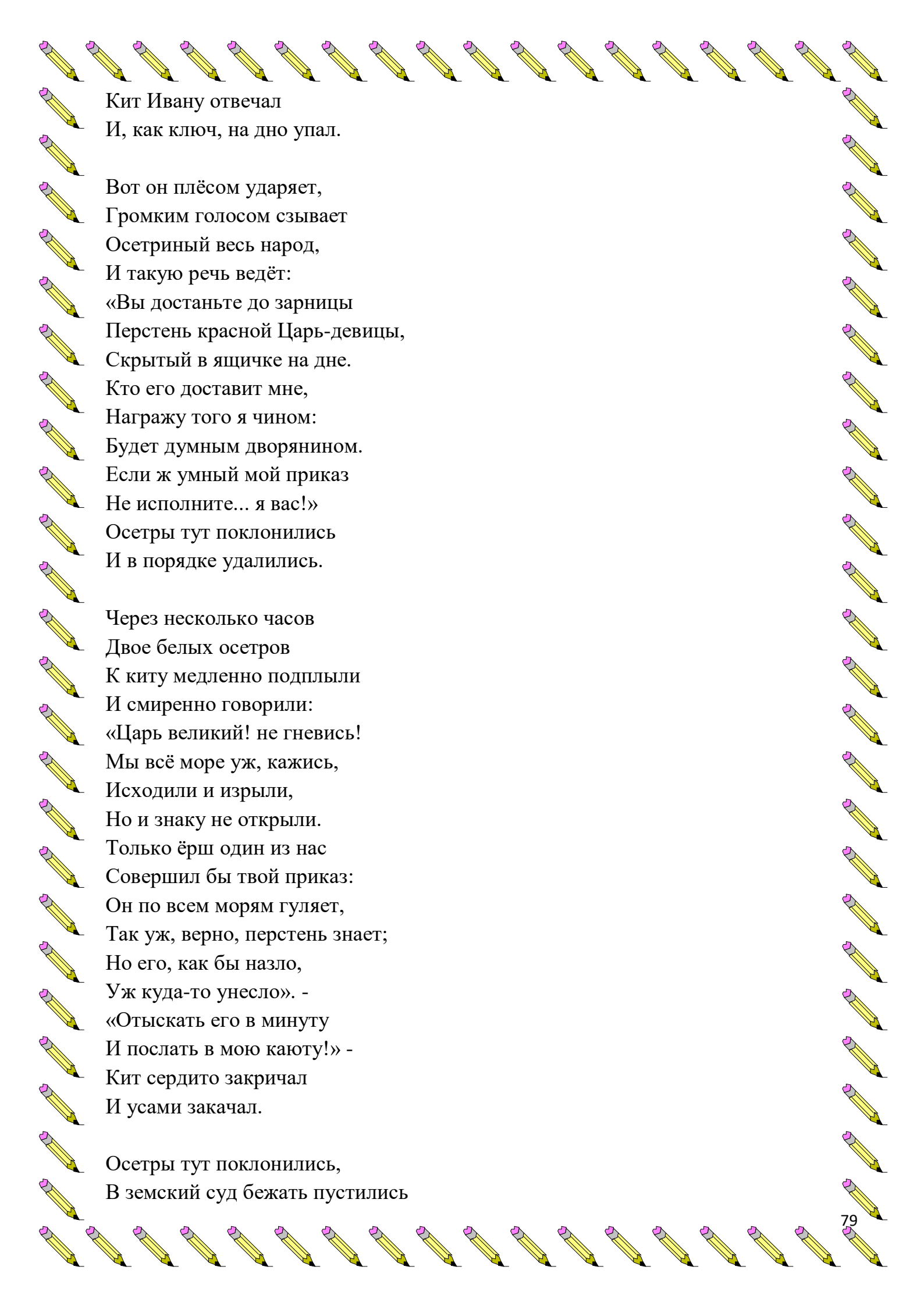
И из челюстей бросать

Корабли за кораблями

С парусами и гребцами.
Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причётом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов весёлый ряд
Грянул песню наподхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...»

Волны моря заclubились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо Рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плёмом волны разбивая:
«Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Всё достать для вас готов!» -
«Нет, кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо, -
Говорит ему Иван, -
Лучше перстень нам достань -
Перстень, знаешь, Царь-девицы,
Нашей будущей царицы». -
«Ладно, ладно! Для дружка
И сережку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы», -

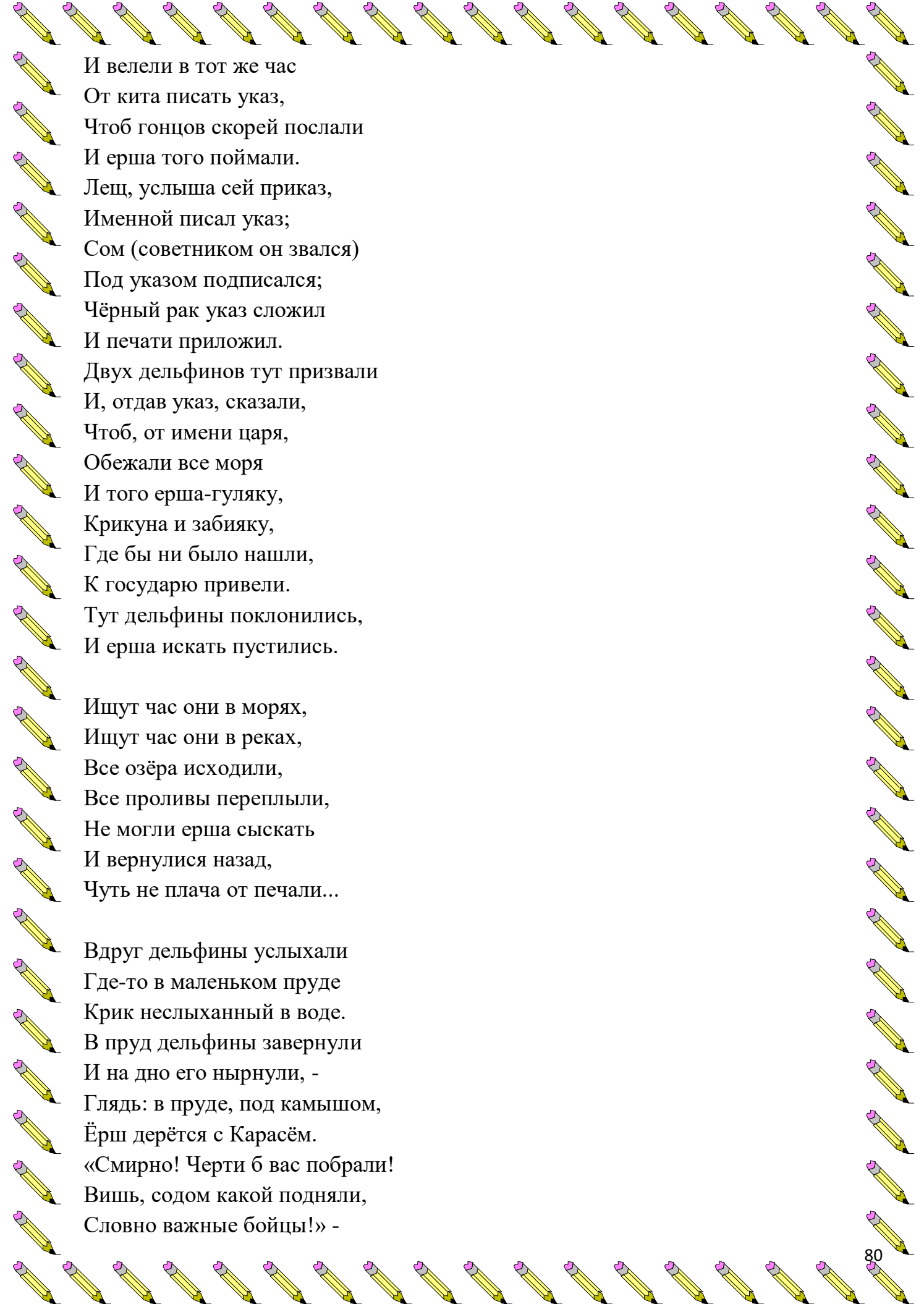

Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.

Вот он плёсом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетриный весь народ,
И такую речь ведёт:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином.
Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!»
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.

Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великий! не гневись!
Мы всё море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.
Только ёрш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло». -
«Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!» -
Кит сердито закричал
И усами закачал.

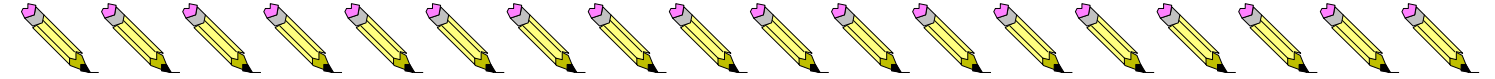
Осетры тут поклонились,
В земский суд бежать пустились

И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Чёрный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб, от имени царя,
Обежали все моря
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились,
И ерша искать пустились.

Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озёра исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...

Вдруг дельфины услышали
Где-то в маленьком пруде
Крик неслыханный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, -
Глядь: в пруде, под камышом,
Ёрш дерётся с Карасём.
«Смирно! Черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!» -

Закричали им гонцы.

«Ну, а вам какое дело? -

Ёрш кричит дельфинам смело. -

Я шутить ведь не люблю,

Разом всех переколю!» -

«Ох ты, вечная гуляка

И крикун и забияка!

Всё бы, дрянь, тебе гулять,

Всё бы драться да кричать.

Дома - нет ведь, не сидится!..

Ну да что с тобой рядиться, -

Вот тебе царёв указ,

Чтоб ты плыл к нему тотчас».

Тут проказника дельфины

Подхватили за щетины

И отправились назад.

Ёрш ну рваться и кричать:

«Будьте милостивые, братцы!

Дайте чуточку подраться.

Распроклятый тот Карась

Поносил меня вчера

При честном при всём собранье

Неподобной разной бранью...»

Долго ёрш ещё кричал,

Наконец и замолчал;

А проказника дельфины

Всё тащили за щетины,

Ничего не говоря,

И явились пред царя.

«Что ты долго не являлся?

Где ты, вражий сын, шатался?»

Кит со гневом закричал.

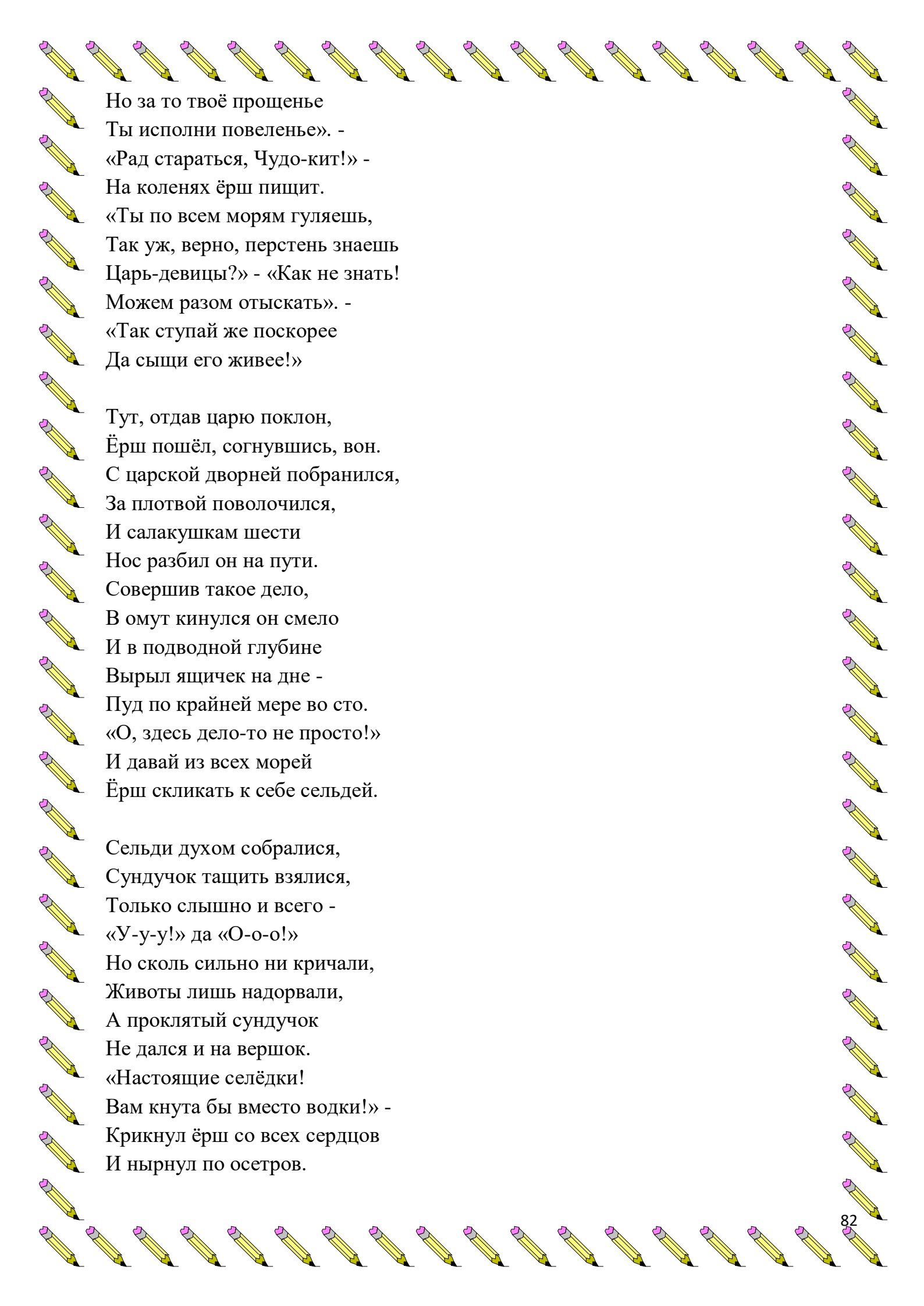
На колени Ёрш упал,

И, признавшись в преступленье,

Он молился о прощенье.

«Ну, уж бог тебя простит! -

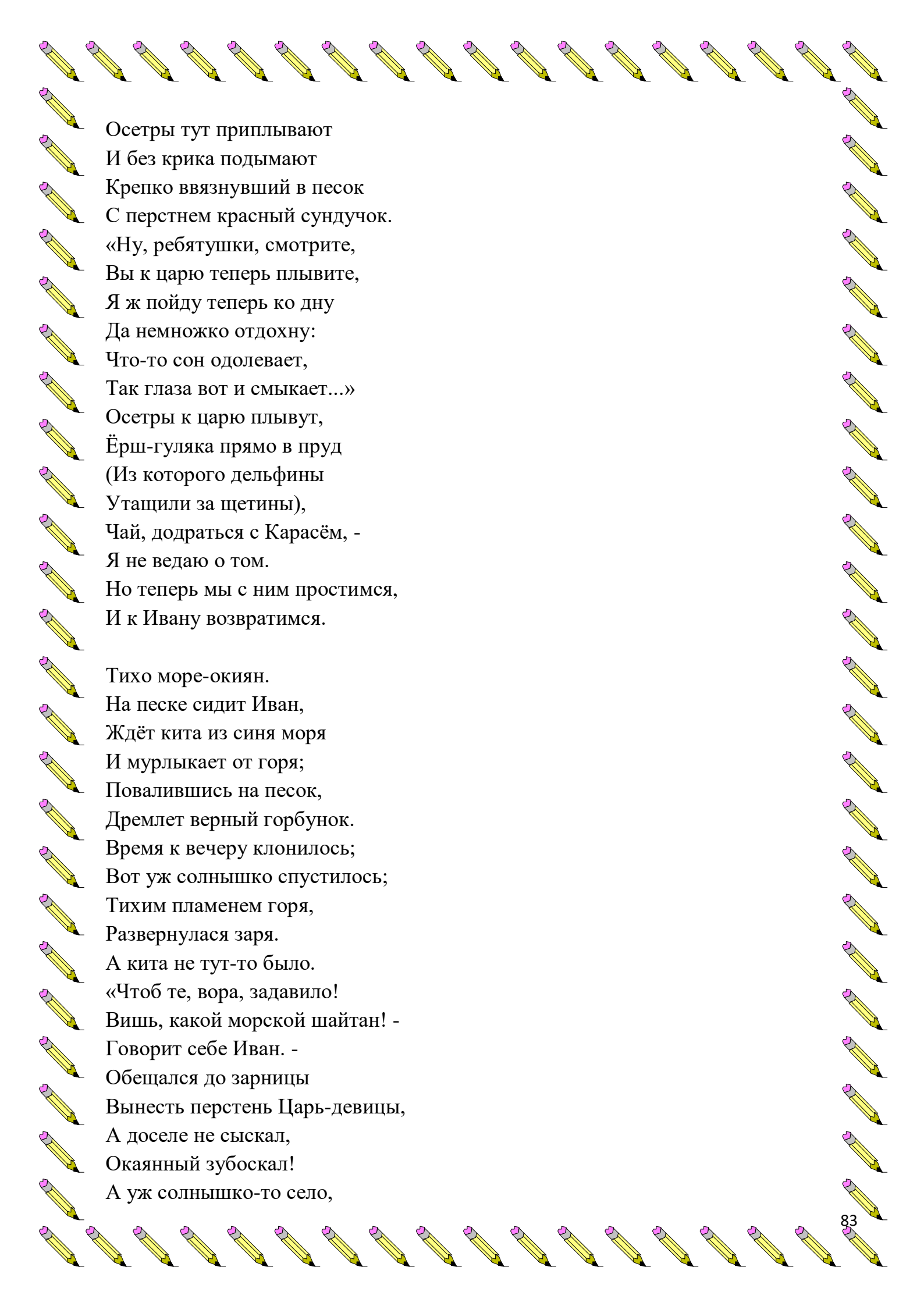
Кит державный говорит. -

Но за то твоё прощенье
Ты исполни повеленье». -
«Рад стараться, Чудо-кит!» -
На коленях ёрш пищит.
«Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?» - «Как не знать!
Можем разом отыскать». -
«Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!»

Тут, отдав царю поклон,
Ёрш пошёл, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился,
И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне -
Пуд по крайней мере во сто.
«О, здесь дело-то не просто!»
И давай из всех морей
Ёрш скликать к себе сельдей.

Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего -
«У-у-у!» да «О-о-о!»
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селёдки!
Вам кнута бы вместо водки!» -
Крикнул ёрш со всех сердец
И нырнул по осетров.

Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
Крепко вязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.

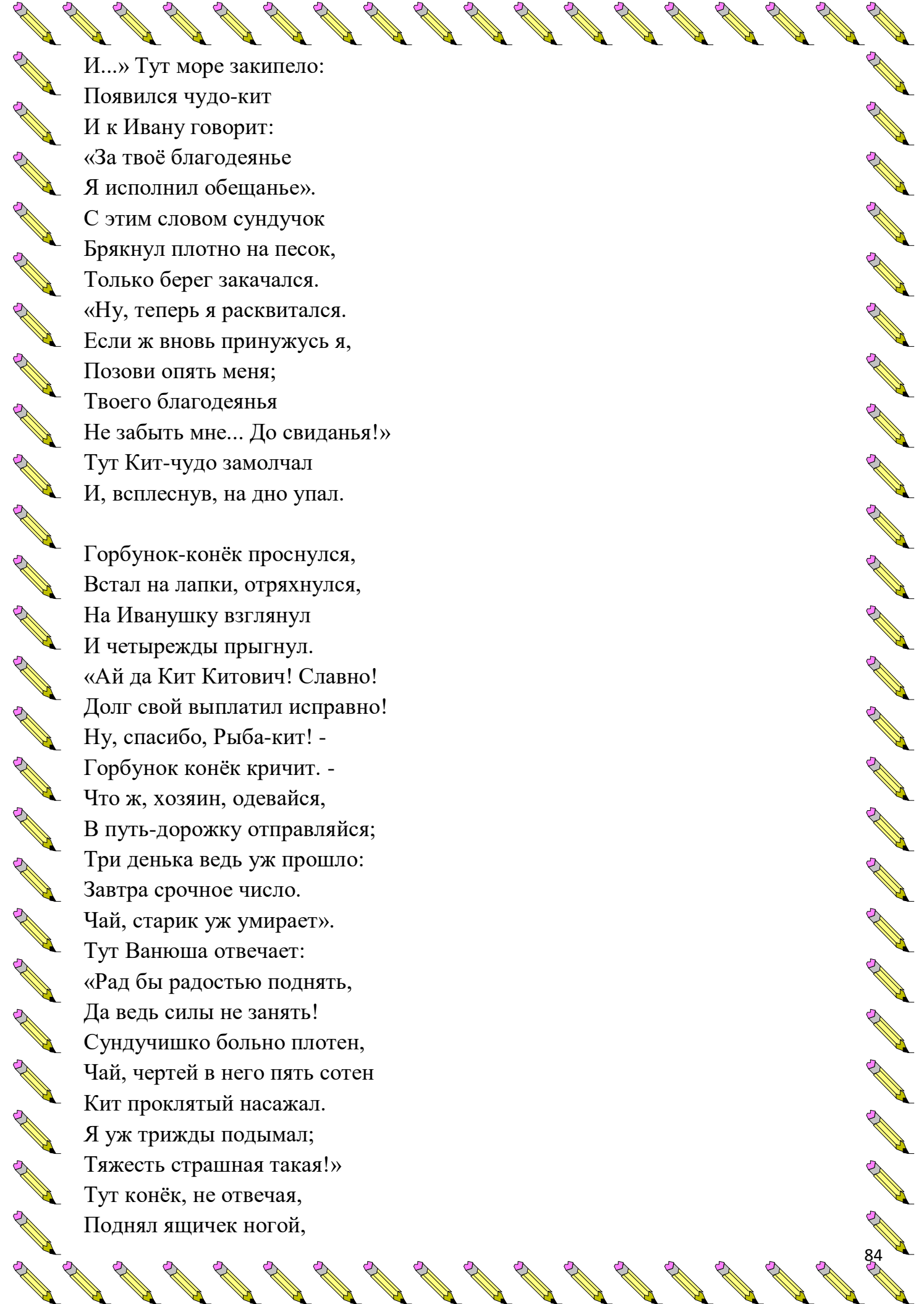
«Ну, ребяташки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает...»

Осетры к царю плывут,
Ёрш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины),
Чай, додраться с Карасём, -
Я не ведаю о том.

Но теперь мы с ним простимся,
И к Ивану возвратимся.

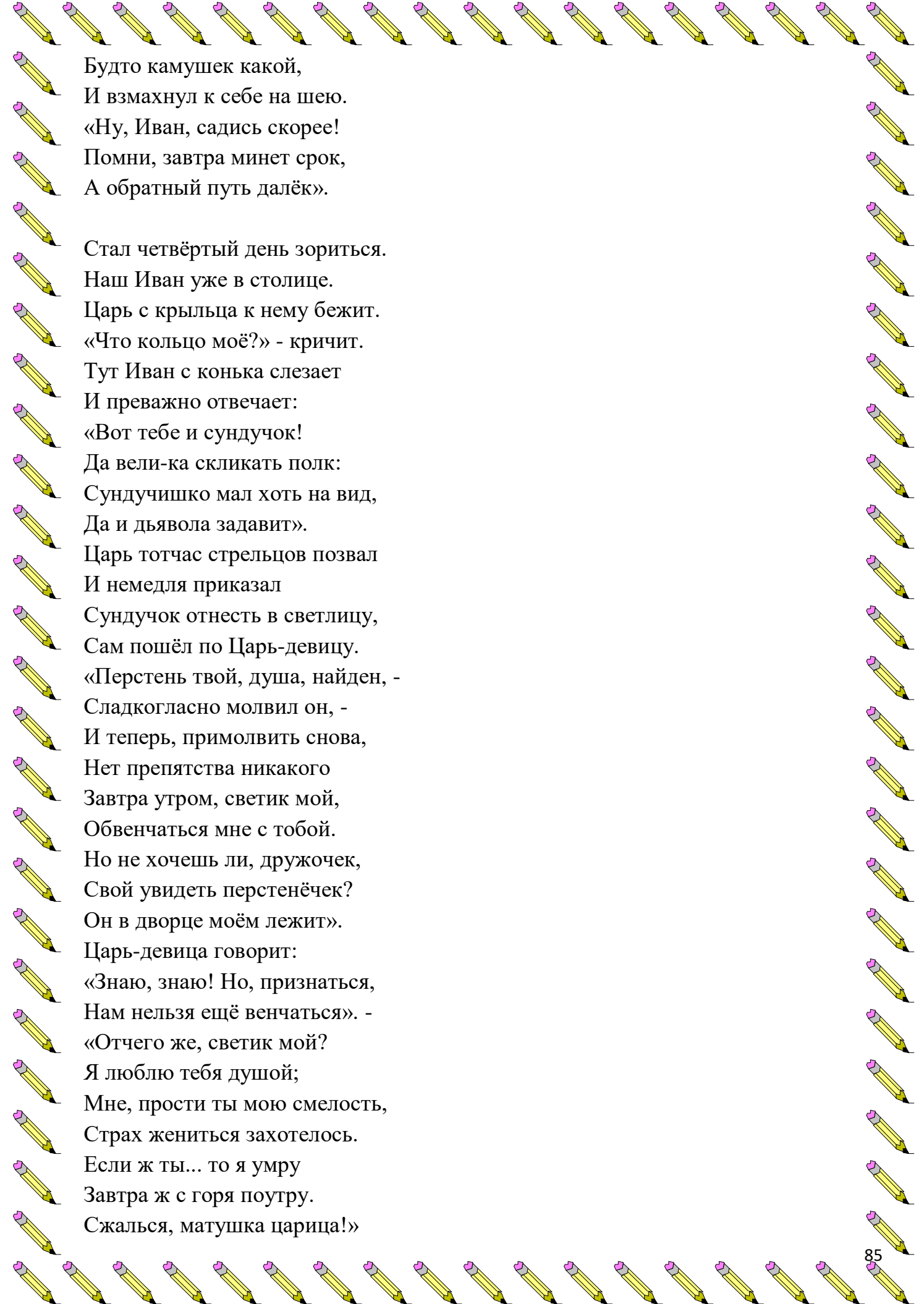
Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждёт кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.

А кита не тут-то было.
«Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан! -
Говорит себе Иван. -
Обещался до зарницы
Вынести перстень Царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,

И...» Тут море закипело:
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твоё благодеянье
Я исполнил обещанье».
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь я,
Позови опять меня;
Твоего благодеянья
Не забыть мне... До свиданья!»
Тут Кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.

Горбунок-конёк проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
«Ай да Кит Китович! Славно!
Долг свой выплатил исправно!
Ну, спасибо, Рыба-кит! -
Горбунок конёк кричит. -
Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька ведь уж прошло:
Завтра срочное число.
Чай, старик уж умирает».
Тут Ванюша отвечает:
«Рад бы радостью поднять,
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды подымал;
Тяжесть страшная такая!»
Тут конёк, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,

Будто камушек какой,
И взмахнул к себе на шею.
«Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далёк».

Стал четвёртый день зориться.
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит.
«Что кольцо моё?» - кричит.
Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:
«Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на вид,
Да и дьявола задавит».

Царь тотчас стрельцов позвал
И немедля приказал
Сундучок отнести в светлицу,
Сам пошёл по Царь-девицу.
«Перстень твой, душа, найден, -
Сладкогласно молвил он, -
И теперь, примолвить снова,
Нет препятствия никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстенёчек?
Он в дворце моём лежит».

Царь-девица говорит:
«Знаю, знаю! Но, признаться,
Нам нельзя ещё венчаться». -
«Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой;
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжался, матушка царица!»

Говорит ему девица:

«Но взгляни-ка, ты ведь сед;

Мне пятнадцать только лет:

Как же можно нам венчаться?

Все цари начнут смеяться,

Дед-то, скажут, внуку взял!»

Царь со гневом закричал:

«Пусть-ка только засмеются -

У меня как раз свернутся:

Все их царства полоню!

Весь их род искореню!»

«Пусть не станут и смеяться,

Всё не можно нам венчаться, -

Не растут зимой цветы:

Я красавица, а ты?..

Чем ты можешь похвалиться?» -

Говорит ему девица.

«Я хоть стар, да я удал! -

Царь царице отвечал. -

Как немножко приберуся,

Хоть кому так покажуся

Разудалым молодцом.

Ну, да что нам нужды в том?

Лишь бы только нам жениться».

Говорит ему девица:

«А такая в том нужда,

Что не выйду никогда

За дурного, за седого,

За беззубого такого!»

Царь в затылке почесал

И, нахмурясь, сказал:

«Что ж мне делать-то, царица?

Страх как хочется жениться;

Ты же, ровно на беду:

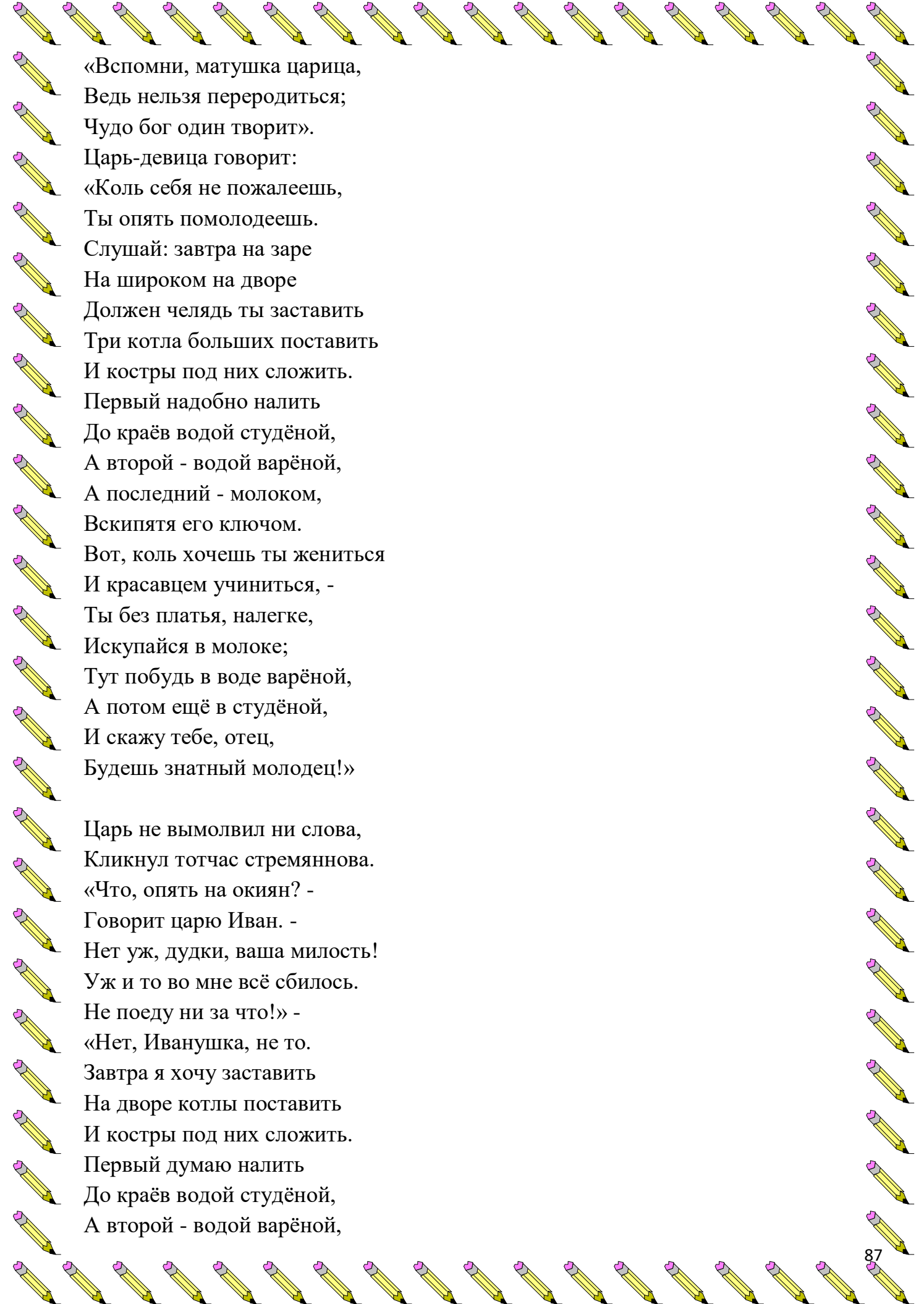
Не пойду да не пойду!» -

«Не пойду я за седова, -

Царь-девица молвит снова. -

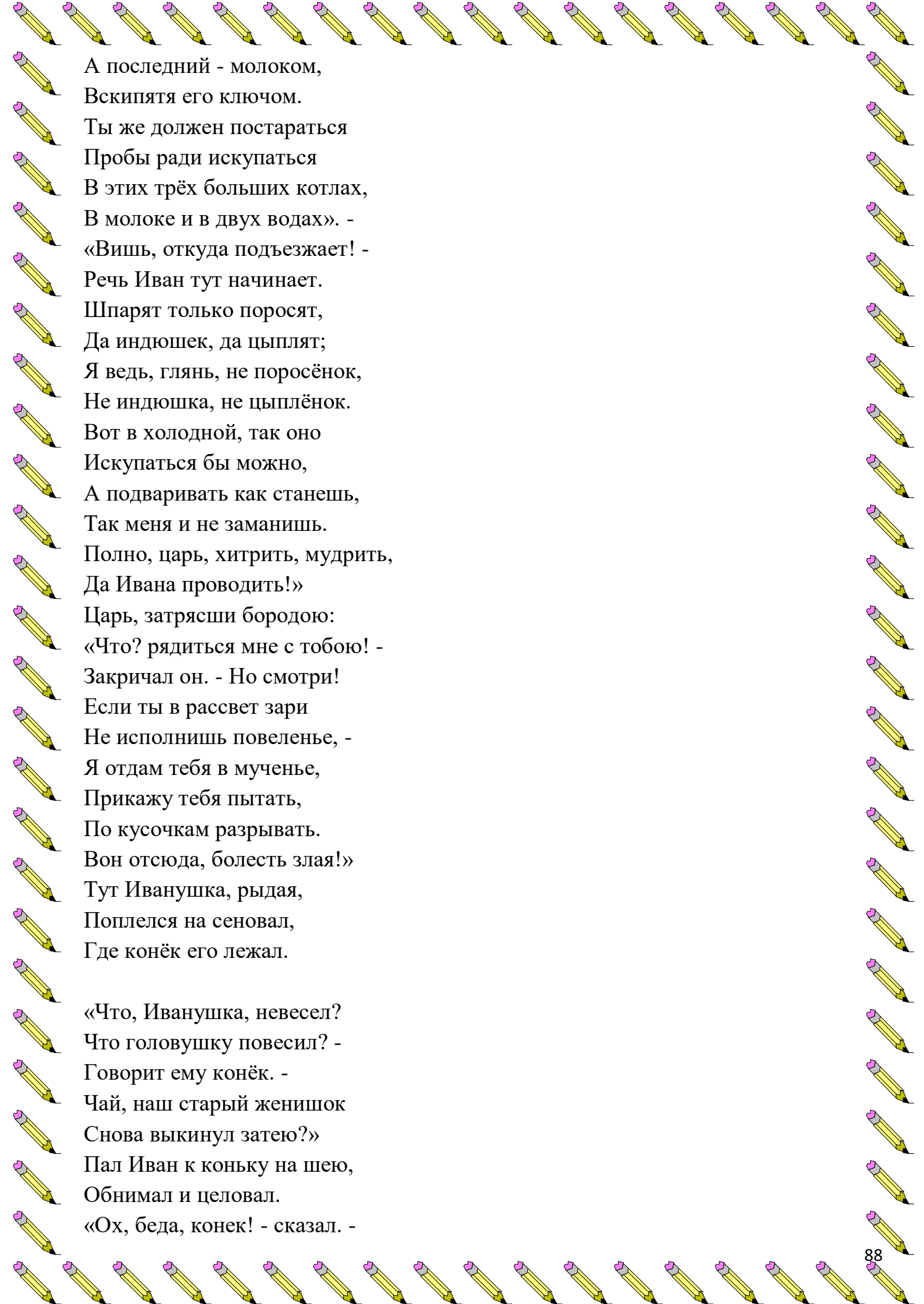
Стань, как прежде, молодец,

Я тотчас же под венец». -

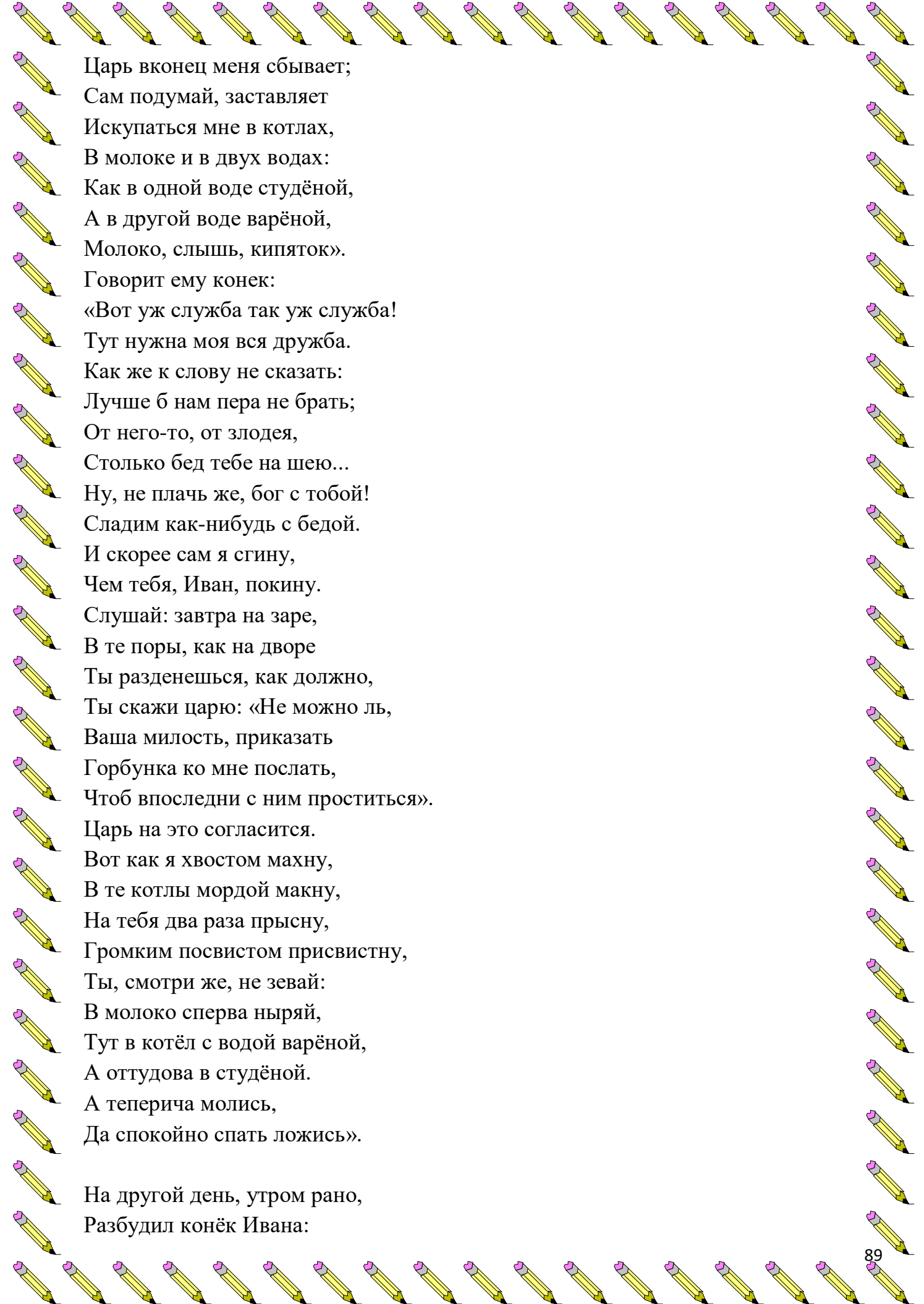
«Вспомни, матушка царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо бог один творит».
Царь-девица говорит:
«Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краёв водой студёной,
А второй - водой варёной,
А последний - молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться, -
Ты без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде варёной,
А потом ещё в студёной,
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.
«Что, опять на окиян? -
Говорит царю Иван. -
Нет уж, дудки, ваша милость!
Уж и то во мне всё сбилось.
Не поеду ни за что!» -
«Нет, Иванушка, не то.
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
До краёв водой студёной,
А второй - водой варёной,

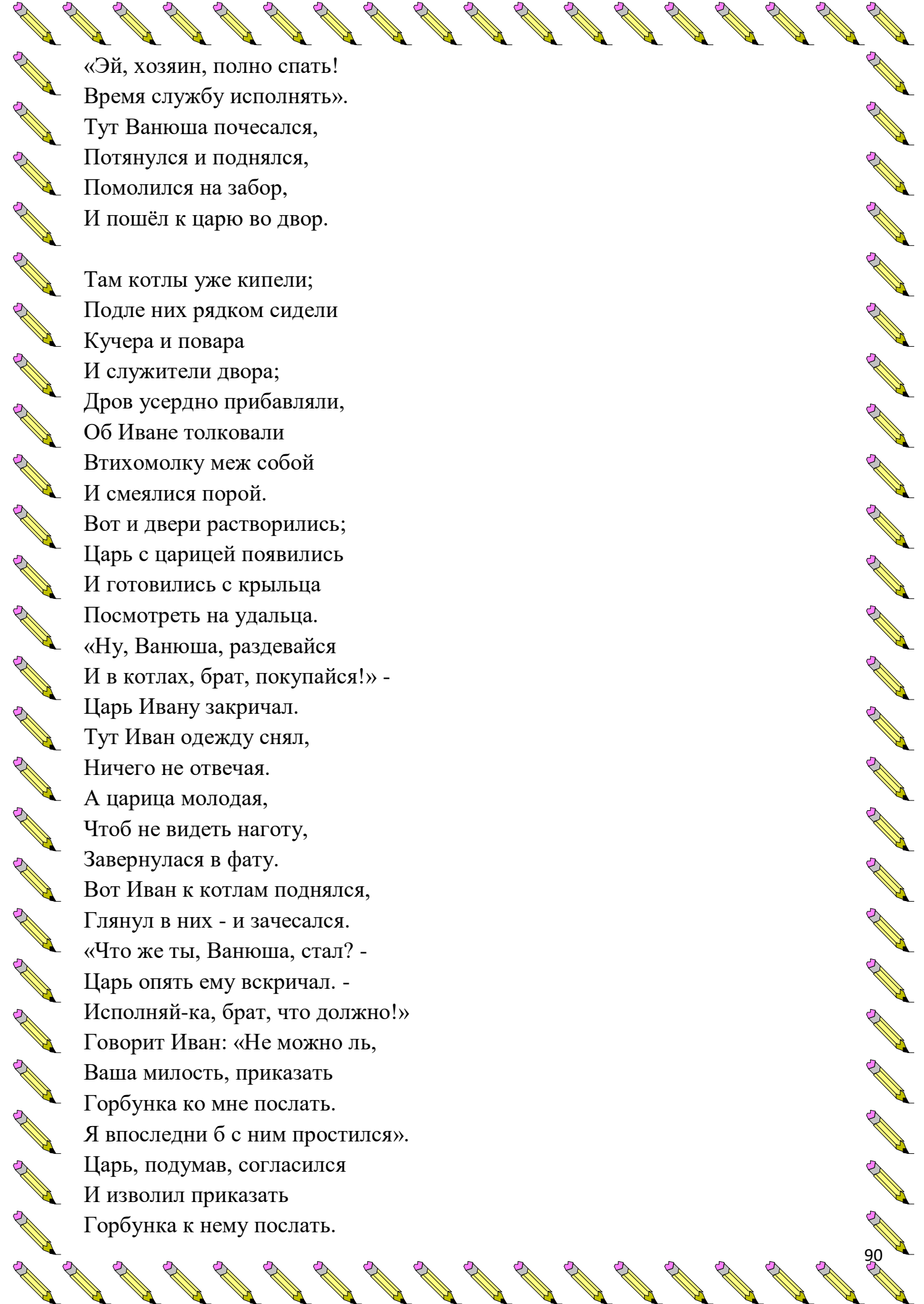

А последний - молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться
Пробы ради искупаться
В этих трёх больших котлах,
В молоке и в двух водах». -
«Вишь, откуда подъезжает! -
Речь Иван тут начинает.
Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросёнок,
Не индюшка, не цыплёнок.
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно,
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить, мудрить,
Да Ивана проводить!»
Царь, затрясши бороною:
«Что? рядиться мне с тобою! -
Закричал он. - Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, -
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда, болесть злая!»
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конёк его лежал.

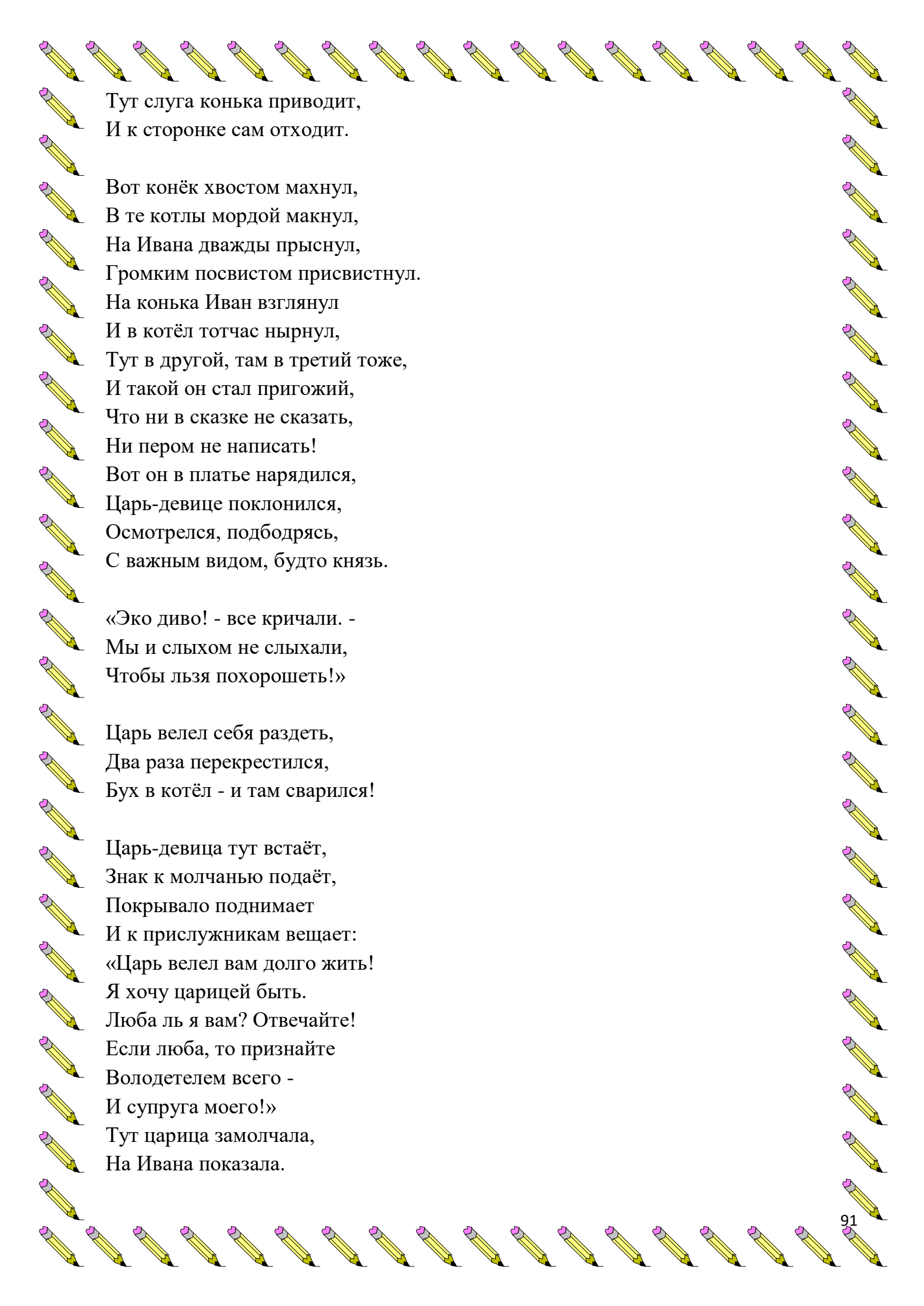
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? -
Говорит ему конёк. -
Чай, наш старый женишок
Снова выкинул затею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! - сказал. -

Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
Искупаться мне в котлах,
В молоке и в двух водах:
Как в одной воде студёной,
А в другой воде варёной,
Молоко, слышь, кипяток».
Говорит ему конек:
«Вот уж служба так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.
Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею...
Ну, не плачь же, бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину.
Слушай: завтра на заре,
В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать,
Чтоб впоследствии с ним проститься».
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котёл с водой варёной,
А оттудова в студёной.
А теперича молись,
Да спокойно спать ложись».
На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:

«Эй, хозяин, полно спать!
Время службу исполнять».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор,
И пошёл к царю во двор.
Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера и повара
И служители двора;
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялись порой.
Вот и двери растворились;
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удальца.
«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!» -
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.
Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них - и зачесался.
«Что же ты, Ванюша, стал? -
Царь опять ему вскричал. -
Исполни-ка, брат, что должно!»
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать.
Я впоследни б с ним простился».
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.

Тут слуга конька приводит,
И к сторонке сам отходит.

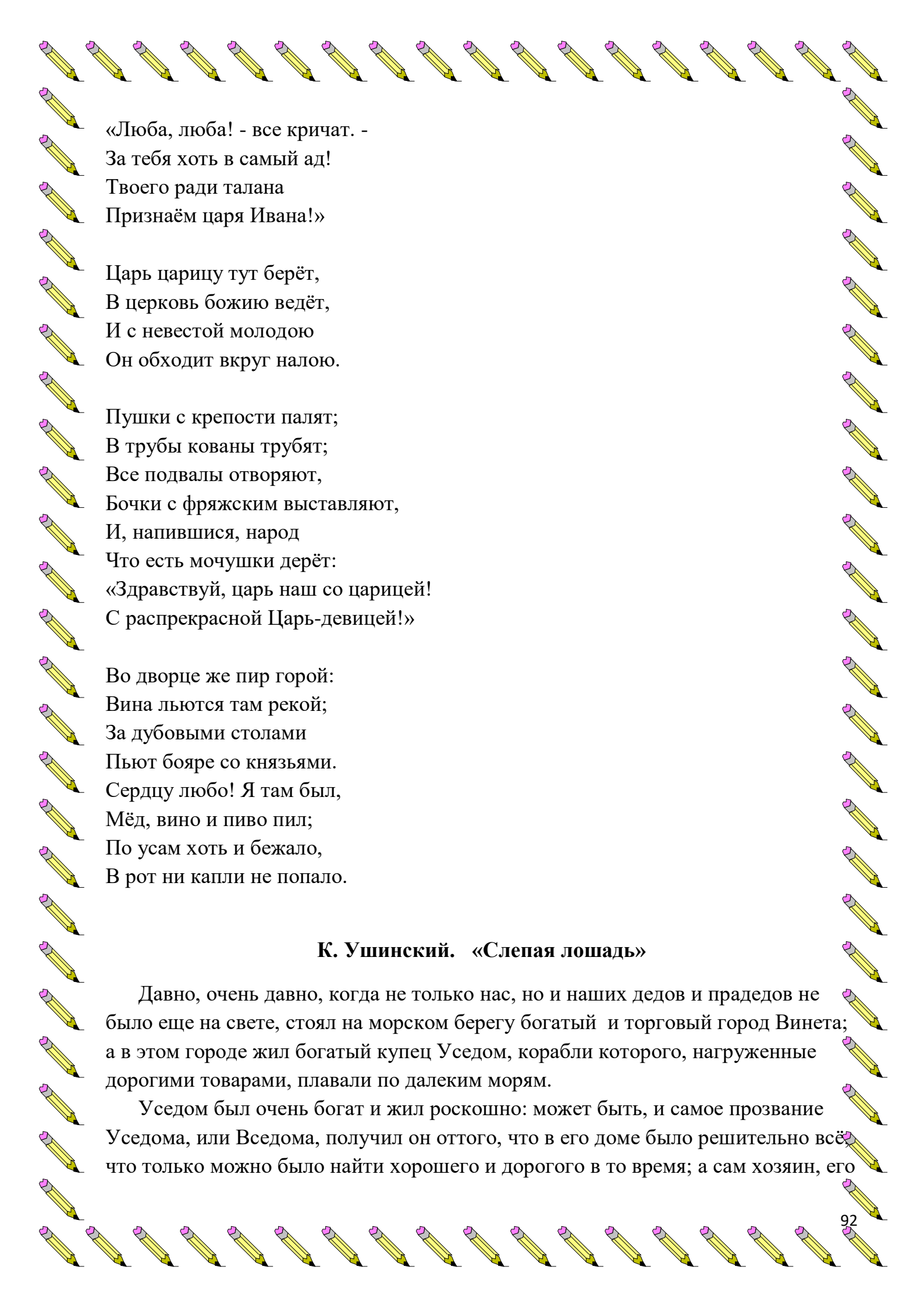
Вот конёк хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул.

На конька Иван взглянул
И в котёл тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.

«Эко диво! - все кричали. -
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы лъзя похорошеть!»

Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,
Бух в котёл - и там сварился!

Царь-девица тут встаёт,
Знак к молчанью подаёт,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если любя, то признайте
Володетелем всего -
И супруга моего!»
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.

«Люба, любя! - все кричат. -
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана
Признаём царя Ивана!»

Царь царицу тут берёт,
В церковь божию ведёт,
И с невестой молодою
Он обходит вокруг налюю.

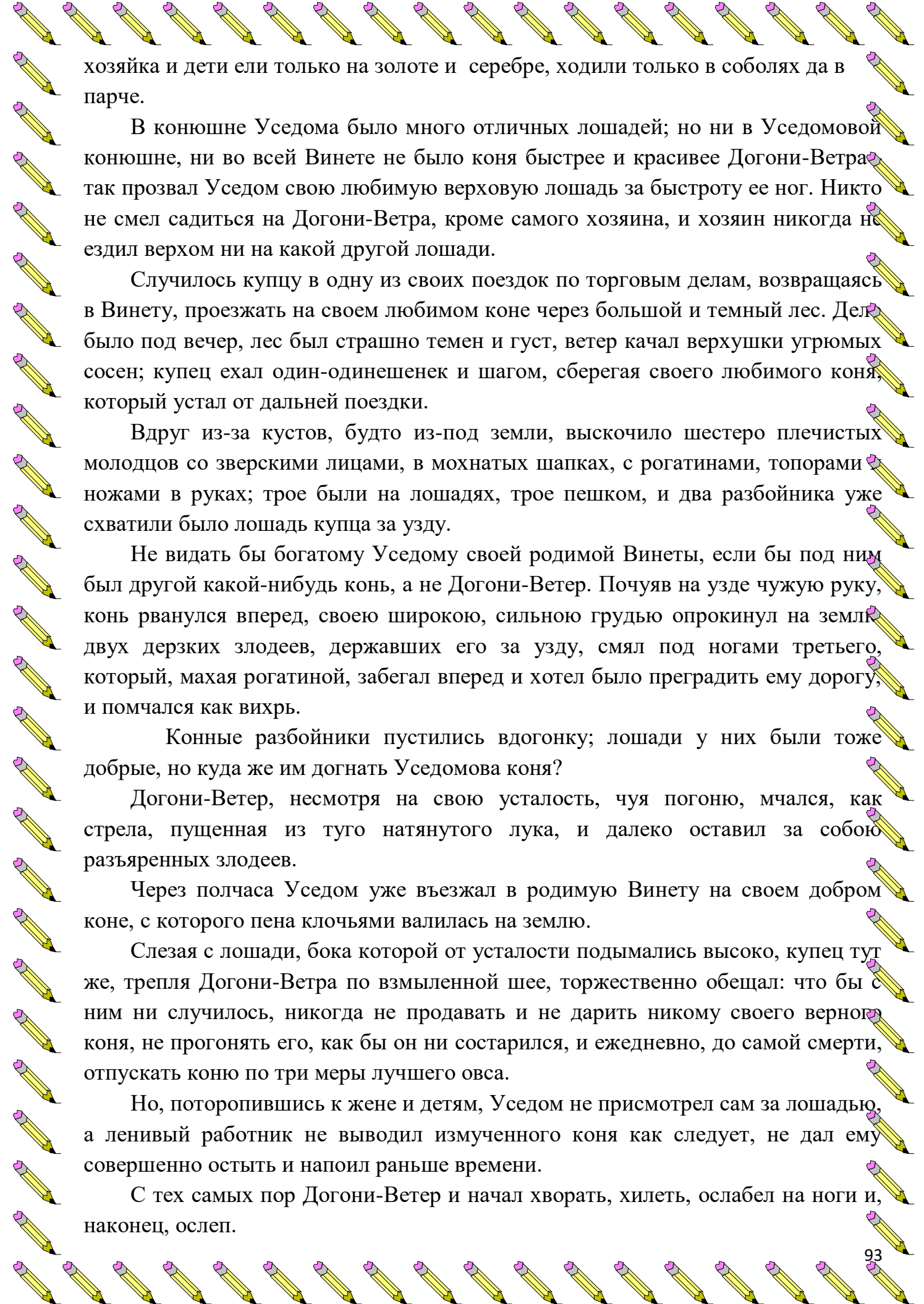
Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским выставляют,
И, напившись, народ
Что есть мочушки дерёт:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!»

Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! Я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

К. Ушинский. «Слепая лошадь»

Давно, очень давно, когда не только нас, но и наших дедов и прадедов не было еще на свете, стоял на морском берегу богатый и торговый город Винета; а в этом городе жил богатый купец Уседом, корабли которого, нагруженные дорогими товарами, плавали по далеким морям.

Уседом был очень богат и жил роскошно: может быть, и самое прозвание Уседома, или Вседома, получил он оттого, что в его доме было решительно всё, что только можно было найти хорошего и дорогого в то время; а сам хозяин, его

хозяйка и дети ели только на золоте и серебре, ходили только в соболях да в парче.

В конюшне Уседома было много отличных лошадей; но ни в Уседомовой конюшне, ни во всей Винете не было коня быстрее и красивее Догони-Ветра так прозвал Уседом свою любимую верховую лошадь за быстроту ее ног. Никто не смел садиться на Догони-Ветра, кроме самого хозяина, и хозяин никогда не ездил верхом ни на какой другой лошади.

Случилось купцу в одну из своих поездок по торговым делам, возвращаясь в Винету, проезжать на своем любимом коне через большой и темный лес. Дело было под вечер, лес был страшно темен и густ, ветер качал верхушки угрюмых сосен; купец ехал один-одинешенек и шагом, сберегая своего любимого коня, который устал от дальней поездки.

Вдруг из-за кустов, будто из-под земли, выскочило шестеро плечистых молодцов со зверскими лицами, в мохнатых шапках, с рогатинами, топорами ножами в руках; трое были на лошадях, трое пешком, и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду.

Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы под ним был другой какой-нибудь конь, а не Догони-Ветер. Почувяв на узде чужую руку, конь рванулся вперед, своею широкою, сильною грудью опрокинул на землю двух дерзких злодеев, державших его за узду, смял под ногами третьего, который, махая рогатиной, забежал вперед и хотел было преградить ему дорогу, и помчался как вихрь.

Конные разбойники пустились вдогонку; лошади у них были тоже добрые, но куда же им догнать Уседомова коня?

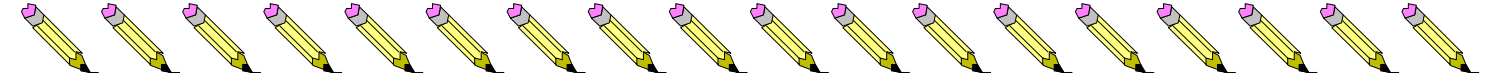
Догони-Ветер, несмотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, как стрела, пущенная из туго натянутого лука, и далеко оставил за собою разъяренных злодеев.

Через полчаса Уседом уже въезжал в родимую Винету на своем добром коне, с которого пена клочьями валилась на землю.

Слезая с лошади, бока которой от усталости подымались высоко, купец тут же, трепля Догони-Ветра по взмыленной шее, торжественно обещал: что бы с ним ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего верного коня, не прогонять его, как бы он ни состарился, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три меры лучшего овса.

Но, поторопившись к жене и детям, Уседом не присмотрел сам за лошадью, а ленивый работник не выводил измученного коня как следует, не дал ему совершенно остыть и напоил раньше времени.

С тех самых пор Догони-Ветер и начал хворать, хилеть, ослабел на ноги и, наконец, ослеп.

Купец очень горевал и с полгода верно соблюдал свое обещание слепой конь стоял по-прежнему на конюшне, и ему ежедневно отпускалось по три меры овса.

Уседом потом купил себе другую верховую лошадь, и через полгода ему показалось слишком нерасчетливо давать слепой, никуда не годной лошади по три меры овса, и он велел отпускать две. Еще прошло полгода; слепой конь был еще молод, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мере. Наконец, и это показалось купцу тяжело, и он велел снять с Догони-Ветра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занимал напрасно места в конюшне. Слепого коня работники выпроводили со двора палкой, так как он упирался и не шел.

Бедный слепой Догони-Ветер, не понимая, что с ним делают, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошел снег, спать на камнях было жестко холодно для бедной слепой лошади. Несколько часов простояла она на одном месте; но, наконец, голод заставил ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая в воздухе, не попадется ли где-нибудь хоть клоч соломы со старой, осунувшейся крыши, брела наудачу слепая лошадь и натыкалась беспрестанно то на угол дома, то на забор.

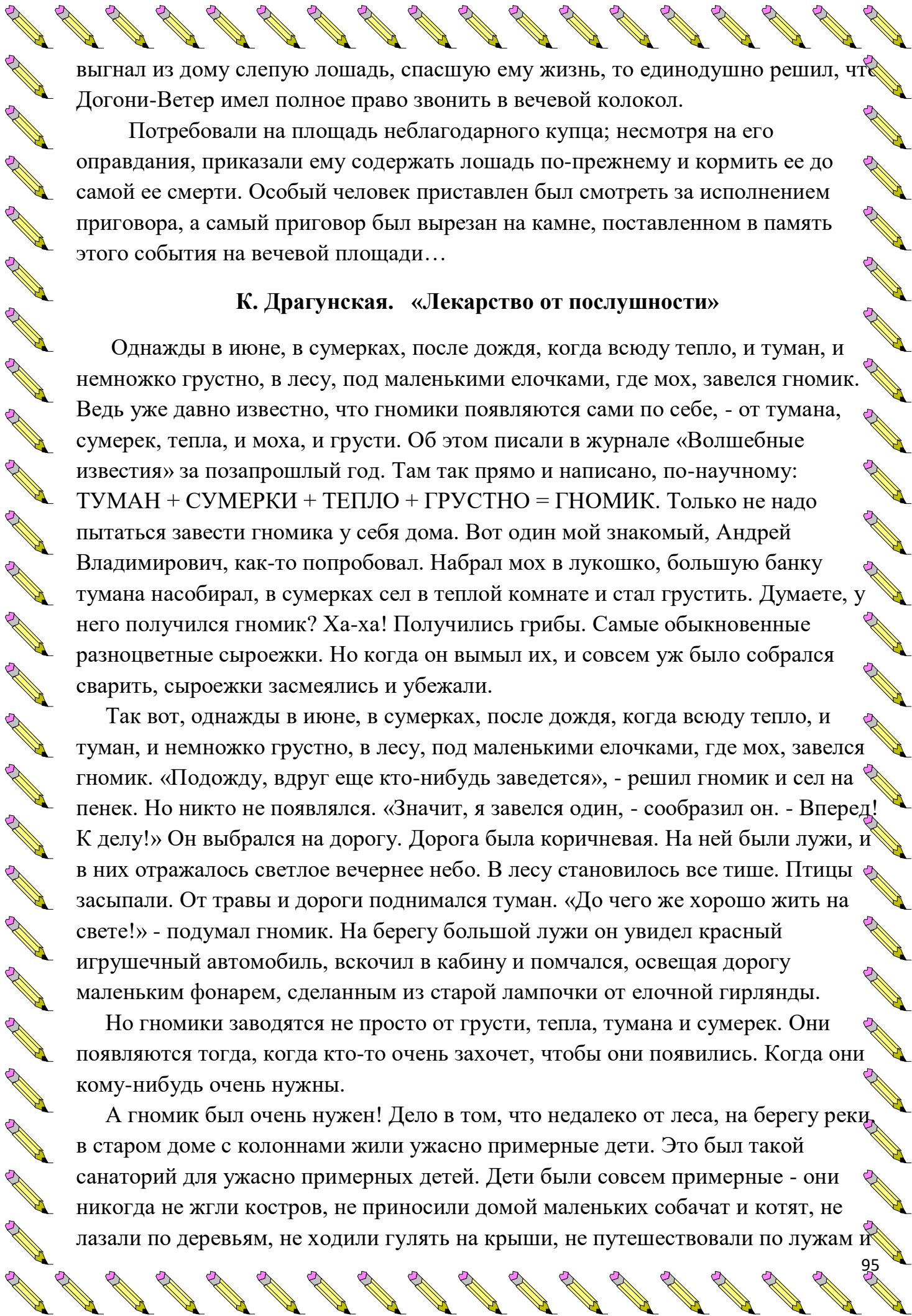
Надобно вам знать, что в Винете, как и во всех старинных славянских городах, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было решать какие-нибудь важные дела. Такое собрание народа для решения его собственных дел, для суда и расправы, называлось вечем. Посреди Винеты, на площади, где собиралось вече, висел на четырех столбах большой вечевой колокол, по звону которого собирался народ и в который мог звонить каждый, кто считал себя обиженным и требовал от народа суда и защиты.

Никто, конечно, не смел звонить в вечевой колокол по пустякам, зная, что за это от народа сильно достанется.

Бродя по площади, слепая, глухая и голодная лошадь случайно набрела на столбы, на которых висел колокол, и, думая, быть может, вытащить из стрехи пучок соломы, схватила зубами за веревку, привязанную к языку колокола, и стала дергать; колокол зазвонил так сильно, что народ, несмотря на то, что было еще рано, толпами стал сбегаться на площадь, желая знать, кто так громко требует его суда и защиты.

Все в Винете знали Догони-Ветра, знали, что он спас жизнь своему хозяину, знали обещание хозяина - и удивились, увидя посреди площади бедного коня, слепого, голодного, дрожащего от стужи, покрытого снегом.

Скоро объяснилось, в чем дело, и когда народ узнал, что богатый Уседом

выгнал из дому слепую лошадь, спасшую ему жизнь, то единодушно решил, что Догони-Ветер имел полное право звонить в вечевой колокол.

Потребовали на площадь неблагодарного купца; несмотря на его оправдания, приказали ему содержать лошадь по-прежнему и кормить ее до самой ее смерти. Особый человек приставлен был смотреть за исполнением приговора, а самый приговор был вырезан на камне, поставленном в память этого события на вечевой площади...

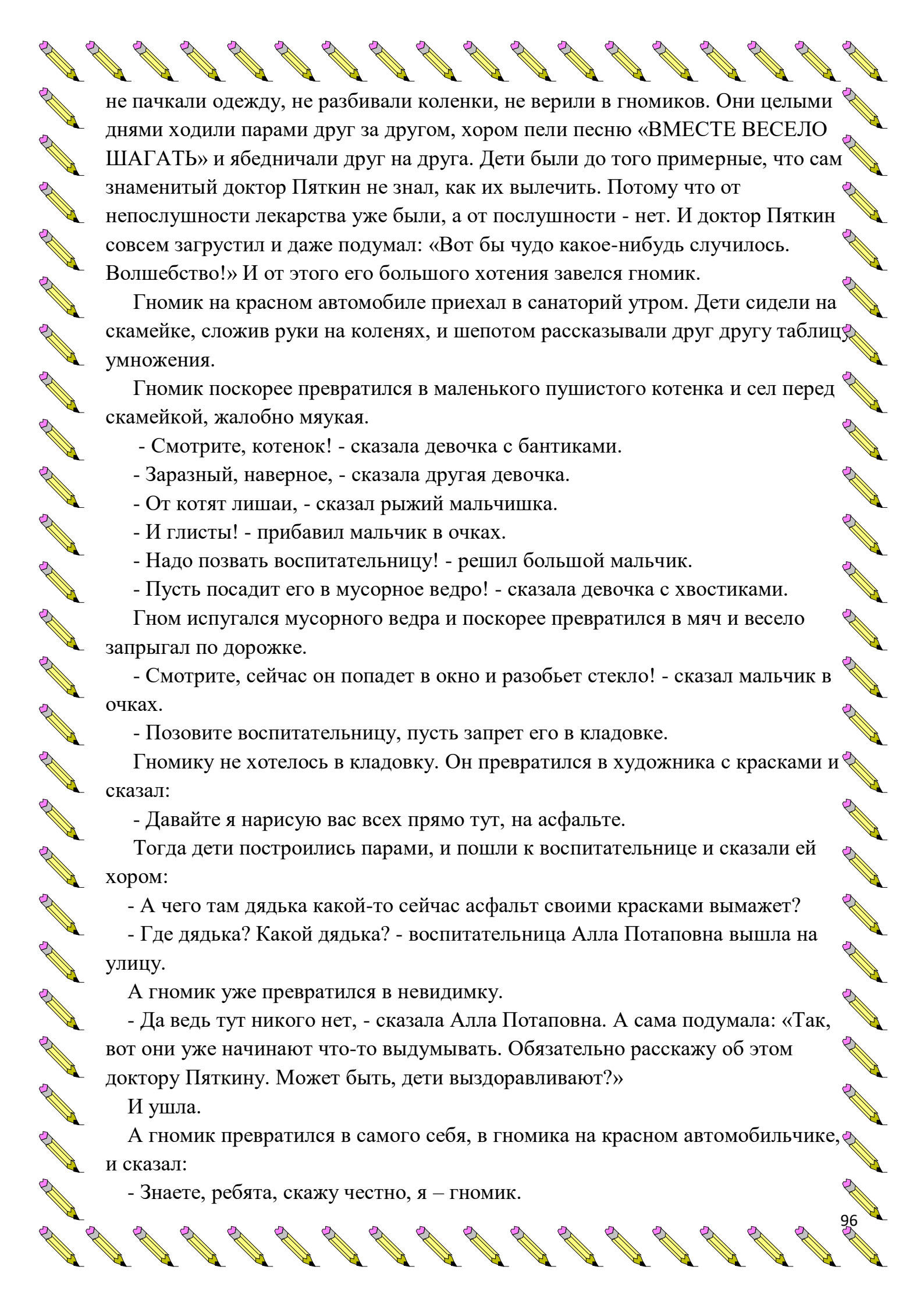
К. Драгунская. «Лекарство от послушности»

Однажды в июне, в сумерках, после дождя, когда всюду тепло, и туман, и немножко грустно, в лесу, под маленькими елочками, где мох, завелся гномик. Ведь уже давно известно, что гномики появляются сами по себе, - от тумана, сумерек, тепла, и моха, и грусти. Об этом писали в журнале «Волшебные известия» за позапрошлый год. Там так прямо и написано, по-научному: ТУМАН + СУМЕРКИ + ТЕПЛО + ГРУСТНО = ГНОМИК. Только не надо пытаться завести гномика у себя дома. Вот один мой знакомый, Андрей Владимирович, как-то попробовал. Набрал мох в лукошко, большую банку тумана насобирал, в сумерках сел в теплой комнате и стал грустить. Думаете, у него получился гномик? Ха-ха! Получились грибы. Самые обыкновенные разноцветные сыроежки. Но когда он вымыл их, и совсем уж было собрался сварить, сыроежки засмеялись и убежали.

Так вот, однажды в июне, в сумерках, после дождя, когда всюду тепло, и туман, и немножко грустно, в лесу, под маленькими елочками, где мох, завелся гномик. «Подожду, вдруг еще кто-нибудь заведется», - решил гномик и сел на пенек. Но никто не появлялся. «Значит, я завелся один, - сообразил он. - Вперед! К делу!» Он выбрался на дорогу. Дорога была коричневая. На ней были лужи, и в них отражалось светлое вечернее небо. В лесу становилось все тише. Птицы засыпали. От травы и дороги поднимался туман. «До чего же хорошо жить на свете!» - подумал гномик. На берегу большой лужи он увидел красный игрушечный автомобиль, вскочил в кабину и помчался, освещая дорогу маленьким фонарем, сделанным из старой лампочки от елочной гирлянды.

Но гномики заводятся не просто от грусти, тепла, тумана и сумерек. Они появляются тогда, когда кто-то очень захочет, чтобы они появились. Когда они кому-нибудь очень нужны.

А гномик был очень нужен! Дело в том, что недалеко от леса, на берегу реки в старом доме с колоннами жили ужасно примерные дети. Это был такой санаторий для ужасно примерных детей. Дети были совсем примерные - они никогда не жгли костров, не приносили домой маленьких собачат и котят, не лазали по деревьям, не ходили гулять на крыши, не путешествовали по лужам и

не пачкали одежду, не разбивали коленки, не верили в гномиков. Они целыми днями ходили парами друг за другом, хором пели песню «ВМЕСТЕ ВЕСЕЛО ШАГАТЬ» и ябедничали друг на друга. Дети были до того примерные, что сам знаменитый доктор Пяткин не знал, как их вылечить. Потому что от непослушности лекарства уже были, а от послушности - нет. И доктор Пяткин совсем загрустил и даже подумал: «Вот бы чудо какое-нибудь случилось. Волшебство!» И от этого его большого хотения завелся гномик.

Гномик на красном автомобиле приехал в санаторий утром. Дети сидели на скамейке, сложив руки на коленях, и шепотом рассказывали друг другу таблицу умножения.

Гномик поскорее превратился в маленького пушистого котенка и сел перед скамейкой, жалобно мяукая.

- Смотрите, котенок! - сказала девочка с бантиками.
- Заразный, наверное, - сказала другая девочка.
- От котят лишай, - сказал рыжий мальчишка.
- И глисты! - прибавил мальчик в очках.
- Надо позвать воспитательницу! - решил большой мальчик.
- Пусть посадит его в мусорное ведро! - сказала девочка с хвостиками.

Гном испугался мусорного ведра и поскорее превратился в мяч и весело запрыгал по дорожке.

- Смотрите, сейчас он попадет в окно и разобьет стекло! - сказал мальчик в очках.

- Позовите воспитательницу, пусть запрет его в кладовке.

Гномику не хотелось в кладовку. Он превратился в художника с красками и сказал:

- Давайте я нарисую вас всех прямо тут, на асфальте.

Тогда дети построились парами, и пошли к воспитательнице и сказали ей хором:

- А чего там дядька какой-то сейчас асфальт своими красками вымажет?

- Где дядька? Какой дядька? - воспитательница Алла Потаповна вышла на улицу.

А гномик уже превратился в невидимку.

- Да ведь тут никого нет, - сказала Алла Потаповна. А сама подумала: «Так, вот они уже начинают что-то выдумывать. Обязательно расскажу об этом доктору Пяткину. Может быть, дети выздоравливают?»

И ушла.

А гномик превратился в самого себя, в гномика на красном автомобильчике, и сказал:

- Знаете, ребята, скажу честно, я – гномик.

- Гномиков не бывает, - хором сказали примерные дети.

И тогда гномик совсем обиделся. Ещё бы не обидеться – ты спешишь на помощь в красном автомобиле, смотришь, слышишь, разговариваешь и превращаешься изо всех сил, а тебе говорят, что тебя не бывает.

«Ну, хорошо же!» - подумал гномик и превратился в дождь.

Дождь немного намочил детей, и они превратились в маленьких лягушат.

- Дети, идите есть клубнику с молоком! – позвала воспитательница Алла Потаповна и вышла на крыльцо.

Но никаких детей не было.

- Куда же они подевались? – удивилась Алла Потаповна. – И откуда столько лягушат?

- Это мы! Это мы! – закричали лягушата и стали подпрыгивать, чтобы Алла Потаповна их получше разглядела.

- Что за шутки? – строго спросила Алла Потаповна и прибавила жалобно: - Дети, перестаньте безобразничать.

Она наклонилась и увидела, что у одного лягушонка веснушки, у другого – очки, а третий – с бантиками.

Она схватилась за голову:

- Кто вам разрешил превращаться в лягушат?! Нет, это не санаторий для примерных детей. Это просто зоопарк для безобразников! Сию минуту превращайтесь обратно!

- Мы не можем! – завопили дети. – Нас заколдовали!

- Не выдумывайте! – рассердилась Алла Потаповна. – Превращайтесь обратно! Считаю до трёх! Раз! Два! Два с половиной! Два и три четверти! Три!

Но никто не превратился.

Алла Потаповна всплеснула руками и побежала звонить доктору Пяткину. А лягушата прыгали парами и хором пели песню «В ТРАВЕ СИДЕЛ КУЗНЕЧИК».

«Так вам и надо!» - сердито подумал гномик. Он превратился в еловую шишку и смотрел на лягушат с высокой-высокой ёлки.

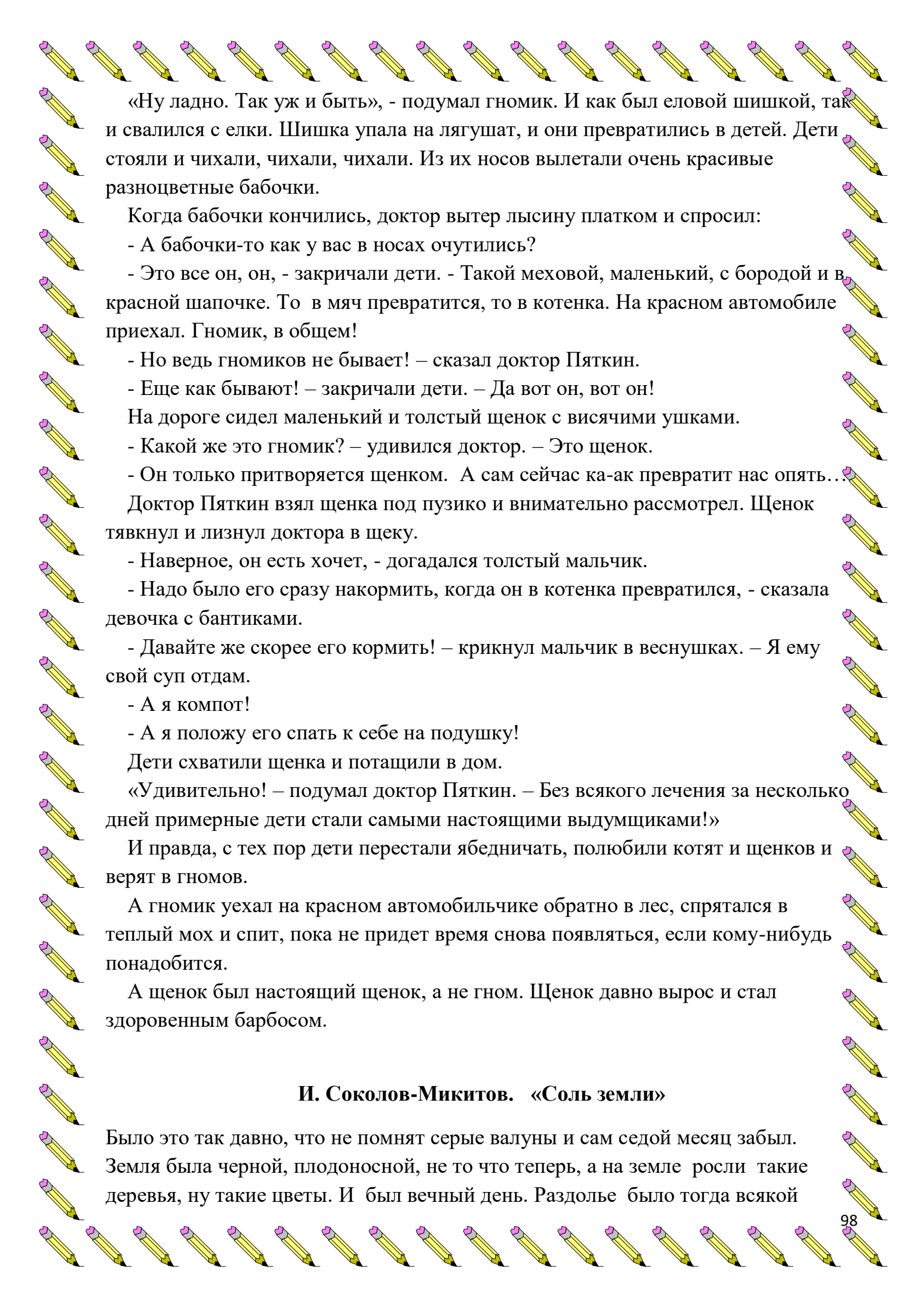
Приехал доктор Пяткин.

- Здравствуйте! – хором закричали лягушата.

Доктор надел очки, наклонился поближе к лягушатам, снял очки и упал в обморок. Но тут же вскочил на ноги и сказал:

- Случай очень сложный! Необходимо посоветоваться с заграничными докторами и знатоками лягушек. Я немедленно увожу лягушат в Америку. Алла Потаповна, вызывайте вертолет!

- Не хотим в Америку! – захныкали лягушата. А один, самый большой и толстый, стал плакать и звать маму.

«Ну ладно. Так уж и быть», - подумал гномик. И как был еловой шишкой, так и свалился с елки. Шишка упала на лягушат, и они превратились в детей. Дети стояли и чихали, чихали, чихали. Из их носов вылетали очень красивые разноцветные бабочки.

Когда бабочки кончились, доктор вытер лысину платком и спросил:

- А бабочки-то как у вас в носах очутились?

- Это все он, он, - закричали дети. - Такой меховой, маленький, с бородой и в красной шапочке. То в мяч превратится, то в котенка. На красном автомобиле приехал. Гномик, в общем!

- Но ведь гномиков не бывает! – сказал доктор Пяткин.

- Еще как бывают! – закричали дети. – Да вот он, вот он!

На дороге сидел маленький и толстый щенок с висячими ушками.

- Какой же это гномик? – удивился доктор. – Это щенок.

- Он только притворяется щенком. А сам сейчас ка-ак превратит нас опять...

Доктор Пяткин взял щенка под пузико и внимательно рассмотрел. Щенок твякнул и лизнул доктора в щеку.

- Наверное, он есть хочет, - догадался толстый мальчик.

- Надо было его сразу накормить, когда он в котенка превратился, - сказала девочка с бантиками.

- Давайте же скорее его кормить! – крикнул мальчик в веснушках. – Я ему свой суп отдам.

- А я компот!

- А я положу его спать к себе на подушку!

Дети схватили щенка и потащили в дом.

«Удивительно! – подумал доктор Пяткин. – Без всякого лечения за несколько дней примерные дети стали самыми настоящими выдумщиками!»

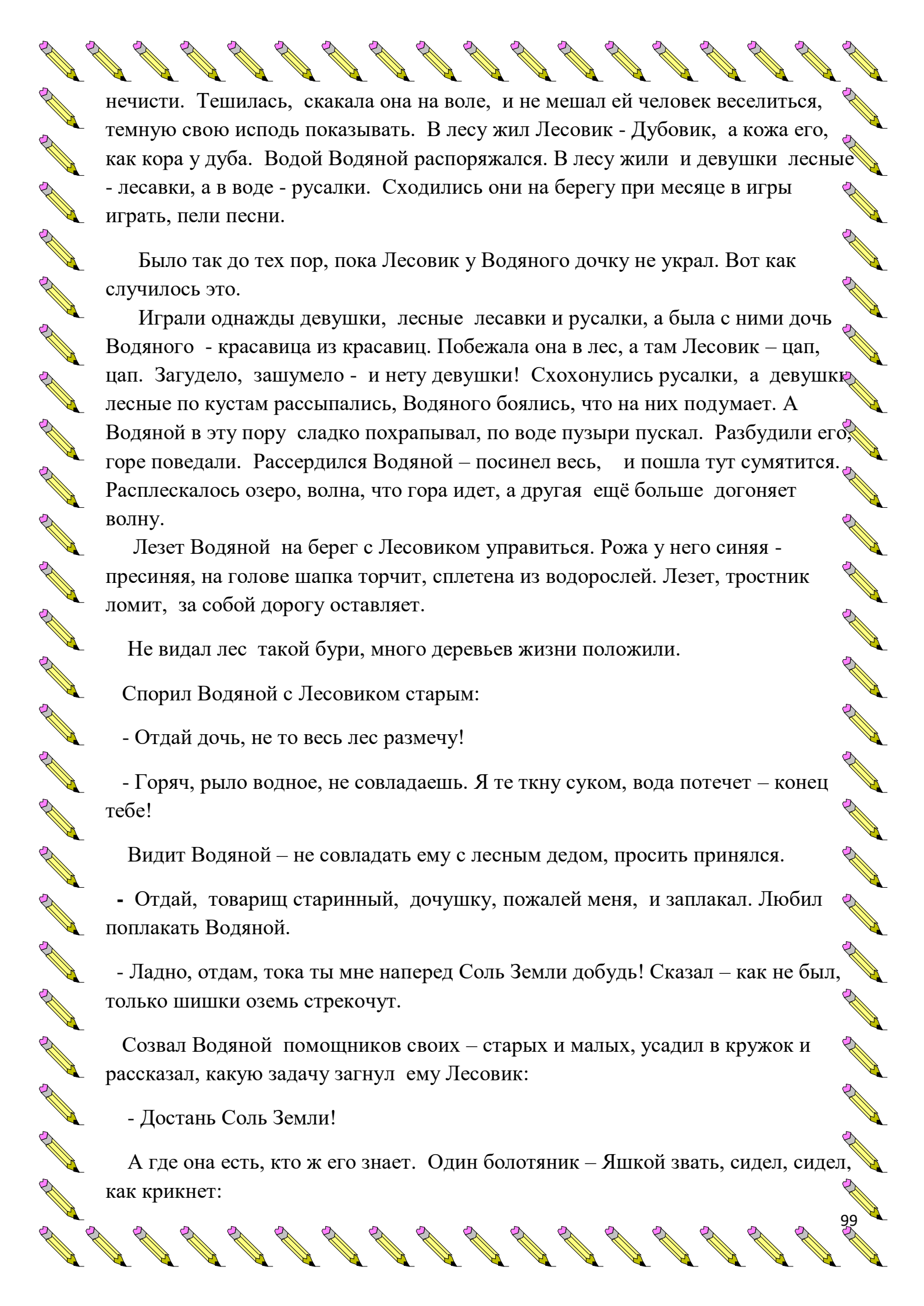
И правда, с тех пор дети перестали ябедничать, полюбили котят и щенков и верят в гномов.

А гномик уехал на красном автомобильчике обратно в лес, спрятался в теплый мох и спит, пока не придет время снова появляться, если кому-нибудь понадобится.

А щенок был настоящий щенок, а не гном. Щенок давно вырос и стал здоровенным барбосом.

И. Соколов-Микитов. «Соль земли»

Было это так давно, что не помнят серые валуны и сам седой месяц забыл. Земля была черной, плодоносной, не то что теперь, а на земле росли такие деревья, ну такие цветы. И был вечный день. Раздолье было тогда всякой

нечисти. Тешилась, скакала она на воле, и не мешал ей человек веселиться, темную свою исподь показывать. В лесу жил Лесовик - Дубовик, а кожа его, как кора у дуба. Водой Водяной распоряжался. В лесу жили и девушки лесные - лесавки, а в воде - русалки. Сходились они на берегу при месяце в игры играть, пели песни.

Было так до тех пор, пока Лесовик у Водяного дочку не украл. Вот как случилось это.

Играли однажды девушки, лесные лесавки и русалки, а была с ними дочь Водяного - красавица из красавиц. Побежала она в лес, а там Лесовик – цап, цап. Загудело, зашумело - и нету девушки! Схохонулись русалки, а девушки лесные по кустам рассыпались, Водяного боялись, что на них подумает. А Водяной в эту пору сладко похрапывал, по воде пузыри пускал. Разбудили его, горе поведали. Рассердился Водяной – посинел весь, и пошла тут сумятица. Расплескалось озеро, волна, что гора идет, а другая ещё больше догоняет волну.

Лезет Водяной на берег с Лесовиком управиться. Рожа у него синяя - пресиняя, на голове шапка торчит, сплетена из водорослей. Лезет, тростник ломит, за собой дорогу оставляет.

Не видал лес такой бури, много деревьев жизни положили.

Спорил Водяной с Лесовиком старым:

- Отдай дочь, не то весь лес размечу!

- Горяч, рыло водное, не совладаешь. Я те ткну суком, вода потечет – конец тебе!

Видит Водяной – не совладать ему с лесным дедом, просить принялся.

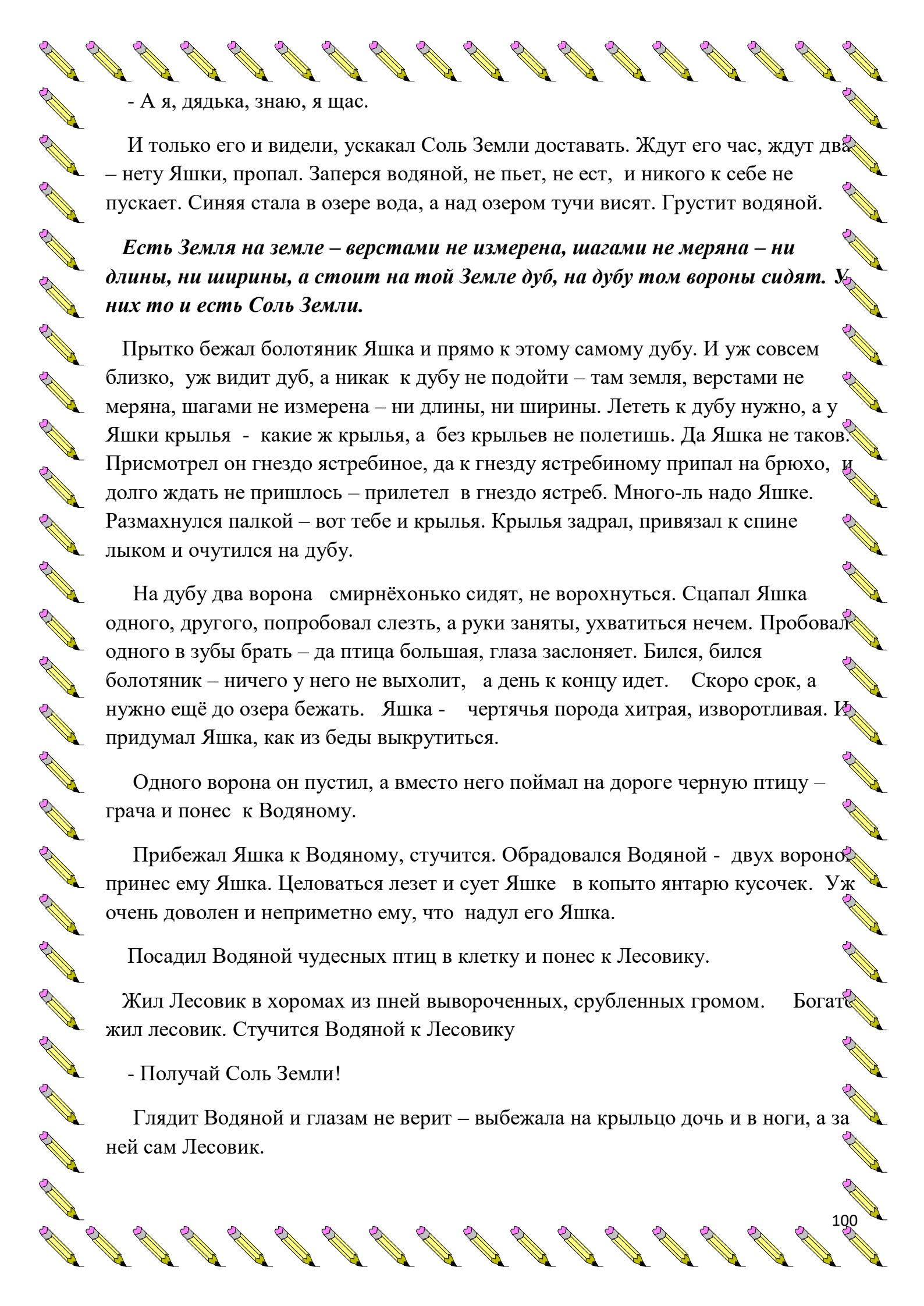
- Отдай, товарищ старинный, дочушку, пожалей меня, и заплакал. Любил поплакать Водяной.

- Ладно, отдам, тока ты мне наперед Соль Земли добудь! Сказал – как не был, только шишки оземь стрекочут.

Созвал Водяной помощников своих – старых и малых, усадил в кружок и рассказал, какую задачу загнул ему Лесовик:

- Достань Соль Земли!

А где она есть, кто ж его знает. Один болотяник – Яшкой звать, сидел, сидел, как крикнет:

- А я, дядька, знаю, я щас.

И только его и видели, ускакал Соль Земли доставать. Ждут его час, ждут два – нету Яшки, пропал. Заперся водяной, не пьет, не ест, и никого к себе не пускает. Синяя стала в озере вода, а над озером тучи висят. Грустит водяной.

Есть Земля на земле – верстами не измерена, шагами не меряна – ни длины, ни ширины, а стоит на той Земле дуб, на дубу том вороны сидят. У них то и есть Соль Земли.

Прытко бежал болотяник Яшка и прямо к этому самому дубу. И уж совсем близко, уж видит дуб, а никак к дубу не подойти – там земля, верстами не меряна, шагами не измерена – ни длины, ни ширины. Лететь к дубу нужно, а у Яшки крылья - какие ж крылья, а без крыльев не полетишь. Да Яшка не таков. Присмотрел он гнездо ястребиное, да к гнезду ястребиному припал на брюхо, и долго ждать не пришлось – прилетел в гнездо ястреб. Много-ль надо Яшке. Размахнулся палкой – вот тебе и крылья. Крылья задрал, привязал к спине лыком и очутился на дубу.

На дубу два ворона смирнѣхонько сидят, не ворохнуться. Сцапал Яшка одного, другого, попробовал слезть, а руки заняты, ухватиться нечем. Пробовал одного в зубы брать – да птица большая, глаза заслоняет. Бился, бился болотяник – ничего у него не выхолит, а день к концу идет. Скоро срок, а нужно ещё до озера бежать. Яшка - чертячья порода хитрая, изворотливая. И придумал Яшка, как из беды выкрутиться.

Одного ворона он пустил, а вместо него поймал на дороге черную птицу – грача и понес к Водяному.

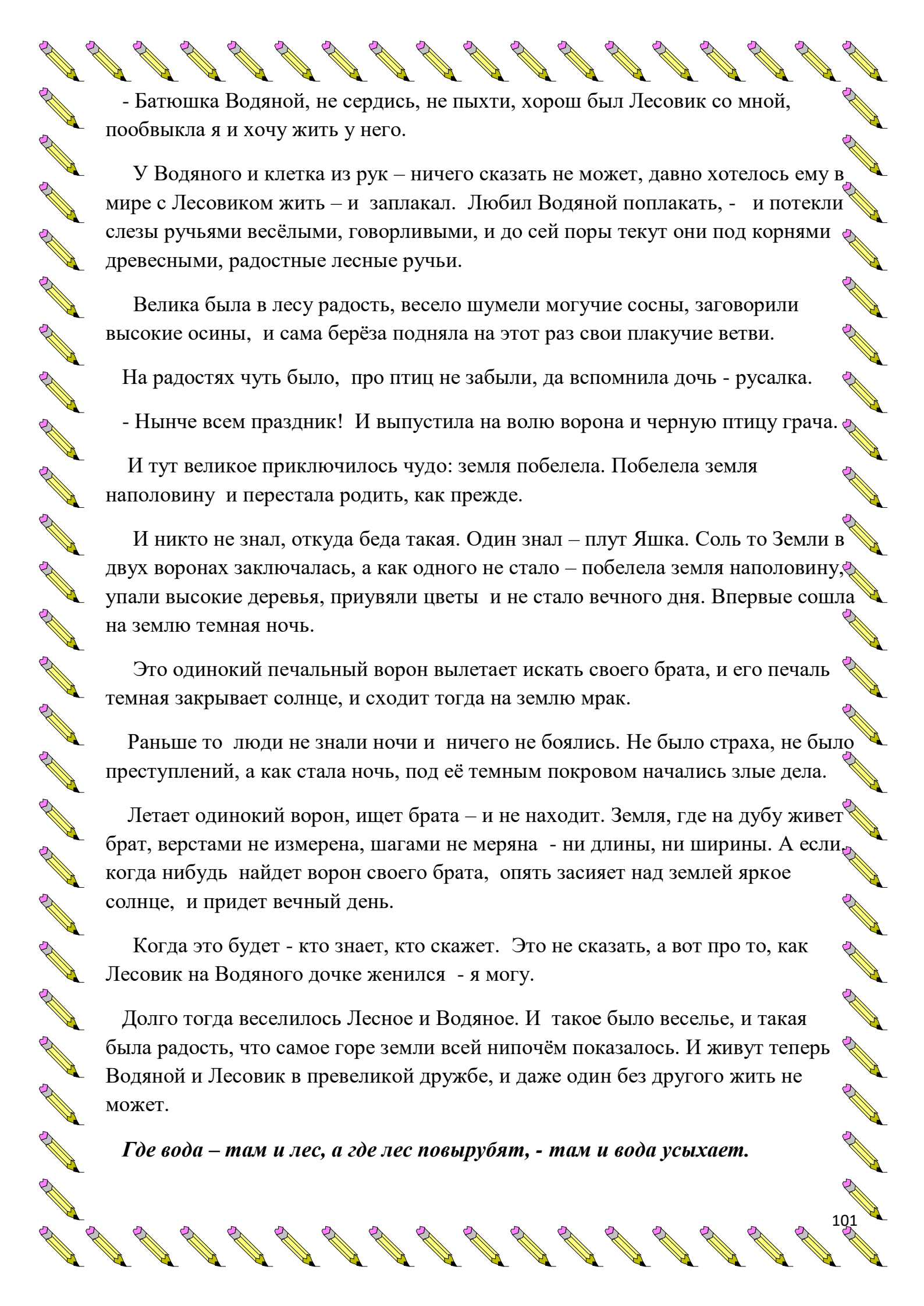
Прибежал Яшка к Водяному, стучится. Обрадовался Водяной - двух воронов принес ему Яшка. Целоваться лезет и сует Яшке в копыто янтарю кусочек. Уж очень доволен и неприметно ему, что надул его Яшка.

Посадил Водяной чудесных птиц в клетку и понес к Лесовику.

Жил Лесовик в хоробах из пней вывороченных, срубленных громом. Богат жил лесовик. Стучится Водяной к Лесовику

- Получай Соль Земли!

Глядит Водяной и глазам не верит – выбежала на крыльцо дочь и в ноги, а за ней сам Лесовик.

- Батюшка Водяной, не сердись, не пыхти, хорош был Лесовик со мной, пообвыкла я и хочу жить у него.

У Водяного и клетка из рук – ничего сказать не может, давно хотелось ему в мире с Лесовиком жить – и заплакал. Любил Водяной поплакать, – и потекли слезы ручьями весёлыми, говорливыми, и до сей поры текут они под корнями древесными, радостные лесные ручьи.

Велика была в лесу радость, весело шумели могучие сосны, заговорили высокие осины, и сама берёза подняла на этот раз свои плакучие ветви.

На радостях чуть было, про птиц не забыли, да вспомнила дочь - русалка.

- Нынче всем праздник! И выпустила на волю ворона и черную птицу грача.

И тут великое приключилось чудо: земля побелела. Побелела земля наполовину и перестала родить, как прежде.

И никто не знал, откуда беда такая. Один знал – плут Яшка. Соль то Земли в двух воронах заключалась, а как одного не стало – побелела земля наполовину, упали высокие деревья, приувяли цветы и не стало вечного дня. Впервые сошла на землю темная ночь.

Это одинокий печальный ворон вылетает искать своего брата, и его печаль темная закрывает солнце, и сходит тогда на землю мрак.

Раньше то люди не знали ночи и ничего не боялись. Не было страха, не было преступлений, а как стала ночь, под её темным покровом начались злые дела.

Летает одинокий ворон, ищет брата – и не находит. Земля, где на дубу живет брат, верстами не измерена, шагами не меряна - ни длины, ни ширины. А если когда нибудь найдет ворон своего брата, опять засияет над землей яркое солнце, и придет вечный день.

Когда это будет - кто знает, кто скажет. Это не сказать, а вот про то, как Лесовик на Водяного дочке женился - я могу.

Долго тогда веселилось Лесное и Водяное. И такое было веселье, и такая была радость, что самое горе земли всей нипочём показалось. И живут теперь Водяной и Лесовик в превеликой дружбе, и даже один без другого жить не может.

Где вода – там и лес, а где лес повырубят, - там и вода усыхает.

Г. Скребицкий. «Всяк по-своему»

Летом в лесу, на полянке, у длинноухой зайчихи родился зайчонок. Родился он не беспомощный, голый, как какие-нибудь мышата или бельчата, совсем нет. Он явился на свет в серой пушистой шёрстке, с открытыми глазками, такой шустрый, самостоятельный, сразу же мог бегать и даже прятаться от врагов в густой траве.

- Ты у меня молодец, - сказала ему зайчиха на зайчином своём языке. - Лежи здесь тихонько под кустиком, никуда не бегай, а если начнёшь бегать, скакать, на земле от твоих лапок следы останутся. Наткнётся на них лиса или волк, сразу тебя по следу найдут и съедят. Ну, будь умник, отдыхай, набирайся побольше сил, а мне нужно побегать, лапки размять.

И зайчиха, сделав большой прыжок, ускакала в лес. С тех пор зайчонка кормила не только родная мать, но и другие зайчихи, те, что случайно забежали на эту полянку. Ведь у зайцев так исстари завелось: наткнётся зайчиха на малыша, ей всё равно, свой ли, чужой, обязательно молоком покормит.

Скоро зайчонок совсем окреп, вырос, начал есть сочную траву и бегать по лесу, знакомиться с его обитателями - птицами и зверьками.

Стояли погожие дни, еды кругом было вволю, а в густой траве, в кустах легко спрятаться от врагов.

Зайчишка жил себе, не тужил. Так, ни о чем, не заботясь, и прожил косою тёплым летом.

* * *

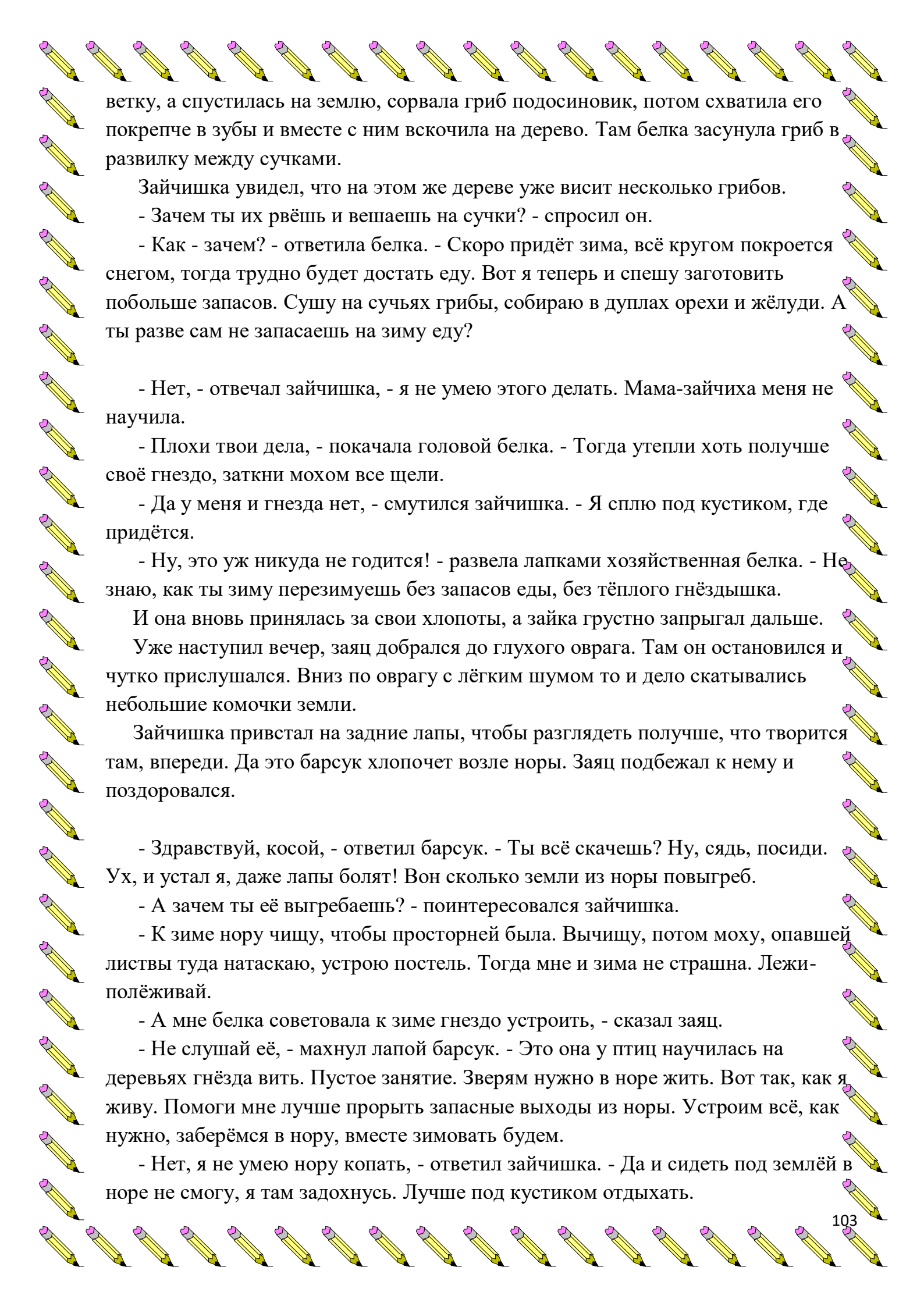
Но вот наступила осень. Захолодало. Пожелтели деревья. Ветер срывал с ветвей увядшие листья и кружил над лесом. Потом листья опускались на землю. Они лежали там беспокойно: всё время возились, перешёптывались между собой. И от этого лес наполнился тревожным шорохом.

Зайчишка почти не мог уснуть. Каждую минуту он настораживался, прислушивался к подозрительным звукам. Ему всё казалось, что это не листья шуршат от ветра, а кто-то страшный подкрадывается к нему из-за кустов.

Заяц и днём часто вскакивал, перебежал с места на место, отыскивал укрытия понадежней. Искал и не находил.

Зато, бегая по лесу, он повидал много нового, интересного, чего раньше летом никогда не видывал. Он заметил, что все его лесные знакомцы - звери и птицы - о чём-то хлопочут, что-то делают.

Однажды он встретил белку, но она не прыгала, как обычно, с ветки на

ветку, а спустилась на землю, сорвала гриб подосиновик, потом схватила его покрепче в зубы и вместе с ним вскочила на дерево. Там белка засунула гриб в развилку между сучками.

Зайчишка увидел, что на этом же дереве уже висит несколько грибов.

- Зачем ты их рвёшь и вешаешь на сучки? - спросил он.

- Как - зачем? - ответила белка. - Скоро придёт зима, всё кругом покроется снегом, тогда трудно будет достать еду. Вот я теперь и спешу заготовить побольше запасов. Сушу на сучьях грибы, собираю в дуплах орехи и жёлуди. А ты разве сам не запасает на зиму еду?

- Нет, - отвечал зайчишка, - я не умею этого делать. Мама-зайчиха меня не научила.

- Плохи твои дела, - покачала головой белка. - Тогда утепли хоть получше своё гнездо, заткни мохом все щели.

- Да у меня и гнезда нет, - смутился зайчишка. - Я сплю под кустиком, где придётся.

- Ну, это уж никуда не годится! - развела лапками хозяйственная белка. - Не знаю, как ты зиму переживаешь без запасов еды, без тёплого гнёздышка.

И она вновь принялась за свои хлопоты, а зайка грустно запрыгал дальше.

Уже наступил вечер, заяц добрался до глухого оврага. Там он остановился и чутко прислушался. Вниз по оврагу с лёгким шумом то и дело скатывались небольшие комочки земли.

Зайчишка привстал на задние лапы, чтобы разглядеть получше, что творится там, впереди. Да это барсук хлопочет возле норы. Заяц подбежал к нему и поздоровался.

- Здравствуй, косой, - ответил барсук. - Ты всё скачешь? Ну, сядь, посиди. Ух, и устал я, даже лапы болят! Вон сколько земли из норы повыгреб.

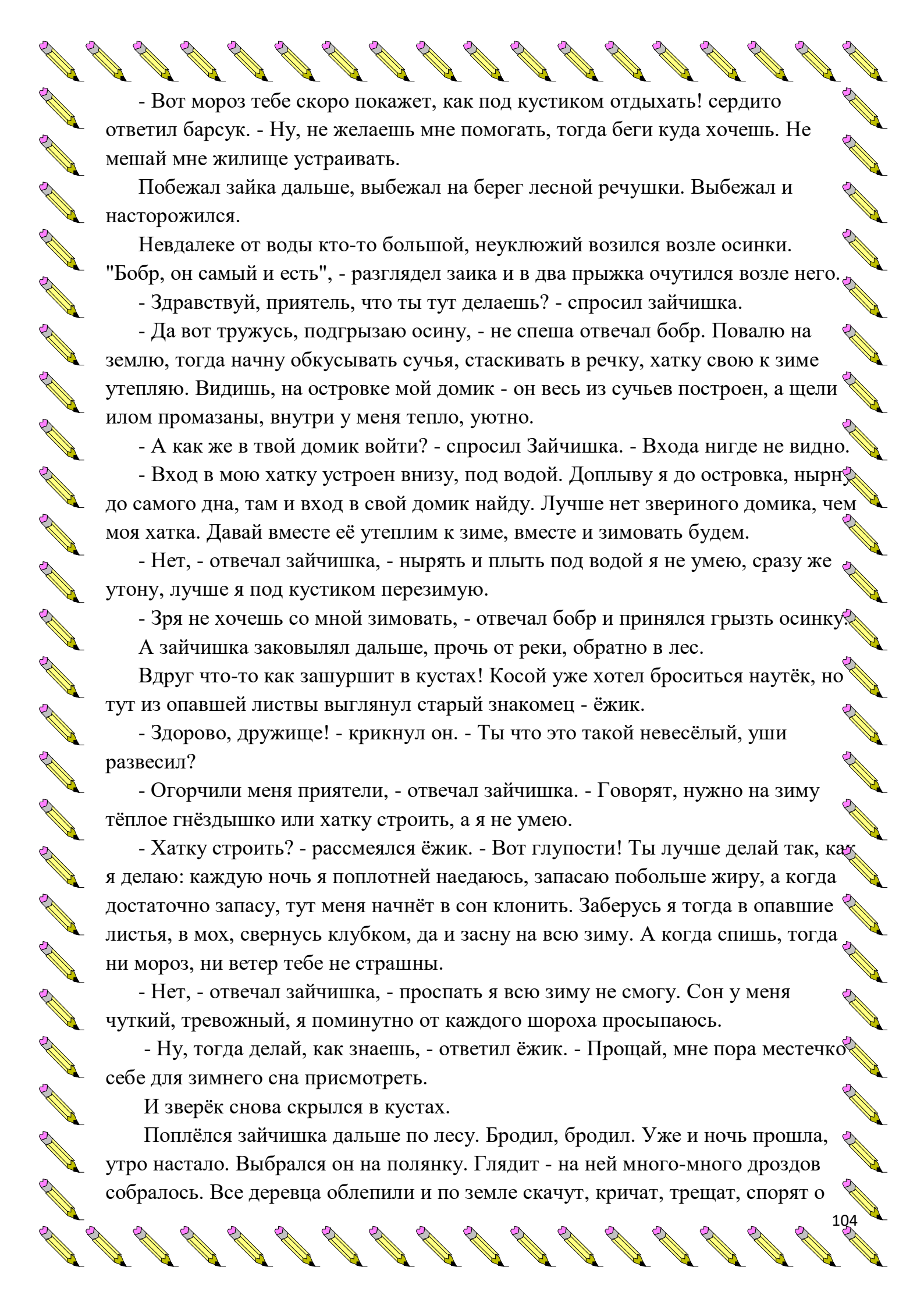
- А зачем ты её выгребаешь? - поинтересовался зайчишка.

- К зиме нору чищу, чтобы просторней была. Вычищу, потом моху, опавшей листвы туда натаскаю, устрою постель. Тогда мне и зима не страшна. Лежи-полёживай.

- А мне белка советовала к зиме гнездо устроить, - сказал заяц.

- Не слушай её, - махнул лапой барсук. - Это она у птиц научилась на деревьях гнёзда вить. Пустое занятие. Зверям нужно в норе жить. Вот так, как я живу. Помоги мне лучше прорыть запасные выходы из норы. Устроим всё, как нужно, заберёмся в нору, вместе зимовать будем.

- Нет, я не умею нору копать, - ответил зайчишка. - Да и сидеть под землёй в норе не смогу, я там задохнусь. Лучше под кустиком отдыхать.

- Вот мороз тебе скоро покажет, как под кустиком отдыхать! сердито ответил барсук. - Ну, не желаешь мне помогать, тогда беги куда хочешь. Не мешай мне жилище устраивать.

Побежал зайка дальше, выбежал на берег лесной речушки. Выбежал и насторожился.

Невдалеке от воды кто-то большой, неуклюжий возился возле осинки. "Бобр, он самый и есть", - разглядел зайка и в два прыжка очутился возле него.

- Здравствуй, приятель, что ты тут делаешь? - спросил зайчишка.

- Да вот тружусь, подгрызаю осину, - не спеша отвечал бобр. Повалю на землю, тогда начну обкусывать сучья, стаскивать в речку, хатку свою к зиме утеплю. Видишь, на островке мой домик - он весь из сучьев построен, а щели илом промазаны, внутри у меня тепло, уютно.

- А как же в твой домик войти? - спросил Зайчишка. - Входа нигде не видно.

- Вход в мою хатку устроен внизу, под водой. Доплыву я до островка, нырну до самого дна, там и вход в свой домик найду. Лучше нет звериного домика, чем моя хатка. Давай вместе её утеплим к зиме, вместе и зимовать будем.

- Нет, - отвечал зайчишка, - нырять и плыть под водой я не умею, сразу же утону, лучше я под кустиком перезимую.

- Зря не хочешь со мной зимовать, - отвечал бобр и принялся грызть осинку.

А зайчишка заковылял дальше, прочь от реки, обратно в лес.

Вдруг что-то как зашуршит в кустах! Косой уже хотел броситься наутёк, но тут из опавшей листвы выглянул старый знакомец - ёжик.

- Здорово, дружище! - крикнул он. - Ты что это такой невесёлый, уши развесил?

- Огорчили меня приятели, - отвечал зайчишка. - Говорят, нужно на зиму тёплое гнёздышко или хатку строить, а я не умею.

- Хатку строить? - рассмеялся ёжик. - Вот глупости! Ты лучше делай так, как я делаю: каждую ночь я поплотней наедаюсь, запасая побольше жиру, а когда достаточно запаса, тут меня начнёт в сон клонить. Заберусь я тогда в опавшие листья, в мох, свернусь клубком, да и засну на всю зиму. А когда спишь, тогда ни мороз, ни ветер тебе не страшны.

- Нет, - отвечал зайчишка, - проспать я всю зиму не смогу. Сон у меня чуткий, тревожный, я поминутно от каждого шороха просыпаюсь.

- Ну, тогда делай, как знаешь, - ответил ёжик. - Прощай, мне пора местечко себе для зимнего сна присмотреть.

И зверёк снова скрылся в кустах.

Поплёлся зайчишка дальше по лесу. Бродил, бродил. Уже и ночь прошла, утро настало. Выбрался он на полянку. Глядит - на ней много-много дроздов собралось. Все деревца облепили и по земле скачут, кричат, трещат, спорят о

чём-то.

- О чём вы спорите? - спросил зайчишка дрозда, который сидел к нему поближе.

- Да вот обсуждаем, когда нам лететь отсюда на зиму в тёплые страны.

- А разве в нашем лесу вы зимовать не останетесь?

- Что ты, что ты! - удивился дрозд. - Зимой выпадет снег, укроет всю землю и ветви деревьев. Где же тогда еду раздобыть? Летим с нами на юг, там зимою тепло и всякой еды вволю.

- Ты разве не видишь, у меня и крыльев нет, - грустно ответил заяц. - Я ведь зверёк, а не птица. Звери летать не умеют.

- Вот и неправда, - возразил дрозд. - Летучие мыши тоже зверьки, а летают не хуже нас, птиц. Они уже улетели на юг, в тёплые страны.

Зайчишка ничего не ответил дрозду, махнул только лапкой, да и побежал прочь.

"Как же я зимовать буду? - тревожно думал он. - Все звери и птицы каждый по своему к зиме готовятся. А у меня нет ни тёплого гнёздышка, ни запасов еды и лететь на юг я не сумею. Наверное, мне придётся умереть от голода и холода".

* * *

Прошёл ещё месяц. Кусты и деревья сбросили последние листья. Наступила пора дождей, холодов. Лес сделался хмурым, унылым. Большинство птиц улетело в тёплые страны. Звери попрятались в норы, в гнёзда, в логовища. Невесело было зайчишке в пустом лесу, да к тому же с ним приключилась беда: заяц вдруг заметил, что шкурка на нём начала белеть. Летняя, серая шерсть сменялась новой - пушистой, тёплой, но зато совсем белой. Сперва побелели задние ноги, бока, потом спинка и, наконец, голова. Только кончики ушей остались чёрными.

"Как же мне теперь от врагов прятаться? - с ужасом думал заяц. В белой шубе меня и лисица, и ястреб сразу заметят". И зайчишка забивался в самую глушь, под кусты, в болотистые заросли. Однако и там белая шубка легко могла его выдать зоркому глазу хищника.

Но вот однажды, когда зайчишка лежал, забравшись под кустик, он увидел, что всё кругом как-то вдруг потемнело. Небо укрыли тучи; однако из них не закапал дождь, а посыпалось что-то белое и холодное.

Первые снежинки закружились в воздухе, стали садиться на землю, на блёклую траву, на голые сучья кустов и деревьев. С каждой секундой снег падал всё гуще и гуще. Уже невозможно было разглядеть ближайшие деревья. Всё

утонуло в сплошном белом потоке.

Снег перестал только к вечеру. Небо прояснилось, выглянули звёзды, яркие и лучистые, как голубые морозные иглы. Они осветили поля и леса, принаряженные, укрытые белым покровом зимы.

Уже давно наступила ночь, а зайчишка всё лежал под кустом. Ему страшно было выбраться из своей засады и отправиться на ночную прогулку по этой необычно белой земле.

Наконец голод всё же заставил его покинуть убежище и поискать еду.

Найти её было не так уж трудно - снег только слегка прикрывал землю и даже не спрятал самых маленьких кустиков.

Но случилась совсем другая беда: едва зайчишка выскочил из-под кустов и перебежал полянку, он с ужасом увидал, что всюду за ним тянется вереница его следов.

"По таким следам любой враг меня легко может найти", - подумал косой.

Поэтому, когда под утро он снова отправился на дневной отдых, заяк ещё тщательнее, чем раньше, запутал свои следы.

Только проделав это, он спрятался под кустик и задремал.

Но зима принесла с собой не одни огорчения. Когда рассвело, зайчишка с радостью увидал, что его белая шубка совсем незаметна на белом снегу. Заяк будто оделся в шубку-невидимку. К тому же она была куда теплее его летней серенькой шкурки, отлично спасала от мороза и ветра.

"Зима не так уж страшна", - решил зайчишка и спокойно задремал на весь день до вечера.

Но таким приятным оказалось только начало зимы, а потом дело пошло всё хуже и хуже. Снегу напало очень много. Его почти невозможно было разрыть, чтобы добраться до уцелевшей зелени. Заяк напрасно бегал по высоким сугробам в поисках пищи. Не часто удавалось ему пожевать какую-нибудь торчавшую из-под снега веточку.

Однажды, бегая в поисках еды, заяк увидел лесных великанов лосей. Они спокойно стояли в осиннике и с аппетитом обглаживали кору и побеги молодых осинок.

"Дай-ка и я попробую, - подумал зайчишка. - Только вот беда: у лосей ноги высокие, шеи длинные, им легко дотянуться до молодых побегов, а я как же достану?"

Но тут ему на глаза попался высокий снежный сугроб. Заяк вскочил на него, встал на задние лапы, легко дотянулся до молодых, тонких веточек и стал их обглаживать. Потом и кору осинки погрыз.

Всё это ему показалось очень вкусным, и он наелся досыта.

"Значит, снег большой беды не наделал, - решил косой. - Он спрятал траву, но зато позволил добраться до веток кустов и деревьев".

Всё было бы ничего, вот только мороз и ветер начали донимать зайчишку. Но спасала его даже тёплая шубка. От стужи некуда было спрятаться в голом зимнем лесу.

"Ух, как холодно!" - говорил косой, бегая по лесной полянке, чтобы немного согреться.

Наступил уже день, давно пора отправляться на отдых, а заяц всё никак не мог разыскать себе место, чтобы укрыться от ледяного ветра.

На самом краю поляны росли берёзы. Вдруг зайчишка увидел, что на них спокойно расселись и кормятся большие лесные птицы - тетерева. Они прилетели сюда, чтобы полакомиться серёжками, которые висели на концах тонких ветвей.

- Ну, наелись - пора отдохнуть, - сказал старый тетерев своим собратьям. - Скорей спрячемся в норки от сердитого ветра.

"Какие же могут быть норки у тетеревов?" - удивился зайчишка.

Но тут он увидел, что старый тетерев, сорвавшись с ветки, комом упал прямо в снег, будто в воду нырнул. Точно также поступили и другие тетерева, и скоро вся стая скрылась под снегом.

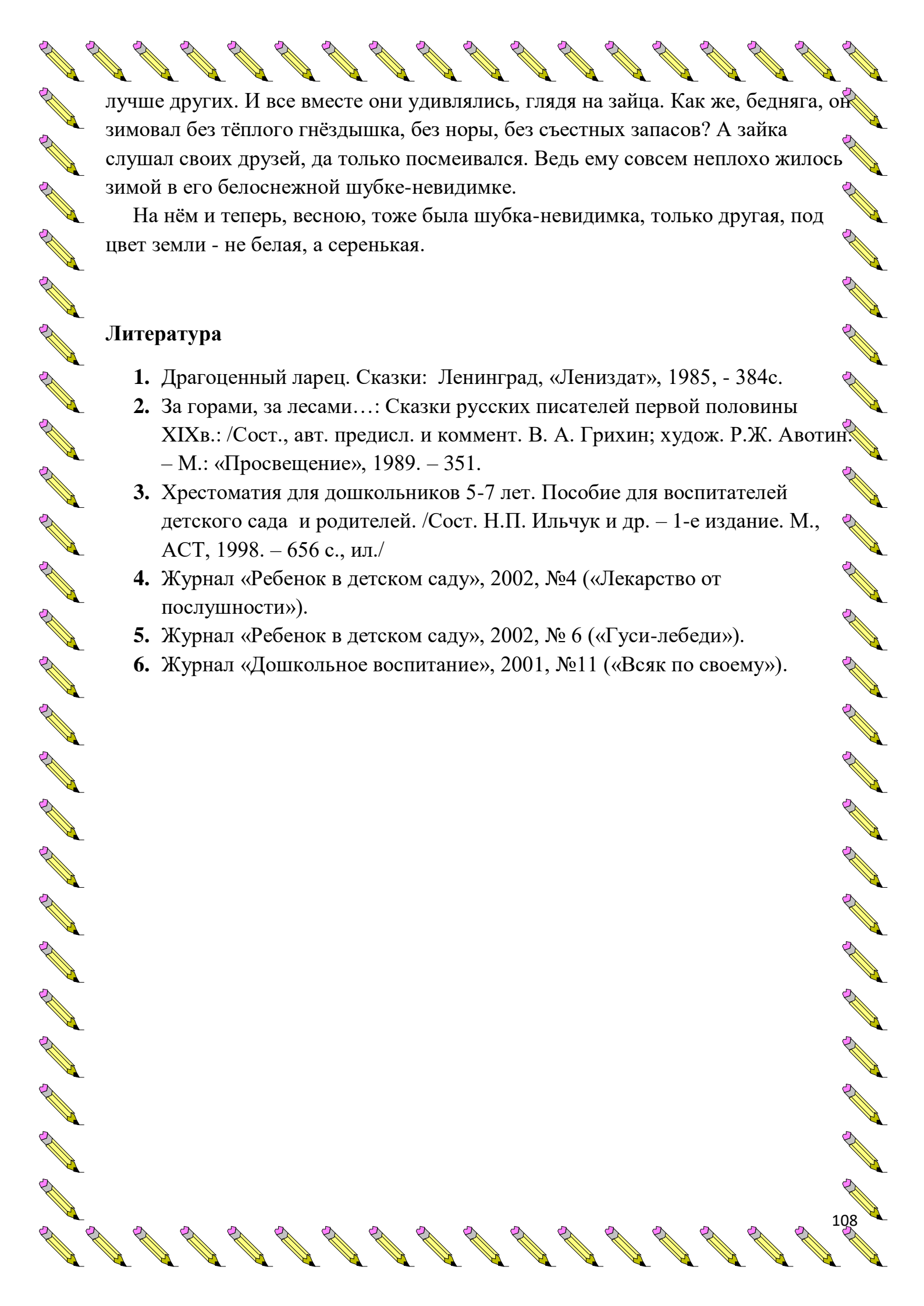
"Неужели же там тепло?" - удивился зайчишка и решил тут же попробовать вырыть себе снежную норку. И что же? В норке под снегом оказалось куда теплее, чем на поверхности. Ветер не продувал, да и мороз донимал много меньше.

С этих пор зайчишка вполне освоился с тем, как ему зимовать. Белая шубка в белом лесу укрывала его от глаз врага, сугробы снега помогали добраться до сочных побегов, а глубокая норка в снегу спасала от холода. Зайчишка чувствовал себя зимою среди заснеженных кустов не хуже, чем летом в зелёных цветущих зарослях. Он даже и не заметил, как миновала зима.

* * *

И вот снова пригрело солнце, растопило снег, вновь зазеленела трава, распустились листья на кустах и деревьях. Из южных стран возвратились птицы.

Хлопотунья белка вылезла из гнезда, где пряталась зимою от холода. Выбрались из своих убежищ барсук, бобр и колючий ёжик. Каждый из них рассказал о том, как он проводил долгую зиму. Каждый считал, что провёл её

лучше других. И все вместе они удивлялись, глядя на зайца. Как же, бедняга, он зимовал без тёплого гнёздышка, без норы, без съестных запасов? А зайка слушал своих друзей, да только посмеивался. Ведь ему совсем неплохо жилось зимой в его белоснежной шубке-невидимке.

На нём и теперь, весной, тоже была шубка-невидимка, только другая, под цвет земли - не белая, а серенькая.

Литература

1. Драгоценный ларец. Сказки: Ленинград, «Лениздат», 1985, - 384с.
2. За горами, за лесами...: Сказки русских писателей первой половины XIXв.: /Сост., авт. предисл. и коммент. В. А. Грихин; худож. Р.Ж. Авотин. – М.: «Просвещение», 1989. – 351.
3. Хрестоматия для дошкольников 5-7 лет. Пособие для воспитателей детского сада и родителей. /Сост. Н.П. Ильчук и др. – 1-е издание. М., АСТ, 1998. – 656 с., ил./
4. Журнал «Ребенок в детском саду», 2002, №4 («Лекарство от послушности»).
5. Журнал «Ребенок в детском саду», 2002, № 6 («Гуси-лебеди»).
6. Журнал «Дошкольное воспитание», 2001, №11 («Всяк по своему»).